

ТАТЬЯНА СЕМАКОВА

НАУЧИ МЕНЯ |
ТАНЦЕВАТЬ

Папина дочка, выросшая в домике егеря в лесу, отличный следопыт, умная, предприимчивая и ловкая, сталкивается на своём жизненном пути с неожиданной проблемой. Любовь. Реальность или вымысел? Что делать с этим чувством, пожирающим изнутри, если оно не взаимно? Смириться, как бы больно это ни было? Василиса подумает над этим позже, а пока — нужно срочно найти и вызволить его сестру. В конце концов, именно этим она и занимается в своём агенстве по поиску пропавших.

Ночные гости

Входная дверь слегка пошатнулась под натиском ломившегося с улицы, затем послышались глухие удары, подобные раскату грома. Я поднялась и пошла открывать, машинально взглянув на старинные настенные часы в кованой металлической раме: час ночи. Евгений Павлович лениво поднял морду и покосился сначала на дверь, потом на меня, потом снова на дверь и устроился обратно, тяжело вздохнув.

— Охранничек... — пробормотала я и пошла открывать, потому как грохот не прекращался.

Надо сказать, поздние гости не такая уж и редкость в доме отца. К нему шли все: заплутавшие грибники в состоянии близком к обморочному, раненые охотники, жители элитного поселка, активно разрастающегося неподалёку, застрявшие в непролазной грязи на дорогих спортивных тачках с низкой посадкой. Однажды пришел какой-то чудак за солью, мол, по-соседски. Какое может быть соседство, если на пятнадцать километров с трех сторон только лес, захудалая деревенька, жителей которых знаешь по именам, да одна-единственная дорога, а позади дома — довольно широкая река, с таким подводным течением, что только человек, начисто лишенный инстинктов самосохранения, решит в нее зайти? Но отец даже бровью не повел, дал соли, и мужичок удалился. Оказывал первую помощь охотникам, оставлял на ночлег грибников, вытягивал из грязи богатеев, которые, свернув с трассы, выбрали не ту дорогу на развилке. В общем, в этом доме всегда были рады всем, в любое время и по любому вопросу, чем нещадно пользовались жители деревеньки, где каждый знал — Егеря поможет.

Так как ввиду временного отсутствия самого Егеря почетные обязанности выполняю я, нечего было и думать о том, чтобы затаиться и малодушно переждать. Отец каким-то непостижимым образом узнает и страшно расстроится. Я прямо-таки вижу его большие грустные глаза, смотрящие с укором.

На пороге стоял Серега, с окровавленным мужиком на горбу, который то ли был без сознания, то ли на том свете. Впрочем, такая картина не нова, и я покорно посторонилась, пропуская дорогих гостей. Гости, кстати, в самом деле были дорогими. Сергей трудится не то охранником, не то водителем у какого-то дяди из того самого поселка, в который приезжали только на дорогих иномарках, любит стильные шмотки и легкий выпендредж. У его ноши на руке были часы примерно равные по стоимости моей городской квартире. Неплохой, между прочим, по меркам простых смертных.

Серега аккуратно переложил свой груз на пол и выдал незамысловатое:

— Василиса, помоги.

Я с сомнением покосилась на пол, мол, а есть ли смысл суетиться, как вдруг мужик слабо пошевелился.

— Чем? — поинтересовалась равнодушно.

— За нами хвост, — косясь на дверь заявил Серега, — никто не должен знать, что он еще жив.

— А он точно должен быть жив? — флегматично поинтересовалась я.

— А, по-твоему, я просто ради развлечения ночью по лесу его на себе таскаю? — разозлился он. Я стояла и молча выжидала, когда до него дойдет, что знать мне это в общем-то не от куда.

«Вот и огонек озарения промелькнул в глазах. Вот и славно, всего то пол минуты прошло. Мы же не торопимся» — пронеслось в голове. Хорошо, что я давно научилась не выдавать всю ту язвительность, на которую была способна. Зачем людям настроение портить?

— Короче, — спокойно начал он, — у меня максимум минут десять, чтобы оказаться как можно дальше отсюда, иначе нам обоим крышка. Моя тачка в вашей трясине, до дома пойдут пешком, шанс уйти есть, но он тает на глазах. Поможешь?

«Ваша трясина» прозвучало оскорбительно, не я ж ее культивирую в самом деле, а матушка природа, но в этом доме не отказывают. Я ненадолго задумалась, разрабатывая план. Надо отметить, голова у меня варит неплохо, особенно в стрессовых ситуациях. Бегло осмотрела ранения, в принципе, ничего смертельного: два пулевых по касательной, в левое плечо и руку, довольно глубоких. Бледный, на лбу испарина, но до обморока по общим признакам было вообще-то далеко.

Залила раны антисептиком и наложила тугие повязки. Пока это все, что успею.

— В погреб его, — скомандовала Сереге.

— Какой нахрен погреб, Василиса?! — взвизгнул Сергей от возмущения, а я чуть не фыркнула, так это забавно выглядело. — Он же там загнется!

— Загнется или нет не знаю, это время покажет, — ответила серьезно. — А ты либо слушайся, либо забирай свой полутруп и проваливай встречать гостей на дорогу.

— Черт! — выругался Сергей и потащил ценный груз к подполу. — Открой, — пробубнил он, а я продолжила инструктаж.

— Положи его за ящиками с картошкой и накрой мешковиной, — открыла лаз в подпол и включила там свет, продолжая пояснять: — она на стеллаже справа.

Схватила тряпку и вытерла капли крови, ведущие к подполу. Серега поднялся, закрыл люк и выжидающе уставился на меня.

— Нормальные мужики, Сережа, к бабам с цветами приходят, — наставительно произнесла я и без перехода продолжила: — снимай рубашку. — Взгляд его моментально затуманился, а я закатила глаза, взяла с вешалки у входа отцовскую куртку и протянула Сереге. — Рубашка вся в крови. Приличные люди в таком виде по улицам не шастают. Выйдешь через веранду к пристани, по пути постарайся выжать из нее хоть пару капель. На пристани возьмешь лодку, придется поработать руками, мотор не заводи, поплывешь налево, по течению, особенно от берега не отходи, за деревьями не увидят. Через пару километров будет мост, привяжешь под ним, там крюк есть, не пропустишь, он белой краской выкрашен. Справа от моста домишка стоит, почти сарай, не приглядываться — не увидишь. Постучишь, скажешь от Егеря, попросишь машину. У Деда старая «Нива», но бегаёт прилично. Если не вернешь или разобьешь, лучше сразу пиши завешание. О госте позабочусь, если на то будет воля Божья. Все, топай.

Серега посмотрел с сомнением, но не сказав ни слова, рванул на веранду. Хотя «спасибо» было бы вполне уместно.

— Будем ждать гостей, — сказала я Палычу, который с интересом наблюдал все это время. Перетащила его коврик на люк и приказала: — Место!

Палыч улегся, дважды ему предлагать не надо, ничего не делать — его любимое занятие. Набрала воды в таз, поставила рядом с размазанной по полу кровью и немного повозила по ней тряпкой. Хитрости все эти, конечно, излишние, учитывая, что в подполе у меня мужик, но вдруг гости у меня не слишком умные будут? Не хотелось бы думать, что я

буду заменой Сереге в качестве второго трупа. Любовник он, конечно, не плохой, но неплохих много, а я у себя одна.

Ждать пришлось не долго, за окном послышался топот.

«Трое» — машинально отметила я.

Палыч поднялся и замер, готовый вцепиться кому-нибудь в горло. Вспомнил, видимо, что он вообще-то здоровущая черная немецкая овчарка.

— Лежать и не двигаться, — прошипела я. Палыч лег и затих, он слишком хорошо знал этот тон. Теперь даже если начнется война, он не поднимется без моего приказа.

В дверь снова загрохотали, я поднялась с пола и пошла открывать. Невежливо заставлять людей ждать.

На пороге стоял мерзкий тип, лет сорока, какой-то весь щупленький и сухонький, с большими пустыми глазами без выражения, тонкими белесыми губами и светлыми, довольно длинными волосами, зачесанными назад. Вот только косы не хватает в руках, да чёрной мантии с огромным капюшоном. Вместо всего этого великолепия позади него стояли два молодца с до того круглыми мордами, что глазки на них почти не угадывались.

— Не поздновато ли ты дверь открываешь, деточка? — поинтересовался первый таким скрипучим голосом, что я невольно поморщилась. Ей-богу, как пенопластом по стеклу.

— А вы постучали, чтобы вам не открыли? — невинно поинтересовалась я и тут же очутилась на полу от удара ногой в живот, проехав на пятой точке ещё пару метров по инерции.

«Вот тебе и сухонький» — незадачливо отметила про себя, пытаюсь дышать. Поаккуратнее надо с выражениями.

Скрипучий между тем по-хозяйски вошел, круглолицые следом за ним.

— В доме есть еще кто-то? — спросил деловито, видать, он у них за жожака.

— Только я и Евгений Павлович, — смогла ответить я, отдышавшись.

Скрипучий мотнул головой, мол, проверьте тут все.

— А кто у нас Евгений Павлович будет? — спросил ехидно.

— Да вон, на коврике.

Тип противно хихикнул.

— Собачка не кусается?

— Нет, он воспитанный.

— Тем лучше для него...

Пока скрипучий оглядывался, вернулись парни с осмотра, отрицательно мотнув бритыми головушками. Вздохнув, как будто на его плечах лежали все тяготы мира, он взял табуретку, пристроился рядом со мной и заглянул в глаза. Я, судя по всему, должна была провалиться. Что ж, попытаюсь. Глаза распахнулись, я слегка задрожала, старательно изображая испуг. Давай, мужик, переходи к делу, мне еще гостя штопать.

— Где они?

«Ну наконец-то».

— Кто? — задала я самый глупый вопрос, на который была способна. Он поднялся и с чувством пнул меня по ребрам.

«Вот козел. Ладно, ладно, я прониклась».

— Сережа? — спросила испуганно.

— Сережа, Сережа, — пропел скрипучий.

— Так ведь ушел, минут за десять до вас, разминулись вы...

— Один?

— Ушел один, а второго ушли.

— Что значит ушли? — начал злиться скрипучий и замахнулся, на этот раз рукой.

— Второй сам уже никуда не уйдет, — быстро заговорила я, прикрываясь обеими руками.

— Рассказывай.

— Да чего рассказывать, рассказывать то и нечего вовсе, — заныла я, старательно вживаясь в роль идиотки. Скрипучий приподнялся и от души пнул меня еще пару раз, а я, поскуливая, заговорила быстрее: — В дверь постучали, совсем как вы недавно, я открыла, у нас нельзя не открыть, не принято так, открыла, значит, а там Серега стоит, на спине, как рюкзак, мужик какой-то без признаков жизни. Помоги, говорит, Василиса, — я старательно передразнила Серегу, — никто, говорит, не должен знать, что он мертв. А я ему говорю, ты дурак что ли, Сережа, на кой хрен ты мне труп припер, нормальные мужики с цветами к бабе ходят. Вот скажите, адекватный вообще? — трещала я, все больше увлекаясь. — Хоть бы раз сережки какие приволок, или там колечко, не знаю, да хоть розочку тщедушную, на худой конец, а он что? Мужика дохлого! Кто он мне, кот чтоли в доме деревенском, добычу к дверям подкладывать? Тоже мне, мышелов хренов! Да еще и выдает, что надо закопать его по-быстрому. У меня натурально глаза на лоб полезли, а он дальше свое гнет, давай, говорит, в сарае его зароем, там пол земляной, ни одна живая душа не сыщет. Совсем с ума сошел!

— Зарыл? — перебил меня скрипучий.

— Ага, зарыл, как же, так я ему и позволила! Он умоляет, а мне живи тут как на кладбище, — возмутилась я. — Что за мужик пошёл? Пару раз трахнулись, и он думает, что я ему по гроб обязана буду. Да кто кому еще обязан должен быть... Скулил подо мной, точно щенок дворовый.

Круглолицые противно ухмылялись, как будто со свечкой стояли, а я напряглась, а ну как это дружки Серегины? Не общественное мнение о моей личной жизни взволновало, а во что этот придурок влип.

«Пропала дедова «Нива»...» — подумала с горечью.

— Где труп?

— Почему я знаю? Погнала я его, где хочешь, говорю, там и копай, только не на моем участке. Вон, плыви, говорю, на другой берег и там хоть всю ночь рой в свое удовольствие. А он хватить мужика своего как мешок, и выскочил через веранду. Лодку поди угнал, паршивец... батя с меня три шкуры теперь снимет... — добавила печально и задумалась ненадолго, сделав театральную паузу, — а, ну вот, о чем это я? В общем, выгнала его и убираться начала. Кровь если засохнет, потом не оттереть же, пробыл то пять минут от силы, а напакостил, пол ночи убираться теперь... а тут вы пришли, да давай с порога сразу драться, как будто я вам чего плохого сделала...

Шмыгнула пару раз носом для полноты картины и сникла, скрючившись на полу и опустив голову.

«Давай, соображай быстрее, дядя. Вся информация у тебя уже есть».

— Что, говоришь, он сказал, когда пришел? Про то, что никто не должен знать.

Я прикрыла рот рукой, якобы сообразив, что проболталась, и недовольно пробурчала:

— Никто не должен знать, что он мертв.

— Прямо так и сказал?

— Прямо так и сказал.

— А ты мне, часом, не вкручиваешь? — подленько поинтересовался скрипучий.

— Что у меня, ребра что ли лишние? — насупилась я.

— Ну-ну... — протянул он и задумался. — Скажи-ка, деточка, а подвальчик у тебя имеется?

«Скажите пожалуйста, какой умник!»

— А то, как же! Куда ж без подвальчика-то, соленья там всякие, компот на зиму, картошку, опять же...

«И мужик раненый».

— И где же он у нас? — расплылся скрипучий в улыбке. Хотя улыбкой это мог бы назвать только такой же псих.

— Вон там люк, — мотнула головой в сторону кухни, — аккуратно под собачкой.

— Открывай.

Я с трудом поднялась и пошла, почему-то прихрамывая.

«Не переигрывай» — одернула себя мысленно и потрусила веселее. Согнала Палыча и открыла люк.

— Проверь, — приказал одному из парней.

Тот приблизился, заглянул в темноту и с сомнением покосился на скрипучего. Положительно, лезть ему туда не хотелось.

— Свет есть? — спросил парень угрюмо, не особенно, впрочем, рассчитывая на удачу.

— Конечно, конечно, — порадовала я его и суетливо метнулась к выключателю. Свет вспыхнул, и парень полез в подпол.

Надеюсь, Серега про мешковину не забыл. Встала на колени и заглянула вниз. Не забыл. Парень медленно двигался по подполу с пистолетом в руках, а я с интересом наблюдала. Дошел до картошки... Еще пару шагов и мой гость будет обнаружен.

— Простите, — пискнула я, — а вы картошечки не прихватите? Вон там и ведерочко стоит... Мне немножко совсем, — парень повернулся и одарил меня тем самым особенным взглядом, что я сразу же поняла — картошки мне не видать, как своих ушей без зеркала и, конечно, загрустила, а он пнул ведро, резко развернулся и пошел обратно.

«Придунок самодовольный».

— Простите, просто я сама собиралась, а раз уж вы там, ну я и подумала... самой-то страшно, хоть и свет... — бормотала я, отползая на четвереньках.

— Пусто, — констатировал парень с сожалением, вылезая.

— Черт! — выругался скрипучий, видимо, в самом деле рассчитывал, что два мужика сидят их в подполе дожидаются. — Проверь, на месте ли лодка?

Парень подорвался и побежал на причал. Вернулся через полминуты.

— Лодки нет и капли крови в ту сторону. Уплыл гад!

«Ну наконец-то. Сыщики доморощенные. Да я бы вас к себе в уборщики не взяла».

— Черт! Быстро к машине! — скомандовал скрипучий, — Не мог он далеко уйти. Сука, Испанца бы притопить не успел, — услышала я уже с улицы.

«Так-так... Интересно. Подумаем над этим позже».

Открыла окно, села на пол, привалившись спиной к кухонному гарнитуру, лениво почесывая Палыча за ухом и прислушиваясь. Ночью в лесу звуки хорошо разносятся. Я слышала, как гости бегут, как хлопают дверьми машины. Звук заработавшего двигателя, постепенно удаляющегося. Больше ждать смысла не было, я неохотно поднялась и начала спуск в подвал.

— Гости уехали, — сказала громко и привалилась спиной к лестнице. Мешковина полетела в сторону, мужик поднялся, пряча пистолет за пояс джинсов.

— А ты актриса, — хмыкнул он и пошел мне на встречу, слегка покачиваясь. Надо отметить, вентиляция в подвал идет прямо из кухни, так что, если он был в сознании, а он был, слышал все мои ужимки прекрасно.

— Кто бы говорил... — едва слышно пробубнила я и полезла из подпола.

— Куда?

— Прямо и направо, — кивнула я в сторону комнаты, из которой шла дверь в ванную. Взяла дежурную аптечку, ножницы и пошла следом, присматриваясь. В первую очередь, никаким мужиком он не был. То есть, конечно, пол мужской, но лет ему тридцать с небольшим, так что правильнее сказать, парень. Со спины он был хорош: высокий, под два метра, широкоплечий, с развитой мускулатурой. Если оценивать привлекательность моими мерками (то есть на вес, как барана), то он был определенно в топе. Впрочем, в этом они с Сергеем похожи, уступал он ему буквально кило на пять. Пока я тарацилась, он умылся одной рукой и сел на край ванны.

— Заштопаешь?

Я кивнула, подошла почти вплотную и стала деловито резать рубашку от рукава к плечу, придерживая ткань с внутренней стороны, и стараясь не касаться его руки. Тщательно промыла раны и набрала в шприц обезболивающее.

— Колоть или героически потерпите? — не удержалась я от язвительности. По непонятным причинам парень меня раздражал.

— Коли, — кивнул он сдержанно. Такое ощущение, что я его раздражала не меньше.

Я мысленно ухмыльнулась и с удовольствием сделала пару уколов вблизи ран, представляя, как это должно быть неприятно. Немного выждала, наложила несколько швов и повязки.

— Принесу во что переодеться, — пробубнила едва слышно, резко развернулась на пятках и вышла, а когда вернулась с отцовской футболкой, он все еще воевал с первой пуговицей. Крови он успел потерять прилично, руки не слушались, на лбу снова выступила испарина.

Язвить больше не хотелось, я отложила футболку, подошла и начала расстегивать пуговицы, аккуратно сняла рубашку и помогла с футболкой.

— Спасибо, — процедил он почти не шевеля губами. Было очевидно, слово это ему знакомо в основном понаслышке, произносить его он не привык, но ситуация обязывала. Мог бы и не утруждаться, на самом деле.

— Спать можете лечь в комнате, — кивнула я на открытую дверь и посторонилась, пропуская его. Набрала в шприц лекарство, подумала, набрала еще один шприц и подошла к кровати, на которой он успел улечься, пристроив пистолет на тумбочке рядом. — Антибиотик, — указала я кивком на шприц в руке. Он как-то странно посмотрел, но кивнул утвердительно. — Внутримышечно... — пробормотала я и почему-то покраснела, хотя вообще то стеснительностью не страдала, скорее наоборот, а он снова кивнул.

Испытывая неловкость, расстегнула молнию на его джинсах, приспустила их, быстро сделала укол и, не глядя на него, вернулась в ванну, прикрыв за собой дверь.

«Какого хрена?» — бормотала про себя, тщательно натирая пол, — «Нашлась тут барышня кисейная».

Убравшись, вышла из ванной, мазнув по нему взглядом, и спокойно прошествовала

через всю комнату, усиленно демонстрируя своим видом безмятежность. Выждала полчаса, зашла снова и сделала еще один укол, теперь уже действительно антибиотик. Так что, в целом получилось практически не вранье.

Теперь у меня есть часов пять минимум на то, чтобы спокойно оценить ситуацию и хоть немного поспать. Я вздохнула, набрала номер Макса и долго слушала гудки, представляя, как он таращится на телефон и борется с желанием послать меня куда подальше.

— Я надеюсь, тебе одиноко и хочется прижаться к крепкому мужскому плечу, — все-таки отозвался он.

— Конечно, да, но не сегодня, — вздохнула я в ответ.

— Василиса, почему я это терплю? — устало спросил он.

— Не могу знать...

— Все ты знаешь. Мозги отшибло напрочь от твоего темперамента. Слаб я, Василиса, а ты этим бесстыдно пользуешься. Хоть бы пригрела по старой памяти, три месяца от меня бегаешь как от огня. Кто он? — без перехода спросил Макс, а я поморщилась. — Тот мордастый, да? Эх, Василиса, чем тебе моя морда не угодила?

— Ты сейчас хочешь это выяснить?

— А ты, надо полагать, хочешь выяснить что-то другое?

— Ты такой проницательный...

— Вот только давай без этих твоих штучек, — хохотнул он и тут же посерьезнел, — спрашивай.

Я набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

— Кто такой Испанец? — в трубке что-то грохнуло, а я терпеливо ждала, пока Макс придет в себя.

— Почему ты спрашиваешь? Все в порядке? Где ты? Я сейчас приеду! Черт! Не молчи!

— Да я даже слово вставить не успеваю, — вздохнула я, — приезжать не надо, я у отца, все в порядке.

— Во что ты вляпалась?! — рявкнул он. — Чуюло мое сердце, не надо было тебе помогать с этим твоим агентством...

— Пока ни во что и, надеюсь, так и будет. Ты на вопрос ответишь?

— А если нет, ты отстанешь и не будешь выяснять?

— Глупости-то не говори.

Максим тяжело вздохнул и ненадолго замолчал.

— На самом деле рассказывать особо нечего. Испанец, в миру Чернов Алексей Владимирович, счастливый обладатель всех складов в нашем славном городе, по праву наследования, так сказать. Папаша его, ныне почивший, держал всю логистику, начиная от поставок в рядовые продовольственные магазины до бог знает чего. Вся торговля проходила через его цепкие руки, причем, сам он ни разу уличен в каких-либо незаконных перевозках не был. Любил дядя праздный образ жизни и уже года три как скончался от инфаркта под какой-то девкой. В общем, жил на полную катушку и умер счастливым человеком. Все дела прибрал к рукам его сынок. Что они там возят, от кого и для кого, до сих пор никто в нашей доблестной разобратся не смог и, по-моему, уже даже не пытаются. Пальцем тыкать не буду, но некоторые в конторе кушают у него с рук и преданно заглядывают в глаза. В общем, наглый и удачливый сукин сын, от которого приличным людям следует держаться подальше. Намек поняла?

— Поняла. Сможешь еще что-нибудь разузнать?

— Только если ты ответишь, зачем тебе это?

— Я пока что и сама не знаю, — пригорюнилась я, — но, чувствую, может пригодиться.

Макс снова затих. В мое чутье он верил свято и открывающиеся перспективы его не радовали.

— Узнаю все, что смогу, — и добавил серьезно: — Но с тебя ночь любви.

— Не можешь же ты в самом деле такое взамен просить? — делано удивилась я. — Это ж совсем не по-джентельменски.

— Еще как могу, — хохотнул он. — Все, до связи, — и отключился.

Я повертела телефон в руках, бессмысленно таращась в пол. Информации не густо, но теперь я хотя бы знаю кто спит у меня в гостевой спальне. Я набрала смс с текстом «Чернов Алексей Владимирович. Все, что удастся найти» и тут же получила ответ «ОК». Пашка, в отличие от Максима, ночами предпочитал не спать, бороздя просторы интернета. Чем он там занимался часами для меня было загадкой и она, пожалуй, была одной из немногих, что разгадывать не хотелось.

Оперуполномоченный

С Максимом судьба свела меня два года назад. Я изнывала от тоски в отцовом доме, который уехал с Леночкой в очередное путешествие и кляла себя, что не поехала с ними. Впрочем, Палычу было тогда около двух месяцев и чувство долга перед маленьким смешным существом пересилило. Девушка я ответственная и всю себя решила посвятить обучению нового члена семьи, так как отец считал, что все в доме должны приносить пользу. Евгений Павлович к делу подходил добросовестно, соображал быстро, а рос еще быстрее. Через пару недель он уже знал все команды, обычные для рядовой собаки и перестал жевать все, что попадалось, хотя на мои кроссовки, сиротливо стоявшие у двери, продолжал коситься. Я решила не останавливаться на достигнутом и начала учить его брать след, не подозревая, что через пару дней след придется взять мне.

Ранним утром меня подняли с кровати шум и голоса за окном. Так как ходить там было некому, я быстро оделась и спустилась вниз, как раз к тому моменту, как в дверь постучали.

— Здравствуйте, — поприветствовал меня рослый симпатичный парень и я решила, что утро, в целом, началось неплохо. Светлые, коротко стриженные волосы, зеленые глаза и пухлые губы. Помножим эти достоинства на девяносто килограмм и под ложечкой начинает сладко ныть.

— Здравствуйте, — кивнула я в ответ, борясь с желанием пригладить волосы, нахально торчащими во все стороны.

— Оперуполномоченный Соколов Максим Игоревич, — представился он и протянул ксиву. Я тщательно ее изучила и снова кивнула, — Михаила Викторовича можно увидеть?

— Боюсь, что нет, — опечалилась я. Печаль моя в основном относилась к тому факту, что симпатичному следователю нужен был отец. — Он с женой сейчас где-то в Ирландии.

— Что ж... прошу прощения за беспокойство, — развернулся и пошел к группе людей в форменной одежде, стоявшим недалеко от дома, а я продолжила стоять у открытой двери.

Понять, что привело его в наш дом труда не составило. Если к нам приходили в подобном составе, значит в лесу опять кто-то заблудился, причем, не из деревни, те бы сразу побежали к отцу, а не в полицию или МЧС, или куда там обычно отправляются за помощью рядовые граждане. И раз следователь пришел сюда, значит ищут уже не первый день, успели поговорить с жителями ближайшей деревеньки, которые направили их к отцу. Разумно, но довольно поздно. Несмотря на то, что днем уже довольно тепло, ночи все еще холодные.

«Только бы не ребенок, только бы не ребенок...» — бормотала я, торопливо обуваясь.

Выскочила к группе мужчин, все еще толкавшихся поблизости, руки противно дрожали. Они что-то обсуждали и топтались на месте, явно не зная, что еще можно предпринять.

— Кто заблудился? — громко спросила я, подходя ближе и переводя взгляд с одного на другого. Мужчины нахмурились и выглядели явно недовольными.

— Шли бы Вы в дом, — ехидно заметил один, — без Вас забот хватает.

— Кто заблудился? — упрямо переспросила я и, разумеется, не сдвинулась с места.

— Девочка, пять лет, — ответил Максим Игоревич, поняв, что отделаться от меня не получится.

— Как давно?

— Тридцать шесть часов.

Я крепко выругалась, мужчины в изумлении подняли брови, Максим Игоревич крикнул

и отступил на шаг назад.

«Идиоты» — прошипела я про себя и кинулась в дом. Оделась в непромокаемую одежду, теплую куртку, взяла воды, спички, фонарик и сунула в карман плитку шоколада. Самый быстрый походный набор, с которым, однако, можно провести в лесу несколько дней, при необходимости.

— Сторожи! — приказала Палычу и тот сел копилкой у входной двери, позевывая. Уже тогда я заподозрила в нем задатки настоящего лодыря. Но сейчас было не до обучения, я стрелой выскочила из дома, на счету была каждая минута, а эти увальни так и стояли, разинув рты. Припираться с ними было некогда, я на полном ходу пролетела мимо и свернула в лес, через него до деревни было всего полтора километра, которые я преодолела в рекордные сроки.

В деревне практически все жители вышли из своих домов, мужики одеты по-походному, женщины кутаются в шали и нервно кусают губы.

— Василиса! — крикнул один из них, маленький, но крепкий старик с круглый год до того загорелым лицом, что поневоле засомневаешься, а в той ли ты широте, что и пять минут назад, и махнул мне рукой, приглашая присоединиться. — Отца нет?

— Нет. Рассказывай, Семеныч.

— Деятели эти, сутки по лесу бродили, пока до нас дошли, — он досадливо махнул рукой, — я их к вам отправил, сами вот тоже начали собираться. А тебя что же, вместо отца пригласили?

— Пригласили, — хмыкнула я, — обратно в дом, чтоб не мешалась.

— Как есть никчемные, — сплюнул он себе под ноги. — В общем, время, сама понимаешь, не на нашей стороне. Девчонка маленькая, лет пять что ли, не из наших, из поселка ентого, — и махнул в сторону. — Начнем с той стороны, нас пятеро ну и ты, слава Богу, подоспела. — И добавил тихо: — Найдем.

— Найдем, — так же тихо отозвалась я, но все думали об одном и том же: найти то найдем, но будем ли этому рады?

Семеныч коротко изложил обстоятельства пропажи девочки и организованной толпой мы двинулись к поселку. Посоветовавшись, решили не обходить по дороге, а направиться сразу через лес, держась на расстоянии видимости друг от друга. В тишине, которую нарушали только наши шаги и звуки леса, мы дошли до поселка. Прятали взгляды друг от друга, но при встрече все же косились с надеждой. Звать девочку не было никакого смысла. За то время, что она пробыла в лесу, если она и была в сознании, то, вероятно, осипла от слез и обессилила от обезвоживания и голода.

Мы бродили весь день, каждые три часа собираясь вместе, отдыхали, снова рассредоточивались и искали. Ноги гудели, взгляд притупился и когда на лес начали опускаться сумерки решено было возвращаться. Поели в деревне в доме Семеныча в абсолютном молчании. Слишком много времени прошло, слишком много.

Я встала, стряхивая усталость и решительно пошла из дома.

— Продолжишь? — спросил Семеныч, уже зная ответ.

— Конечно, — кивнула и решительно направилась в лес.

Шансы найти ребенка ночью были ничтожны. Но даже этим ничтожным шансом я пренебрегать не могла. Можно было отдохнуть, набраться сил и с утра продолжить поиски, но это еще одна ночь в лесу, которую ребенку уже скорее всего не пережить. Думать о том, что мы уже опоздали я себе запретила, с таким настроением в бой не иду.

Снова дошла лесом до поселка и села на повалившуюся сосну, осматриваясь. Потом закрыла глаза, прислушиваясь к своим ощущениям и размышляя. Девочка зашла в лес примерно в том же месте, где я сейчас сижу. Что могло привлечь ее внимание? Почему она пошла сюда? Надеюсь, это был не человек, тогда в лесу мы можем искать ее напрасно. Ее просто похитили, а это уже совсем иные поиски. Родители у нее, должно быть, богатые, бедные в этом поселке не селятся, но требований о выкупе не поступало, иначе бы в лесу не искали. Значит, остановимся на том, что девочка в лес пошла сама, что-то ей приглянулось или показалось интересным.

Я включила фонарик и медленно осмотрелась. Мелькнуло что-то красное, при ближайшем рассмотрении оказавшееся огромным трухлявым мухомором, развалившимся на части. Я опустилась на колени, рассматривая гриб: шляпка подсохла в местах разломов, но гриб еще не сгнил, значит, разрушен он был не так давно, так что он вполне мог быть тем самым триггером, из-за которого любопытный ребенок пошел в лес. Предположим, она захотела его забрать и показать родителям, схватилась за него обеими руками, а тот рассыпался. Девочка испугалась и побежала. Куда? Свет фонарика вырывал отдельные куски леса, я напрягала глаза, шарила руками по земле и зачем-то принюхивалась, что было, в общем-то, излишним.

Надо заметить, ранее я никогда не занималась поисками заблудившихся самостоятельно, но сколько себя помню, всегда сопровождала отца. Он объяснял мне каждый свой шаг, говорил каждую мысль и этот гриб, который давал точку поиска, вселял надежду. Три часа я ползала по лесу с фонариком, идя по следу сбитых моховых кочек и сломанных веточек на уровне до полуметра от земли, пока не начал накрапывать дождь, а я поняла, что последние пол часа следов не было. Что я бестолково слонялась по пяточку земли метров в двадцать.

Привалилась спиной к какой-то кочке, растирая уставшие ноги, и тут же вскочила, вспомнив, что позавчера вечером тоже шел дождь. Сердце забилося где-то в горле, и я медленно стала вращаться вокруг своей оси, стараясь не заикливаться на отдельных деталях, как вдруг взгляд мой уперся в небольшое выкорчеванное дерево метрах в десяти от меня. Быстро преодолев расстояние, я посветила фонариком в самые корни и сначала ничего не увидела. На смену озарению, что ребенок мог спрятаться от дождя, надоедливо просачивалось разочарование. Потерла глаза, заставляя себя сосредоточиться и тогда увидела ее. Маленький комочек в болотного цвета куртке и веселой желтой шапочке с кошачьими ушками. Надо законодательно запретить пошив детских курток такого цвета. Если б не эта шапка, я бы ее никогда не нашла, даже зная точно, что она там. С большим трудом я достала ребенка, она слабо шевельнулась и открыла свои большие, измученные голодом, жаждой и слезами глаза.

— Все хорошо, — прошептала я, прижимая ее к себе, — все хорошо.

Завернула ее в свою куртку, сориентировалась на местности и рванула в деревню что есть сил, боясь упасть. Ветки хлестали по моему лицу, дождь разошелся до тропического ливня, а я развила такую скорость, на которую, казалось, была просто не способна. В деревню выбралась минут за пятнадцать, встречаемая громким лаем собак. Свет во всех домах тут же зажегся, на улицу стали высыпать местные жители, кто-то подбежал, забрал у меня из рук ребенка, понес ее в дом, подхватили меня под руки, и повели следом. Семеныч орал на кого-то по телефону, его супруга звонила в скорую, а я сидела у печки, дрожа всем телом и ревела, как никогда раньше в своей жизни. По прошествии времени, вспоминая ту

ночь в лесу, я благодарила Бога за то, как сильно мне повезло. Только чудом можно объяснить тот факт, что мне удалось найти ее.

— Чаю, чаю выпей, — суетился на до мной Семеныч. Я посмотрела мутно, отрицательно покачала головой и решительно поднялась.

— Домой пойду.

— Куда ты домой, продрогла вся и вымокла, заночуй у нас.

— Домой, — упрямо повторила я и в самом деле ушла. После поисков мы с отцом всегда уходили до того, как приезжали следователи, родственники или скорая. Во-первых, отвечать на многочисленные вопросы просто не было сил, во-вторых, и не хотелось. Не хотелось признания, оваций или похвалы, не хотелось всех этих допросов, слез радости или горя. Ничего уже не хотелось, кроме как оказаться дома, у камина и блаженно вытянуть ноги.

Не знаю, как я добралась и развела огонь. Как разделась и повалилась на диван, не дойдя до кровати, моя спальня была на втором этаже, и преграда в виде лестницы казалась непреодолимой. Проснулась ночью, меня бил озноб, наверное, поднялась температура. Палыч забрался ко мне, поскуливал и лизал мне руки, но, несмотря на довольно плачевное физическое состояние, чувствовала я себя прекрасно. Я нашла ее. Улыбнулась, почесала Палыча за ухом и провалилась в сон.

Уже утром я проснулась от стука в дверь. Она была совсем рядом, но, казалось, так далеко. Сил подняться не было, и я решила, что напрягаться не стоит. Потом постучали в окно, я закрыла глаза и мечтала, чтобы кто бы там ни был, он провалился сквозь землю. Но он не провалился, дверь, которую я закрыть не потрудились, с легким скрипом открылась и послышались тяжелые шаги. Человек подошел, наклонился над моим лицом и тихо позвал:

— Василиса Михайловна, — я сразу узнала его, вчерашнего следователя и поспешила открыть глаза, давая понять, что живая. — Лесные феи тоже болеют? — спросил он ласково.

— Чего? — не поняла я с какой стати ему вздумалось называть меня так.

— Девочка очнулась, — улыбнулся он, — говорит, ее спасла лесная фея.

Я слабо фыркнула и закрыла глаза. Он легко коснулся тыльной стороной ладони моего лба и вздохнул, а я снова провалилась в сон. Проснулась уже ближе к обеду. С кухни шел приятный запах, в животе тут же заурчало, и я поняла, как сильно хочется есть.

Гонимая голодом, я поднялась и прошлепала в ванну на втором этаже, не заглядывая в кухню. С удовольствием приняла душ, оделась попримечнее и критически осмотрела себя в зеркале. Надо сказать, особой красавицей я не была (впрочем, фигуры по типу песочные часы это не касалось). Довольно простые черты лица, серо-голубые глаза, которые смотрят холодно, а некоторым кажется даже, что надменно. На самом деле надменности или горделивости во мне никогда не было, но люди часто путают с ними абсолютное равнодушие. Мой испанский друг Бэрнардо подолгу мог смотреть мне в глаза, без слов, называя это чтением моей души. Врал, конечно, но мне всегда было безразлично, что он говорил, важно было лишь то, что те несколько недель, что мы проводили вместе пару раз в год, без преувеличения были лучшими в моей жизни, начиная с девятнадцати лет, когда мы впервые встретились. Он был прекрасным любовником, и еще лучшим учителем. Благодаря ему, однажды оказавшись со мной в постели, мужчина будет нести в себе память о чудесных мгновеньях еще очень долгое время.

Я подмигнула своему отражению и спустилась в кухню.

Максим Игоревич, в домашних тапочках моего отца, стоял у плиты и жарил яичницу.

Повернулся на звук и спросил с улыбкой:

— Пообедаете завтраком?

— С удовольствием, — кивнула я и устроилась за столом. Когда с едой было покончено, я довольно откинулась на спинку стула и улыбнулась, — спасибо Вам.

— Вы быстро пришли в норму, — потер он подбородок, размышляя, — я, признаться, стухнул. Хотел уже было скорую вызывать.

Я пожала плечами и начала его разглядывать с веселым озорством в глазах. Сильные руки, кольцо на безымянном пальце отсутствует... положительно, он мне нравился.

— Как Вам удалось? — все-таки спросил он.

— Вы за этим пришли? — в ответ спросила я, глядя ему в глаза.

— Если честно, сам не знаю зачем пришел, — смутился он и отвел взгляд. — Но этот вопрос был скорее поводом, — помолчал, собираясь с мыслями и посмотрел в упор, сказав вкрадчиво: — Никогда не встречал таких девушек. Сколько Вам, двадцать?

— Двадцать шесть.

— Впрочем, это не важно. Никогда не встречал таких девушек, — повторил он твердо. — Можно пригласить Вас на кофе? — я окинула взглядом кухню и засмеялась. — Черт, я идиот, — покачал он головой, улыбаясь, — совершенно не знаю, как себя вести... Наверное, мне лучше уйти. Рад, что с Вами все в порядке, и большое спасибо за помощь в поисках, если бы не Вы, я даже не знаю...

Он резко поднялся и пошел в прихожую, я прошла следом, привалилась плечом к стене и наблюдала, как он нарочито медленно переобувается, пытаясь найти предлог задержаться. Это все показалось мне ужасно забавным, я хихикнула и подошла почти вплотную, подняла голову, чтобы видеть его глаза и сказала просто:

— Мне бы не хотелось, чтобы Вы сейчас ушли.

Соображал он быстро и взгляды мои понял не двусмысленно.

— Можно Вас поцеловать? — спросил тихо.

Вместо ответа, я обняла его одной рукой за шею, а второй, едва касаясь пальцами, провела от ключицы до мочки уха, не отводя взгляд. Максим прикрыл глаза, слегка улыбнувшись, и осторожно меня поцеловал.

— Василиса, — шепотом позвал он, отстраняясь и проверяя реакцию, — если ты не думаешь продолжать, лучше остановись.

Останавливаться я и не думала, приподнялась на цыпочки и начала целовать его шею, расстегивая рубашку. Он резко подхватил меня на руки и понес в комнату, на ходу снимая обувь.

— Максим Игоревич, — со смешком сказала я часа через три, лежа на его плече, — Ваша благодарность за поиски выходит за рамки общепринятых.

— Прекрати... — досадливо поморщился он, — называть меня по имени отчеству! — добавил, смеясь, и навалился сверху и еще два часа пролетели незаметно. — Жрать-то как охота, — мечтательно сказал он, отдышавшись, — сварганишь что-нибудь?

— Вот еще, — фыркнула я, — ты знаешь где кухня. И вообще, я устала, ты совсем меня заездил.

— Кто кого еще заездил, — ухмыльнулся он, тяжело поднялся и побрел в кухню. Загремел посудой и хлопнул холодильником, насвистывая. А я сладко потянулась и задремала, не испытывая ни малейших угрызений совести и проснулась уже когда все было готово.

Максим накрывал на стол и выглядел жутко самодовольным. Подмигнул мне, устроился с хозяйскими видом и принялся увлеченно жевать.

— Тебе не пора? — спросила я через некоторое время, чтобы сбить с его лица это выражение. Подействовало, он даже жевать перестал. Посмотрела исподлобья и уточнил:

— Куда пора?

— Ну, не знаю, куда ты там обычно ходишь? К семье или друзьям.

— Нет у меня никакой семьи, — начал злиться он.

— Ну, может еще чего надо сделать, — равнодушно пожала я плечами.

— Гонишь, значит? — спросил зло, я промолчала. — Чем не угодил, можно узнать? — я продолжила молча смотреть ему в глаза. — Ладно, — поднялся, отшвырнув вилку.

Обиделся, наверное. Но мне было плевать. Нечего сидеть на моей кухне, точно он делает мне величайшее одолжение одним своим присутствием.

Нервно походил по первому этажу, собирая свои вещи и попутно одеваясь, нашёл только один носок, чертыхнулся и пошел как есть в одном в прихожую. На этот раз быстро оделся и ушел, громко хлопнув дверью.

— Какие мы нежные, — сказала я Палычу, тот твякнул в ответ и, по-моему, даже кивнул, а я принялась жевать.

Кушать и вправду очень хотелось.

Мухомор, изменивший все

На следующий день меня вызвали в участок. Точнее, часов в девять утра в дверь постучали, и я с удивлением обнаружила на пороге молоденького парня с огненно-рыжими волосами и веснушками по всему лицу. Он показал мне свое удостоверение, такое чистенькое и новенькое, что, казалось, он получил его только вчера. Впрочем, может так оно и было. Заискивающим голосом он попросил меня проехать с ним для дачи показаний. Мол, следствию важно знать, как и при каких обстоятельствах я начала искать и в итоге нашла ребенка.

Я попросила подождать и закрыла перед его носом-пуговкой дверь. Неспешно приняла душ, выпила кофе, с тоской поглядывая в окно, оделась и, наконец, вышла. Парень, а звали его, кажется, Шестаков Вениамин Павлович, переминался с ноги на ногу возле дома, не решаясь меня поторопить. Правильно делал, между прочим. Больше всего я ненавижу спешку.

Уже в участке, проводив меня до кабинета, он постучал и торопливо зашагал дальше по коридору, здорово напомнив шестилетку, пытающегося разыграть соседей по подъезду.

— Входите! — рявкнули из-за двери.

Я вошла и без удивления обнаружила за столом Максима. Он грозно на меня посмотрел, но не очень-то впечатлил.

— Проходите, Василиса Михайловна, — сказал язвительно, — присаживайтесь и рассказывайте, каким образом Вам удалось обнаружить маленького ребенка одной ночью в лесу.

Я села и принялась рассказывать в мельчайших подробностях начиная от визита самого Максима. Где-то на середине повествования, когда я только подходила к моменту, когда сидела на поваленном дереве, дверь без стука открылась и в комнату ввалился тучный коротышка лет сорока, в дорогом костюме и с огромным золотым перстнем на пальце-сосиске. Следом за ним вошла миловидная брюнетка в элегантном пальто, небрежно наброшенным на плечи, и уставшими глазами.

— Это она? — уточнил мужчина, Максим кивнул и досадливо поморщился, отворачиваясь. Такое хозяйские поведение нанесло еще один удар по его самолюбию, которое и так вчера изрядно пострадало.

Брюнетка обогнула спутника и кинулась мне на шею, причитая:

— Спасибо Вам, спасибо, Вы спасли моего ребенка, я не знаю, как Вас отблагодарить, спасибо!

«Уже отблагодарили» — хмыкнула я про себя и бросила насмешливый взгляд на Максима, который все прекрасно понял и начал злиться еще больше.

— Спасибо, ничего не нужно, — просто ответила я, отстраняясь и спрашивая из вежливости, — С ней все в порядке?

— Да, да, — закивала женщина, — испугалась очень, простыла и обезвоживание, конечно, но врачи говорят, что все будет хорошо, — и улыбнулась такой светлой улыбкой, что я мгновенно прониклась к ней симпатией. — Теперь Оленька все время рисует лесную фею, от которой исходит свечение. Всю зеленую и непременно с крыльями.

— Это свет от фонарика, — в ответ улыбнулась я.

— Присаживайтесь, уважаемые, — ехидно сказал Максим. — Василиса Михайловна как

раз перешла в своем рассказе к той части, как она единолично, да ещё и ночью, смогла обнаружить вашу дочь, — и, не поворачивая ко мне головы, пояснил: — Это родители девочки, Потаповы Григорий Игнатьевич и Людмила Аркадьевна.

— Можно просто Людмила, — доброжелательно сказала женщина, не обращая внимания на тон следователя.

— Василиса, — кивнула я в ответ.

Не знаю, к чему относилась эта его повышенная язвительность. То ли обида за мою вчерашнюю нелюбезность разыграла, то ли он до конца не верил, что я смогла одна отыскать ребенка. А может и вовсе засомневался, что ребенок плутал по лесу, а не, скажем, я же его и спрятала, чтобы потом быть героиней.

Григорий Игнатьевич, кстати, тоже смотрел настороженно, из чего я сделала вывод, что и ему такие мысли в голову приходили. Что ж, не безосновательно, если разобраться. Для человека, который в лесу был от силы пару раз, в компании, с GPS и по грибы, история действительно кажется невероятной.

— Я не в первый раз занимаюсь поисками заблудившихся в лесу, — сочла нужным пояснить я, — правда, раньше мне не доводилось делать это в одиночку. Моей отец служит егерем в местных угодьях, может знаете, наш дом расположен в чаще, в пятнадцати километрах от трассы, — крепко кивнул, подтверждая информацию. Я выждала момент и продолжила: — Так вот, потеряшки в наших лесах, увы, не такая уж и редкость, и с самого раннего детства я всегда выходила на поиски вместе с отцом и жителями деревни. Конечно, лет до десяти отец больше таскал меня на себе, — улыбнулась я своим воспоминаниям, как и Людмила, видимо, представляя себе эту картину, — но он у меня крупный и хлопот ему это не доставляло. Годам к четырнадцати я была уже полноправным членом добровольного поискового отряда, который собирался каждый раз, когда приходило известие о потерявшемся. Поиски по ночам проводились крайне редко, только в случае, когда на то была острая необходимость. Узнав, сколько времени прошло с начала поиска, я сочла ситуацию безотлагательной, — говорила я, глядя прямо на Максима, тот заерзал под мой взглядом, а отец семейства нахмурился, — и приняла решение не дожидаться утра. С собой у меня был фонарик и сменные батарейки, так что возвращаться в дом отца я не стала. Свои поиски я начала с места, куда, по словам людей из деревни, зашла девочка, — и тут же поправились, мягко улыбаясь: — Оля. — Людмила посмотрела на меня с благодарностью: куда приятнее, когда о твоём ребенке не говорят, как о неодушевленном предмете. Это вселило надежду, что меня тот час не арестуют за подозрение в краже и я неторопливо продолжила: — Прочесывать лес в одиночку и ночью было невозможно, поиски можно было продолжать только осмысленные. Для этого требовалось понять или хотя бы предположить, что привлекло внимание Оли. То есть, установить причину, почему она побежала в лес без разрешения, не дожидаясь родителей или другого сопровождающего. И потом я нашла мухомор, — просто закончила я и замолчала.

— И чего? — подал голос Потапов и уставился на меня, а я посмотрела на Людмилу, которая прикрыла глаза и замолчала, покачивая головой и вытирая со щек слезы.

Мужчины перевели на нее взгляд, полный недоумения. Потапов на автомате погладил жену по плечу, призывая успокоиться.

— Господи, ну, конечно, — тихо сказала она и схватила меня за руки, не поднимаясь, — наверняка он был просто выдающихся размеров, да? — я кивнула, а она подняла взгляд на мужа, — Гриша, дорогой, Оленька просто помещена на этих грибах, тащит

в дом все, что только сможет найти, с гордостью демонстрируя свои находки, — и ухмыльнулась, снова качая головой. — Я пыталась ей объяснить, что не все грибы можно брать, и только на участке, но разве маленькому ребенку можно рассказать обо всех опасностях? — она тяжело вздохнула и обратилась ко мне: — Но как Вы догадались?

— Больше ничего не было, — пожалала я плечами, — а мне очень хотелось хоть за что-то зацепиться. И тут этот гриб, разрушенный, с огромной красной шляпкой, его и с дороги наверняка было видно. Я решила, что любознательному ребенку (а другой бы в лес не пошел), просто необходимо было проверить, что же там такое мелькает. Оля попыталась его сорвать, но он был гнилой внутри и рассыпался у нее в руках. Подозреваю, что в нем успело поселиться много разной живности, которая начала расползаться и разлетаться в разные стороны. Она испугалась и кинулась куда глаза глядят.

— Но как Вы узнали, куда она побежала? — нахмурился Потапов.

— Знаете, я довольно долго ползала по лесу, выискивая следы, — резко ответила я, уже понимая, куда он клонит, — около четырех часов, если быть точной. Убежать далеко она не могла, ребенок все-таки, я нашла её всего в паре километров от дороги. Могу продемонстрировать Вам свои синие колени, если считаете нужным.

— Не нужно, — сурово сказал Макс, мои колени он помнил еще очень хорошо. И что они действительно похожи на один сплошной синяк, тоже. — Григорий Игнатьевич, рассказ Вас удовлетворил?

— Пожалуй, да, — поднялся он и протянул мне руку, — Василиса Михайловна, премного Вам благодарен. С Вашего позволения, я хотел бы отблагодарить Вас материально, я пришлю своего человека.

Я поморщилась и начала протестовать, но Людмила меня остановила, ласково взяв за руки:

— Пожалуйста, не отказывайтесь. Нам хочется сделать для Вас хоть что-нибудь, может быть, Вы приобретёте что-то действительно ценное для себя.

Вот бы она удивилась, узнав, что я приобрела на эти деньги. Да я сама бы удивилась, скажи мне кто об этом в тот момент.

Сцена затягивалась, и я кивнула, желая поскорее от них отделаться.

Потаповы вышли, а я вопросительно взглянула на Максима.

— Не смею задерживать, — сухо сказал он, глядя в стол и перебирая какие-то бумажки.

И снова было так забавно наблюдать за ним, что я не стала отказывать себе в удовольствии в сомнительной (для порядочной девушки) выходке. Подошла к двери и закрыла ее на ключ, торчавший в замке. Максим удивленно вскинул брови и сложил руки замком, наблюдая, как я, распустив волосы (а они у меня роскошные, до пояса), медленно начала раздеваться. Юбка уже была на полу, а он все сидел, сцепив зубы, но, когда я закончила с бельем, не выдержал и пошел ко мне.

— Что ж ты делаешь со мной, сучка ты наглая, — прошипел он, на ходу стаскивая с себя одежду. Я ухмыльнулась, ничуть не обидевшись, и повисла у него на шее.

В дверь уже несколько раз стучали, а мы все лежали на полу, на ворохе одежды, пока Максим наконец не поднялся, быстро одеваясь.

— Брысь отсюда, — кивнул он на дверь, — мне еще работать как-то надо.

— Чем не угодила? — спросила я, притворно надув губы и потягиваясь.

— Ух, бесстыжая, — замахнулся он в шутку. — Да понял я, понял, иди уже, смотреть на тебя спокойно не могу.

Я неторопливо оделась и расчесалась. Подошла к Максиму, шумно поцеловала его в губы, притянув за уши, и взяла со стола визитку. Под насмешливым взглядом пошла к двери, слегка покачивая бедрами, и, открыв ее, столкнулась нос к носу с Венечкой (называть его по имени-отчеству язык не поворачивался), который растерянно замер с занесенным кулаком.

— Отвезете меня обратно? — с утвердительной интонацией задала я вопрос и, не дожидаясь ответа, обернулась, подмигнула Максиму, и пошла на выход из здания.

На следующий день я в задумчивости сидела в кресле перед камином, пила вино и рассматривала открытый тонкий дамский кейс, обтянутый красной лаковой кожей. Буквально час назад его доставил мне молодой человек в прикиде служащего похоронного бюро. Пачки денег лежали ровными рядами и радовали взор. И вот тогда в мою голову пришла отчаянная мысль. Руки зачесались, глаза полыхнули, я в нетерпении кинулась за сумкой, отыскивая прихваченную визитку.

— Привет, — ответил Максим после первого же гудка. — А я ждал, позвонишь ты или нет.

— Дождлся, — весело сказала я, — приезжай, поговорить надо.

— Поговорить? — удивился он.

— Ну, и не только.

— Приеду как освобожусь, — ответил сухо и отключился.

Выпендривался он напрасно, приехал минут через сорок, примерно столько времени нужно, чтобы добраться из участка до дома отца, начисто наплевав на правила дорожного движения. Зашел без стука, быстро разулся и опустился на соседнее кресло, уставившись на кейс.

— Не хило. Благодарность?

— Ага.

— Что думаешь с ними делать?

— Ты только не смейся, — начала я, — идея бредовая, но мне страшно нравится, и, если ты будешь ехидничать, я расстроюсь и прогоню тебя.

— Спасибо, что предупредила, — хмыкнул он и стал внимательно меня слушать. К его чести, он не только не острил, он полностью погрузился в процесс, внося в план свои корректировки. — Думаю, выгорит, — утвердительно кивнул он после часового мозгового штурма. — А теперь иди уже сюда.

Вечером мы лежали у камина, потягивая вино и обсуждая детали.

— Денег хватит на год аренды помещения, где-нибудь на окраине, — размышляла я, — включая мелкие затраты. А так же двоих сотрудников. Твой капитан в отставке будет пока на окладе, а там посмотрим. Работа не пыльная, нужно только выслушивать потенциальных клиентов и кивать в такт. В офисе тоже сидеть не требуется постоянно, я вызову, если будет нужда.

— Он мужик толковый, хоть и на пенсии, — кивнул Максим, — связи остались и весьма обширные, может и пригодится. Да я бы и сам пошел на эту должность, вот только глаза мозолить тебе лишний раз не хочется.

— Да брось, вам просто нельзя открывать частные детективные агентства, находясь на службе, — фыркнула я.

— И это тоже, — хохотнул он в ответ. — А сама, значит, будешь в секретаршах? Разумно, в общем-то... Я когда тебя в первый раз увидел, тоже ни в жизнь бы не подумал, что ты можешь найти что-то, что лежит ближе, чем на расстоянии вытянутой руки, — я

огрела его диванной подушкой и засмеялась. — Что отец на это скажет?

— Завтра узнаю, — пожалала я плечами и немного напряглась. Сложно было предугадать реакцию отца, он всегда считал, что помогать в поисках надо безвозмездно.

— Черт, уже завтра? — пригорюнился оперуполномоченный.

— Максим, я уже большая девочка и вообще-то живу отдельно, у меня квартира в городе, — фыркнула я.

— А нафига я тогда мотался в эту глушь? — возмутился он в ответ.

— Я живу тут, пока папа и Солнце не вернутся. К тому же у меня Палыч.

— А что за Солнце? Она не твоя мама?

— Нет, моя мама умерла родами, я её не знала, а Леночка — вторая жена отца.

— А почему Солнце, а не по имени? — продолжал он допытываться.

— Вот что ты за человек такой, все тебе нужно выяснить, — возмутилась я.

— Профессия накладывает свой отпечаток, — пожал он плечами, — расскажешь?

— Да что с тобой сделать, расскажу... — тяжело вздохнула я и принялась вспоминать: —

Отец всю жизнь воспитывал меня один и я ни разу не видела рядом с ним чужой женщины. Наверняка у него кто-то был, молодой же мужчина, мама умерла, когда ему было всего двадцать. Но в дом он никого не приводил. И вот, три года назад, летом, на наш дом набрела женщина из того самого поселка, из которого пропавшая девочка. Ушла за грибами и заплутала. День был пасмурный, отец колот дрова позади дома, видимо, вышла на стук топора. Когда я открыла дверь, первая мысль была — зажмуриться, — хохотнула я, вспоминая тот день, — правда! Не веришь? Ну, если увидишь ее, сам поймешь... Так вот, она на столько рыжая, прямо-таки ослепительно рыжая, волосы длинные, кудрявые и торчат во все стороны. Что-то вроде твоего Веньки, только еще ярче. Лет ей около сорока, круглолицая и улыбчивая. Отец услышал голоса, подошел к ней со спины с топором и пробасил «вот и солнышко вышло». Солнышко обернулось и стало медленно закатываться, отец бросил топор, подхватил ее под руки и больше не отпустил. Такая история.

— Романтично, — кивнул он. — Особенно сцена с топором, — заржал и получил еще раз подушкой. — Ладно, вернемся к нашим баранам. Завтра с Петровичем поговорю, но, думаю, он согласится. А ты поищи какого-нибудь непривлекательного парнишку, лучше студента местного вуза, чтоб ноги самой не сбивать лишний раз. Будет что-то вроде дознавателя или курьера, когда потребуется.

— Отчего же непривлекательного? — возмутилась я.

Он посмотрел мне в глаза с тоской, подумал и ответил:

— Бери какого захочешь.

На том и порешили.

Начало новой жизни

Весь следующий месяц я занималась организационными вопросами. Отец вернулся из путешествия и, к моей великой радости, благосклонно воспринял идею с агенством, оценив смекалку и похвалив за успешные поиски девочки. Подозреваю, он страшно мной гордился, ну и собой, как следствие. Вечерами мы подолгу сидели за столом, Леночка увлеченно рассказывала о поездке, шумно и с запалом размахивая руками, Палыч сопел рядом, а мы с отцом смеялись, наслаждались каждым мгновеньем семейной идиллии, и думали об одном и том же — как мы жили без этой жизнерадостной женщины столько лет. Я в очередной раз порадовалась за отца, а Леночка принялась строить планы, куда они поедут через три месяца.

Деньги она никогда не считала, оставшись в тридцать лет вдовой богатого человека, жила безвылазно в поселке, иногда бродила в лесу, собирая грибы и ягоды, и мечтала о путешествиях, но, непременно с любимым человеком. Отец путешествия любил, но не грезил ими, поэтому было заключено единственное добрачное соглашение — ездить куда-то каждые три месяца, а оставшееся время жить в доме отца. Дом в поселке ушел быстро и за сумасшедшие деньги, упавшие на Леночкин счет очередными нулями, тратить которые, кроме путешествий, было не на что.

Наконец-то настал тот день, когда мое агентство по поиску пропавших открылось без лишней помпезности. Из приглашенных были только отец с Солнце, Максим и Кузнецов Дмитрий Петрович (он-то и походил по всем документам как генеральный директор и фактический владелец фирмы). Скромно выпили шампанского за успех, повесили у входной двери табличку с названием «Хутор» и разбежались по своим делам.

Я осталась в пустом офисе на почетном месте напротив входа и с замиранием сердца ждала первых посетителей. И ждала так недели две, каждый день приезжая на работу. Объявлений в газету я не давала, надеясь на сарафанное радио, которое аккуратно должны были запустить Макс и Петрович. Когда стало очевидно, что этого недостаточно, и я решила взять дело в свои руки.

Через Максима выяснила номер Людмилы Потаповой, которая мне страшно обрадовалась и пригласила в гости. Я купила пирожных, альбом для рисования и столько зеленых фломастеров различных оттенков, сколько смогла найти. Прихватила подросткового Палыча для полноты образа и через три часа уже стояла перед двухметровым забором из красного кирпича с полукруглыми башенками по периметру. Глядя на это чудо архитектуры, я с сомнением покосилась на пса, запоздало подумав, что он может прийтись не ко двору, но отступить было поздно и я позвонила, счастливо улыбаясь в камеру наблюдения. Калитка бесшумно открылась, и я сразу же увидела Людмилу, торопливо идущую мне на встречу с раскинутыми руками и улыбкой, под стать моей.

— Василиса, я так рада Вас видеть! — воскликнула она, заключая меня в объятия. — Это ваша собачка? — наклонилась она к Палычу, тот сел копилкой и протянул лапу. — Какой славный! Оленька будет в восторге!

— Извините, что я так внезапно... — замямлила я на всякий случай.

— Что Вы такое говорите! — Возмутилась она, — Вы одна из самых желанных гостей в нашем доме! Пойдемте пить чай на веранде, расскажите, как Ваши дела, — взяла из моих рук пирожные, чтобы я не выглядела еще более глупо, и повела меня по дорожке, огибающей

роскошный трёхэтажный дом с башенками в том же стиле, что и на заборе. Я задрала голову, пытаюсь рассмотреть все сразу и чуть не споткнулась. Тряхнула головой, призывая себя прекратить пялиться, и уже спокойно пошла за хозяйкой. — Ирина, позовите Оленьку, пожалуйста, — попросила она женщину, накрывающую на стол.

Через минуту на веранду вылетела девчушка и я с трудом узнала в ней того бледного и измученного ребенка, которого нашла в лесу. Раскрасневшаяся, с растрепанными косами, она тут же заключила меня в объятия и прошепелявила наполовину беззубым ртом:

— Лесная фея! — получилось жутко смешно, Людмила хихикнула в кулак, а я сдержалась и присела на корточки.

— Это тебе, — протянула я ей большую коробку с фломастерами и альбом, — а собачку зовут Евгений Павлович и он ужасно любит бегать за мячиком, — хотя на самом деле Палыч любил бегать только за мной.

— Какое смешное имя, — хихикнула девочка, прижимая к себе фломастеры, и убежала в дом, как потом выяснилось, за мячиком.

— Действительно смешное, — улыбнулась Людмила.

— Это мой папа шутник, — принялась рассказывать я, усаживаясь в плетеное кресло, на которое мне указали, — в юности он проспорил, что назовет своего первого мальчика в честь одного человека. А родилась я, — я развела руками и хихикнула. — Но, когда несколько месяцев назад я принесла вот этого сорванца домой, отец тут же позвонил другу с намерением сообщить, что слово свое сдержать сможет и долго смеялся, от души потешаясь над товарищем.

Людмила засмеялась звонко и весело, а когда успокоилась, стала наливать мне чай, продолжая покачивать головой.

— Вы же по делу, я правильно поняла? — добродушно прищурилась она.

— Вы правы, — не стала я возражать, и рассказала, на что ушли деньги, которые я получила в благодарность.

— Знаете, Вы удивительная. Нет, правда, не смотрите, точно я из ума выжила. Я правильно поняла, что свою роль в агентстве Вы предпочитаете скрывать?

— Да, по возможности. Не то чтобы это была тайна, нет, просто людям свойственна некоторая предвзятость.

Она кивнула серьезно, соглашаясь.

— Друзья семьи и родственники уже в курсе нашей истории, во всех подробностях. Я была так счастлива, что просто не могла молчать. И им, безусловно, я расскажу, что Вы открыли свое агентство. Всем остальным поведаю, что оно просто существует и вызывает доверие. Мужа тоже попрошу, у него обширные связи, уверена, он не откажет.

— Только если это не будет обузой, — промямлила я, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Да бросьте, — махнула она рукой. — Болтать — мое любимое занятие, а муж во всем меня поддерживает, — и хитро подмигнула. — Василиса, может, оставим эти формальности и перейдем на «ты»? У меня такое чувство, что я знаю Вас всю жизнь, как будто Вы моя дальняя родственница, с которой я давно хотела увидеться, но все не находила времени или повода.

— С удовольствием, — расплылась я в улыбке. — Признаюсь, у меня те же ощущения.

Мы еще долго сидели на веранде, болтали о всякой чепухе, смотрели как Оля весело носится по лужайке за Палычем и пили ароматный чай. Позже присоединился муж Люды, с которым мы так же перешли на ты, а потом все дружно перешли на коньяк. Гриша оказался

добродушным и веселым, и я наконец-то поняла, что такая аристократичная особа, как Людмила, в нем нашла.

Уже ближе к ночи я засобиралась домой, тепло прощаясь, и была уверена, что обрела новых друзей. Домой нас с Палычем отправили на шикарном внедорожнике, и, чтобы особенно не наглеть, я поехала к отцу, благо до него было километров двадцать пять, а мой старенький «Опель» поехал следом с еще одним водителем.

Через неделю у нас появился первый клиент. Я старательно изображала роль секретаря, потому что пришел он по знакомству от Петровича, который, в свою очередь, старался изображать серьезного сыщика, умудренного жизнью. На самом деле, Петрович всю свою карьеру просидел в генеральской приемной и перекладывал бумажки.

Дело было не сложное, подросток сбежал из дома, осерчав на родителей, и был найден мной за пару часов у знакомого. Клиент был страшно доволен, заплатил немного, но это было не главное, потому что потом клиенты пошли один за одним, и я поняла, что успеваю с трудом. Вспомнив нарекания Максима найти себе несимпатичного помощника-студента, я дала объявление на популярные сайты по поиску работы от имени агентства.

На ту зарплату, которую я могла предложить, как раз и откликались одни студенты, и привлекала их скорее не сумма возможного заработка, а пометка, что работать можно в свободном графике. Все собеседования проводил Петрович, я подслушивала за неплотно прикрытой дверью и всякий раз оставалась жутко недовольной. Когда я уж было совсем отчаялась, в приемную вошел вихрастый парень среднего роста, с большими умными глазами и до того тощий, что одежда висела на нем как на вешалке. В целом он был похож на диковинного зверька, сбежавшего из зоопарка и неделю бродившего голодным.

— Добрый день, — поздоровался он, — я на собеседование.

— Присядьте пожалуйста, — отозвалась я, — Дмитрий Петрович Вас скоро примет, — и деловито зашуршала бумажками, изображая кипучую деятельность секретаря, какой я себе её представляла.

— Я бы предпочел пообщаться сразу с Вами, — серьезно сказал он, сел на стул напротив и посмотрел прямо в глаза.

— Да? Но почему? — невинно поинтересовалась я, продолжая играть роль.

— Зачем проходить несколько этапов собеседования, когда можно сразу пообщаться с начальством?

— А Вы подготовились, — кивнула я и откинулась на стуле, — как вам должность специалиста по связям?

— Моей маме понравится, — улыбнулся он и протянул мне листок бумаги с печатным текстом и документы для оформления. На листке было написано все, что нужно было знать о человеке при первом знакомстве и даже больше, вплоть до того, какую музыку он слушает и как любит проводить свободное время. Впрочем, тут он был лаконичен — за компьютером.

Я внимательно изучила всю информацию, отсканировала документы и протянула ему руку:

— Что ж, Павел Семенович, буду ждать Вас завтра. У нас много работы.

Павел Семенович, который быстро стал просто Пашкой, влился в коллектив на столько гармонично, что я только диву давалась, как раньше успевала справляться без него. Информацию он добывал виртуозно, в основном общедоступную, из соцсетей, но структурировал ее мастерски, отмечая все детали, которые попадались ему на глаза. Хотя,

конечно, не обходилось и без сведений, добытых не совсем праведным путем, но случаи то были редкие, только когда следствие заходило в тупик.

С тех пор прошло почти два года, были и разные по сложности дела, и временные затишья, но, в целом, дела шли очень неплохо и жизнь радовала.

И сейчас, отправляя ему смс, я ничуть не сомневалась, что уже утром получу всю информацию, которую только можно найти.

В очередной раз возгордившись своей командой, я позвала Палыча и пошла на улицу, обследовать местность, потирая глаза и зевая во весь рот. Дошла до брошенной Серегой машины, которую он утопил в грязи прямо по центру дороги, и обошла ее по кругу. Заднее стекло изрешечено выстрелами, но на земле блеснули маленькие осколки, значит покинули они машину через багажник, не забыв его прикрыть. Со стороны дверей жидкая грязь по щиколотку, приди они вымазанными в грязи, я бы такое не пропустила, а прыгать на метр из дверного проема двум амбалам крайне затруднительно.

Машина не на сигнализации, я открыла багажник и полезла в салон. На подголовнике водителя отверстие от пули, подозреваю, сама пуля все еще там, иначе с Серегой бы я сегодня не разговаривала.

«Повезло стервецу» — подумала я, шаря фонариком по салону.

На панели ближе к пассажиру подсохшая кровь и аккуратная дырочка в пластике, чуть выше на лобовом стекле тоже есть, не считая все остальные отверстия, идущие в ряд снизу вверх с примерно одинаковым расстоянием друг от друга. От них в разные стороны расползлись трещины, но само стекло, на удивление, осталось на месте. Я оглянулась назад, представив, что багажник закрыт и удовлетворительно кивнула. Обстреливали только сзади.

Вылезла из машины, закрыла багажник и пошла в сторону дома, присматриваясь к следам. Шаги с широким расстоянием от группы людей, ведущие к машине — это от гостей, торопившихся отправиться в погоню. К дому они, должно быть, предпочли передвигаться по кромке леса, надеясь обнаружить преследуемых. А вот следы с шагом поменьше, еще на дороге, но с самого края. Человек, как будто бы, шел один и не слишком быстро.

Я закатила глаза и пошла к дому быстрым шагом, Палыч весело затрусил рядом. От этих «хитростей» спать захотелось еще сильнее. Заперла дверь, отправила пса на его законное место, то есть на лежанку под лестницей, прямо напротив входной двери, быстро приняла душ, с наслаждением вытянулась на кровати, поглаживая ноющие ребра и не заметила, как уснула, мысленно махнув на все рукой.

От судьбы не уйдешь

Я готовила завтрак, Палыч крутился под ногами, в тщетном ожидании, что и ему что-нибудь перепадет со стола, как вдруг он замер, наострив уши, медленно переместился за мою спину и зарычал. Правильно, мой хороший, нечего подкрадываться к девушке со спины.

— Доброе утро, — сказала громко, не оборачиваясь.

— Привет, — отозвался Алексей, — а щенок-то подрос, — в голосе усмешка. — Это ведь тот самый?

— Сергей рассказал? — удивилась я, обернувшись.

— Ага, — хмыкнул он и уселся за столом, откинувшись на спинку стула.

«Нахал» — скрипнула я про себя зубами и продолжила готовку.

— Как самочувствие?

— Твоими стараниями, — и продолжил ухмыляться так, что захотелось съездить ему по зубам, — спал, как убитый.

— Потеря крови, — равнодушно пожала я плечами, накрывая на стол.

— Я так не думаю, — и посмотрел мне в глаза. Я опять пожала плечами, думай что хочешь, какое мне до этого дела, но думать ему не хотелось. — Зачем?

Станный вопрос, с одной стороны. С другой, вполне закономерный: имеет человек право поинтересоваться, с какой стати я вкатила ему лошадиную дозу снотворного, раз уж пришли они за помощью, которая и была им оказана. Я молчала, раздумывая над ответом, продолжая накрывать на стол. Алексей вертел в руках зубочистку, наблюдая за моими неторопливыми движениями и тоже никуда не спешил. И он, и я знали, что отвечать все равно придется. Да и к тому моменту все эти ужимки уже здорово действовали на нервы.

— В самом деле нужно объяснять? — на всякий случай поинтересовалась я, садясь за стол.

— На самом деле нет, — он вдруг улыбнулся и лицо мгновенно переменилось: насмешливость из взгляда ушла, в карих глазах, вчера казавшихся абсолютно черными, появился медовый оттенок, черты лица стали мягче, как будто он впервые за долгое время разжал челюсть. — Но мне бы хотелось знать.

Я сделала глоток кофе, прикрыв глаза от удовольствия и начала говорить, а он уминать завтрак:

— В мой дом ночью пришли двое вооруженных людей и явно не с охоты. Одного я знаю лишь пару месяцев и ничего не знаю о его делах, второго никогда ранее не встречала. Знакомый спешно уходит, и я остаюсь один на один со вторым, который явно переигрывает свое состояние и тяготеет моим обществом, — он внимательно слушал, продолжая жевать. — Скорее всего, весь этот спектакль был именно для меня, ведь Сергей точно знал, что отец еще не вернулся. Будь он дома, все эти хитрости вышли бы вам боком. Можно было сразу взять лодку, переплыть на другой берег и уйти от погони, времени бы было предостаточно, пока гости развлекались со мной. Но вот незадача, обстреливали вас сзади и нападавших вы не видели, а очень хотелось. К тому же раны хоть и не глубокие, но кровавые, особо не набегаетесь. Отстреливаться из подвала — не самая удачная позиция, но возражать было неуместно, раз уж Вы в отключке, Сергей попробовал возмутиться, но не преуспел. Признаюсь, я пошла на встречу, через мешковину довольно неплохо видно скрывающемуся и совсем не видно ищущему, труп в подвале мне был не нужен, вытаскивать замучаетесь. Но

никаких действий не потребовалось, уверена, Вы узнали как минимум одного из преследователей по голосу, он на редкость противный, — и посмотрела в упор, ожидая реакции, Алексей слабо кивнул, а я продолжила: — Я поведала им сказку, которую так любезно предложил мне Сережа еще с порога, сменив пару тезисов, что, думаю, и требовалось, не могла же я в самом деле сказать злодеям все слово в слово? Мой ответ им не понравился, но желание в нем убедиться было сильнее желания наказать гонца, и они спешно удалились. Увидеть их еще раз я не ожидала и в целом не опасалась, а вот гость в подвале вызывал тревогу. Было поздно и хотелось отдохнуть, не прислушиваясь к каждому звуку. Спать легла на втором этаже, Палыча оставила внизу, так что, если бы гости снова пришли, я бы узнала о них раньше, чем они узнали мое местоположение. К тому же Вы милостиво позволили мне сделать себе укол, точно зная, что это не антибиотик, значит, вторичного визита так же не опасались.

Алексей провел здоровой рукой по темному ежику волос и снова улыбнулся, а я отвела взгляд, сосредоточившись на тарелке, в тайне надеясь, что не выгляжу как школьница, впервые услышавшая неприличное слово.

— Неплохо. А почему «Хутор»?

«Прямо-таки мастер неожиданных вопросов, не хотелось бы оказаться у него на допросе»

— Отсылка к этому дому?

— Нет, — улыбнулась я, вспоминая, как придумывала название агентства.

— Нет? — поднял он бровь.

— Просто офис у черта на куличиках, — пожала плечами, а он рассмеялся, так по-мальчишески задорно, что мне снова пришлось уткнуться в тарелку, чертыхаясь про себя.

«Эк тебя разбирает» — ехидно заметил внутренний голос и был послан куда подальше.

Я подняла взгляд и посмотрела в упор, продолжив:

— Кстати, я не рассказывала Сергею об агентстве и уж точно не рассказывала, что оно мое.

Он кивнул и посмотрел в ответ.

«Откровенность за откровенность, парень».

— Машина, под которой ты оказалась, спасая своего Палыча — моя, — все-таки ответил он, — и сидел я сзади. Не каждый день ко мне под колеса бросаются чокнутые девицы и я проявил любопытство, кто ты и такая уж ли это случайность. Спустя пару месяцев по поселку стали шушукаться, и я снова полюбопытствовал. Признаюсь, я тогда удивился. Даже не поверил, заподозрив аферу.

— А сейчас?

— А сейчас склонен согласиться, что ошибался, — серьезно ответил он, сверля меня взглядом. — И это еще удивительнее.

Я невольно ухмыльнулась и начала убирать со стола. «Вот так живешь себе и не подозреваешь, что оказалась под микроскопом. Надо быть поосторожнее с этим парнем, не зря Макс так разнервничался. А еще не худо было бы понять, какую кашу я невольно помогла им заварить и как это отразится на моем физическом здоровье».

При воспоминании о физическом здоровье ребра заныли, я машинально провела по ним рукой, что не осталось без внимания. Алексей нахмурился:

— Сильно досталось?

— Да так, — туманно ответила я, — попинали для проформы.

Он поднялся, подошел почти вплотную и по-хозяйски задрал мою футболку. От его прикосновения меня прошибло током, я вздрогнула и поспешно отступила на шаг.

— Лучше перетянуть, — деловито заметил он, глаза полыхнули, но на секунду, он моргнул, неспеша вернулся за стол и принял максимально расслабленную позу, уставившись куда-то поверх моего плеча.

— Нормально, — отмахнулась я и начала старательно мыть посуду, благо для этого пришлось отвернуться.

Тут дверь на веранду хлопнула и послышались торопливые шаги, Палыч сорвался с места и весело побежал встречать гостя.

— Привет, морда, — Серега с улыбкой потрепал пса по голове, покосился на Алексея, тот едва заметно кивнул, а я закатила глаза, отворачиваясь. — Василиса! — гаркнул так, что я слегка подпрыгнула от неожиданности, а он заржал, как конь, довольный произведенным эффектом, подошел сзади и сграбастал меня огромными ручищами, поднимая.

Я невольно поморщилась и слабо застонала:

— Отпусти, — он отпустил и резко развернул меня за плечи. Задрал футболку, как Алексей пару минут назад, я возмутила и хлопнула его по руке, но он даже не заметил, присел и начал разглядывать мои ребра в сине-зеленых разводах.

— Черт, детка, — пробормотал он и заглянул в глаза снизу вверх. Получилось трогательно, он нахмурился и добавил грозно: — я этим козлам рога поотшибаю!

— Уж будь любезен, — проворчала я, одергивая футболку и косясь на Алексея, который ухмылялся, наблюдая за разыгравшейся сценой.

— Накормишь? — заискивающе спросил Серега, поднимаясь. Я только вздохнула:

— Садись, — и снова начала накрывать на стол.

Эдак я превращусь в домохозяйку, целый день снующую от плиты к столу. Такая роль меня не устраивала, я злилась и не думала это скрывать, резко расставляя посуду и хлопая дверцами шкафов.

— Чего бесишься то? — спросил Сергей, оперативно уничтожая припасы, едва они появлялись на столе.

— Давай я тебя попинаю, а ты ответишь, понравилось или нет? — ехидно поинтересовалась я.

— Попинай, — расплылся он в улыбке и легонько хлопнул меня по заднице, пользуясь тем, что я подошла ближе. — Я готов прямо сейчас, — и нахально подмигнул.

— Не сомневаюсь, — прошипела я сквозь зубы и снова начала мыть посуду.

— Нам пора, — сказал Алексей, поднимаясь. — Подожду тебя у машины, — зашел в комнату за пистолетом, сунул его на пояс, кивнул мне на прощанье и ушел.

Серега торопливо доел и тоже поднялся.

— Иди ко мне, поздоровайся хоть по-человечески, — притянул за руку, обнял пониже поясицы и поцеловал. Ответила я нехотя, он отстранился и серьезно сказал: — Про рога я не шутил. Они сильно пожалеют, что подняли на тебя руку.

— Ногу, — поправила я, глаза его полыхнули.

— Уроды, мать их!

— Ладно, что было, то было, — смилостивилась я, обняла его за шею и заглянула в глаза: — но больше так меня не подставляй.

Он дернулся, как от пощечины и поморщился:

— Да, оплошал, согласен. Времени подумать толком не было.

Я повела пальцами по его затылку, вспоминая пулевое отверстие на подголовнике, и в душу закрался холод. Придурок, конечно, но все равно было бы жалко. Прижалась потеснее и нежно поцеловала.

— Это за что? — улыбнулся он в ответ.

— За то, что такой везучий сукин сын, — ответила тихо.

Сергей посмотрел внимательно, тяжело вздохнул и повел плечом. Дырку от пули, он, безусловно, видел и сам.

— Мне правда пора, — сказал он через некоторое время, поглаживая мою спину под футболкой.

— Иди, — кивнула в ответ и снова поцеловала, увлекаясь все больше.

— Вот черт... — пробормотал он, руки его переместились на мою грудь, взгляд помутнел, я начала медленно расстегивать его рубашку. — Черт, черт, черт! — неожиданно рывкнул он, отступая на два шага и поднимая руки в воздухе, как будто защищаясь. Мотнул головой, приходя в себя и посмотрел тоскливо. Я сложила руки замком и грозно кивнула на дверь:

— Иди уже. Заждались там тебя.

Он опустил голову и с видом побитой собаки пошел на выход.

— Меня не будет какое-то время, — сказал уже у двери, я кивнула, и он наконец-то удалился.

Я вздохнула с облегчением и поднялась наверх. Включила ноутбук, чтобы проверить почту и в очередной раз убедилась: Пашка не подвел. Письмо пришло спустя несколько часов после моего смс. Я внимательно изучала информацию, вчитываясь в каждую букву, ничего особенно в которой не было: родился, учился, служил, есть младшая сестра, Екатерина, моя ровесница, с ним пять лет разницы, отец один, матери разные. Оба сироты, отец скончался три года назад, как и сказал Максим, мать Алексея умерла за десять лет до этого, от рака, уже будучи в разводе с его отцом, мать его сестры погибла пять лет назад в аварии. Других родственников как будто нет. Честный бизнесмен, налоги платит исправно, не женат и не был, не привлекался. Сестра два года назад вышла замуж за его друга детства, Маслова Глеба Сергеевича.

Я потеряла глаза и хмыкнула, читая дальше.

«А Пашка молодец, не забыл и про моего любовника».

Чернов, Маслов и Буров Сергей Александрович ходили вместе в одну и ту же спортивную школу, на греко-римскую борьбу. По окончании школы пути их разошлись, Маслов подался в театральное училище в районе, Булова и Чернова призвали в армию, они отслужили вместе два года в инженерных войсках где-то на Урале. Буров остался служить дальше, дважды побывал в горячих точках, Чернов вернулся в наш город и с отличием закончил вуз на экономиста. Не дурно. Три года назад, после смерти его отца, он по наследству получил весь его бизнес (сестра от своей доли отказалась в его пользу), который начал развивать бешеными темпами и устроил к себе начальником службы безопасности Булова. Маслов, после училища работающий в театре в районе, так же вернулся в город и занял теплое место специалиста по работе с поставщиками. Любопытная троица.

Надо сказать, до этого момента, попыток выяснить род деятельности Сереги я не предпринимала, если быть точной, мне было совершенно все равно, кто он и чем занимается, когда уходит от меня. Встречались мы пару раз в неделю и с пользой для здоровья проводили время, по молчаливому уговору решив не тратить его на расспросы.

Меня это более чем устраивало, про него и говорить нечего, подозреваю, парень был вне себя от свалившейся на него удачи.

Первый раз мы встретились чуть больше двух лет назад, еще до встречи с Максимом. Я ехала к отцу, только-только уволившись с ненавистной работы, где просиживала задницу уже год, устроившись туда сразу после окончания вуза. Однажды, заснув прямо за столом и ткнувшись лбом о графики, наваленные стопкой, я поняла, что с меня хватит. Быстро накатала заявление, которое начальник с благодарностью принял, разрешив не отрабатывать положенные две недели (подозреваю, он просто боялся меня уволить). В тот же день собрала вещички и рванула из офиса в приподнятом настроении.

Уже почти у съезда с трассы, притормаживая, я увидела на встречной полосе маленький черный комочек, дрожащий всем тельцем и покачивающийся на кривых лапках. Сердце мое дрогнуло, и я поняла, что влюбилась, в первый и последний раз в своей жизни. Резко свернула на обочину и кинулась через дорогу, под истошный сигнал водителя, следующего за мной. Я уже почти добежала до щенка, отвлеклась на проезжающую машину, стараясь не попасть под колеса, и потеряла его из вида. Взгляд заметался по дороге, мозг услужливо подсовывал картины одна другой кровожаднее, но тут я, не без удивления, обнаружила его позади себя. Обрадовалась и кинулась к нему прямо по встречной полосе, не замечая ничего вокруг. Такая беспечность не осталась безнаказанной, из-за поворота, на который я должна была свернуть, вылетел огромный джип, заскрипели тормоза, а я застыла на месте, не в силах пошевелиться и отвести взгляд от щенка, на которого неслась машина. То, что я вместе с ним являлась преградой на пути двухтонного монстра, я тогда даже не подумала и оказалась на асфальте от встречи с капотом. Больно ударилась затылком, заколка сломалась и впиалась осколком в голову, локти и колени разодраны, белое платье грязное и в крови, одна туфля слетела. Но мне было все равно, я резким движением выдернула из головы заколку и не обращая внимания на происходящее вокруг полезла под машину.

— Ты совсем что ли сдурела! — орал вывалившийся из машины Серега. — Идиотка!

Я схватила щенка за загривок и ползком попятилась обратно. Платье задралось, я поднялась, одернула его одной рукой и посмотрела на водителя: в глазах полыхает огонь напополам с растерянностью. Сунула ему в руки щенка, пробормотав «подержите, пожалуйста», растерянность победила, он положил его в ладошку, где тот полностью и с удобствами разместился и машинально погладил, а я схватилась за его согнутую в локте руку, задрала ногу и стянула вторую туфлю. Развернулась и с чувством зашвырнула ее в кусты на обочине. Волосы рассыпались по плечам и разлетались от порывов ветра, возникающих от проезжающих машин, в глазах нездоровый блеск, наверное, я в самом деле похожа на буйно помешанную. Забрала из цепких рук своего щенка и, сказав «спасибо», пошлепала босиком к своей машине, не чувствуя холода, хоть и был апрель.

Отец встретил меня недоуменным взглядом, Солнце заохала и принялась обрабатывать мои раны, а я сидела, довольно дрыгая ногами со щенком на коленях и улыбалась во всю ширину рта.

С того момента прошло почти два года, и я думать забыла о Сереге и не вспомнила бы и дальше, если б не вмешался случай. Я возвращалась с Палычем из ветеринарной клиники, где он стойчески вытерпел ежегодную прививку и за пару километров от съезда мой старенький «Опель» приказал долго жить. Был конец сентября, но день по-летнему теплый, и я решила не сидеть в машине в ожидании эвакуатора. Набрала Максиму и попросила сделать что-нибудь с моей тачкой, объяснив, где ее бросила. Он по возмутился для порядка, но

пообещал разобраться, а я пошла к дому отца пешком. Они с Леночкой еще не вернулись из очередного путешествия и было без разницы, во сколько я доберусь.

Я уже свернула с трассы и почти достигла развилки, одна из дорог которой уходила на поселок, а вторая, проселочная, через лес, к дому отца, как услышала позади себя автомобильный сигнал. Оборачиваться я сочла неприличным и ходко потрусила дальше. Но водитель оказался настырным, поравнялся со мной и на малой скорости поехал рядом.

— Привет, — радостно скалясь, сказал он, открыв окно, — подвести?

Я повернула голову и узнала того самого водителя, под чьей машиной нашла верного друга. Палыч, услышав его голос, засуетился рядом, заскулил, радостно виляя хвостом и попытался встать за задние лапы, чтобы дотянутся носом до парня. Тот хмыкнул, остановился и вышел. Палыч скакал рядом, повизгивая, лизал его руки и вел себя исключительно по-дуратски.

— Надо же, узнал, зверюга, — веселился парень, наглаживая явно поглупевшего Палыча. Я остановилась, наблюдая непривычную картину. — Меня Сергеем зовут, а Вас?

— Василиса, — ответила я, приглядываясь.

Парень был выдающихся размеров, с лихой улыбкой, наглыми зелеными глазами и темными, коротко стриженными волосами.

— Ну так что, Василиса, подвести?

— Подвезите, — кивнула я и полезла в машину.

Палыч был отправлен на заднее сиденье, где вальяжно разлегся и весело поглядывал по сторонам, высунув язык.

— Узнали? — спросил Серега, резко тронувшись с места. — Направо или налево?

— Узнала, налево, — ответила я, продолжая его разглядывать.

— Судьба явно сводит нас вместе, — продолжил он веселиться, все больше разгоняясь, машину подбрасывало на кочках. — Вы верите в судьбу, Василиса?

— Конечно, — кивнула я и заметила, — перед поворотом лучше притормозить.

Само собой, он прибавил газу и с заносом вошел в поворот. Мне оставалось лишь равнодушно удивляться чужой глупости. Через три секунды и он был удивлен, потому что со всего размаху влетел в ту самую яму с грязевой кашей, о которой впору было слагать легенды. Конечно, объехать её можно было по кромке, даже на моей развалюхе, но делать это нужно аккуратно.

— Дела... — почесал он затылок в задумчивости и повернулся ко мне.

Я только пожала плечами, мол, предупреждала же. Перегнулась через него, разблокировала двери и нажала на кнопку открытия люка на крыше. Сунулась назад, открыла Палычу дверь и, подхватив свою сумку, полезла в люк.

— Куда? — рявкнул он, приоткрыв рот от такой прыти.

Я не посчитала нужным ответить, выбралась на крышу и съехала на пятой точке по лобовому стеклу, поднялась, прошлась по капоту и легко спрыгнула на сухую землю. Обернулась, сделала ручкой и бодрым шагом пошла к дому, а он так и продолжил сидеть в машине в полном недоумении.

На следующий вечер я без удивления обнаружила его у себя на пороге, все с той же наглой улыбкой и веселыми глазами.

— От судьбы не уйдешь, — выдал он и прошмыгнул в дом с кошачьей ловкостью.

— Кофе? — спросила я, проходя в кухню.

— С удовольствием, — отозвался он, разулся и устроился за столом.

Я неспеша сварила кофе в турке, разлила в две кофейные чашки и одну подала ему. В его руках она показалась до абсурда крошечной.

К тому моменту Макс изрядно достал меня своим нытьем, времени слетать к Бэрнардо не было и уходить от судьбы совершенно не хотелось. Я принялась нахально его разглядывать, медленно скользила взглядом от его пальцев по сильным рукам, шее с пульсирующей веной, слабо облизнулась, глядя на его губы и посмотрела прямо в глаза. Он сидел в напряжении, дышал тяжело, взгляд затуманен, в общем, было видно, проняло его не слабо. Его руки сомкнулись, чашка треснула, а кофе пролился на стол, но, казалось, он даже не почувствовал, только посмотрел удивленно.

Нашла полотенце, подошла и бросила его на кофейную лужу. Взяла его за запястье и потянула к раковине. Вытащив из ладони осколок, промыла рану и удовлетворенно сказала:

— Крови почти нет.

— Она вся в другом месте, — с трудом разжав челюсти, хрипло отозвался Сергей.

Я развернулась к нему лицом и снова уставилась в глаза, он подхватил меня, усадил на стол и принялся целовать. Я в долгу не осталась и часа четыре с удовольствием демонстрировала свои навыки, отточенные до совершенства с Бэрнардо, не стесняясь говорить, что мне нравится и как.

— Черт, — прошептал он, пытаясь отдышаться, — детка, выходи за меня, — и, по обыкновению, заржал.

Я хихикнула в ответ, потягиваясь. Не задавала вопросов, а он не рассказывал. Еще через пару часов он собрался и, поцеловав в щеку, ушел, записав мой номер в телефон. И никаких тебе истерик и выяснений отношений, все просто и понятно.

Теперь понятно еще и то, почему вопросов он не задавал. Зачем, если и так знал все, что хотел?

Вопросы без ответов

Проснувшись в шесть утра и с досадой подумала, что уже несколько дней не появлялась в офисе, оставив всю текучку на Петровиче. Правда, он так втянулся за эти годы, что из чисто номинального сотрудника, стал ее активным участником, ведя отдельные дела без моего вмешательства, только предоставляя отчеты по завершению и то больше для архива. Превращение из ищейки в гендира мне по вкусу не пришлось, и через три часа я уже входила в офис, скромно потупив глазки.

Петрович был жаворонком и приехал, наверное, с час назад.

— Какие люди, — пропел он, — никак само начальство пожаловало! — и добродушно усмехнулся, а я тяжело вздохнула и развела руками:

— Своих встречала.

— Тогда, конечно, дело нужное. Кстати, о делах, — и принялся рассказывать о текущих расследованиях, закончив незамысловато: — Как видишь, справляемся. Пашка твой гений, мне только два плюс два остается сложить, почти не выезжаю на места.

— Отлично, — кивнула я и задумалась, покусывая губу.

Петрович посерьезнел, хорошо зная эту задумчивость и пододвинул мне стул, бросив коротко:

— Излагай.

— Да не то, чтобы есть что... — бормотала я, усаживаясь напротив, так и не решив, стоит рассказывать или нет и только рукой махнула, мысленно, конечно. — Я тут свела знакомство с некоторыми личностями, которые оставили неприятный след в моей душе, а на ребрах пару хороших отпечатков ботинка. Хоть слепок снимай... — и описала скрипучего. — Не знаешь такого?

— Лично не познакомились, — нахмурился он, — но слышал и видел, еще будучи на службе. Достану досье, прочитаешь. Послужной список впечатляет.

— Мразь?

— Каких свет не видывал. Но есть умные мрази, которые ведут себя интеллигентно и перед законом чисты, аки агнцы божьи, а этот мразь глупая и подлая. Всю свою никчемную жизнь он только и делает, что пакостит. Всем, без разбора и при первом же подвернувшемся случае. Причем, в основном по мелкому, да и на том нещадно валится. Брали его наши раз пять, если мне не изменяет память. Хотя, уже лет десять не попадался, может и поумнел... Можно спросить?

— Спроси.

— А ты ответишь?

— Смотря что за вопрос, — улыбнулась я, но под его настороженным взглядом сникла. — Петрович, нормально все. Претензий лично ко мне у него не было и быть не может. Так, подвернулась под горячую руку.

— Нехорошо это, Василиса.

— Нехорошо, конечно. Но встреч с ним я не искала и не ищу, а вот знать, что и как — обязана. Да что я тебе объясняю, — махнула рукой и поднялась. — Как его звать-то? Напрягу пока Пашку.

— Да ты уж и сама догадалась, — хмыкнул он. — Скрипач его кличут, — я закатила глаза, выражая свое отношение чужой «оригинальности». — Ну а я про что... А по паспорту

он Кольшин Дмитрий, Сергеевич или Евгеньевич, не помню уж. Да он и сам поди не помнит. — крикнул он и добавил невзначай: — Максим вчера заезжал, тебя разыскивал.

Я нахмурилась:

— А телефон ему на что?

— Видать, не телефонное дело, — развел он руками. — Дерганый весь какой-то, походил из угла в угол и уехал.

Я набрала номер Максима:

— Искал?

— Искал, — передразнил он и добавил серьезно, — подъезжай часам к двум в «Ласточку».

— Подъеду.

Захлопнула телефон и устроилась за столом. Интересно, что такого Макс нарыл. Хотя, он вполне мог заманить в кафе не чтобы рассказать, а самому поспрашивать.

Посидела в задумчивости, отправила смс Пашке с заданием и принялась за дела, коротая время. Как обычно увлеклась, рисуя схемы, взглянула на часы, охнула и поспешила на встречу, на ходу бросив Петровичу:

— Сегодня не жди.

«Ласточку», кафе за углом от конторы, где трудился Максим, мы часто использовали для встреч. Основными его преимуществами, как ни странно, была паршивая еда (оттого посетителей в обеденное время там почти никогда не было) и отличный кофе и пиво, поэтому вечерами надо было бронировать столик. Располагалось оно в старом городе, довольно далеко от моего офиса и я, конечно, безнадежно опоздала.

Макс сидел угрюмый и пил пиво в самом углу зала. Я удивленно вскинула брови, садясь напротив:

- Ты чего с обеда квашишь?

— Да с тобой с утра надо горькой заливаться, — разозлился он, но пиво отодвинул. Я скрестила руки на груди, давая понять, что такое начало разговора мне не нравится, он вздохнул и, по обыкновению, заныл: — Хоть бы поздоровалась для начала, не дождешься от тебя слова ласкового.

— Здравствуй, дорогой, — улыбнулась я, поднялась, перегнулась через стол и поцеловала его в щеку.

Максим тяжело вздохнул, но подобрел.

— Уговор в силе?

— Какой уговор? — удивилась я.

— Информация в обмен на ночь любви, разумеется. На память ты вроде не жаловалась.

— Это ты вечно на все жалуешься, — огрызнулась я. — Говори, что нарыл.

— Попытаться стоило, — развел он руками. — На самом деле порадовать особенно нечем. Кроме того факта, что машину Испанца расстреляли недалеко от поселка, где у него дом. И, ты не поверишь, аккурат в ту ночь, когда ты мне позвонила и начала расспрашивать о нем. И после этого ты хочешь, чтобы я поверил, что ты ни во что не вляпалась?

— Я сказала правду, — и посмотрела самыми честными в мире глазами.

— И ты бы меня провела, если б я был способен поверить в такое количество совпадений, — нахмурился он, отводя взгляд. — Значит, рассказывать ничего не будешь?

— Обязательно расскажу, когда будет что. Так что там с Испанцем?

— А ничего, — снова развел он руками. — Испарился. Кто говорит погиб, кто —

прячется. Точно никто не знает, а проверить не могут. Водила его, — при этих словах Максим скрипнул зубами, — прибыл вчера днем на службу как ни в чем не бывало, тачка целехонькая, блестит как котовьи яйца. Где шеф? Нет шефа. Так и остался в доме дожидаться.

— И ты все это узнал откуда?

— Не лаптем щи хлебаем, Василиса, — огрызнулся Максим. — Опер знакомый на вызов по стрельбе выезжал ночью в поселок. Когда приехал, никого уже не было. Только пара стреляных гильз на асфальте, да метрах в двадцати в дереве пули застряли. А если б лето было, то и их не нашли бы. Всех жителей опросили, никто ничего, как обычно. И только один мужик заявил, что выезжал из поселка и разминулся с тачкой с приметными номерами — 555. Отсюда и вывод, что Испанец.

Я в задумчивости усталилась в стол. Ерунда какая-то. Зачем скрывать, что ты жив, и при этом распускать тот же слух?

— А почему Испанец, а не Черный, например? — спросила неожиданно для себя.

— Черным звали папашу его, Черный младший — как-то несолидно звучит, а Испанец... да черт его знает, хотя, говорят, танцует он хорошо, — хмыкнул Максим.

— Чего? — вытаращила я глаза. — Пасодобль что ли? — представить его танцующим фламенко не представлялось возможным.

— Почему сразу пасодобль? — надулся Максим. — Говорили про бачату какую-то и что девки от такого в восторг приходят.

— А при чем тут Испания? — не унималась я, про бачату мне рассказывал Бэрнардо, у которого по всему миру открыты танцевальные школы в различных направлениях, и, если мне не изменяла память, родом он был из доминиканской республики. Хотя, танец в самом деле очень горячий, так что на счет девок чистая правда.

— Ну, милая, у нас как: один пьяный придурок ляпнул, остальные подхватили. Так что с чьей-то легкой подачи он так в Испанцах и остался, еще со времен, когда всем управлял его отец.

— Глупость какая-то. Что-нибудь еще?

Он задумался, стоит ли мне говорить или нет и все-таки решился:

— Поставка у него скоро. Недели через две. Не спрашивай, откуда узнал, не скажу, но информация точная. Говорят, такой крупной еще не возили.

— И что в этой поставке?

Он пожал плечами:

— Какая-нибудь гадость. Может, наркота, может, оружие, а может просто пачки баксов.

— Облава будет?

— Сомневаюсь, — нахмурился Максим. — Во всяком случае, наши не сунутся, ФБР им даже не интересуется, повода не было. А у нас одни догадки и никаких реальных зацепок: кто, кому, откуда и когда точно. Просто как данность — будет поставка. Хитрый, зараза.

— Слушай, — удивилась я, — и что, ни разу даже склад какой не обшарили? Уж было бы желание, а повод всегда найти можно.

— Сунулись разок, — серьезно кивнул он. — Накрыли фуру на подъезде к городу. Оцепление, спецназ с автоматами, все как у людей. Водитель не сопротивлялся, показал документы, мол, вот, ребята, смотрите накладную, везу стройматериалы, прицеп открыл и пошел к кабине, все спокойно, без суеты. Наши принялись шарить, нашли ящик металлический, в накладной не указан, обрадовались, как дети малые, и давай его там же

вскрывать. На нем замок кодовый, крышку подержали — а она взяла да открылась.

Макс сделал драматическую паузу, а я поторопила:

— И что там было?

— Взрывчатка с таймером, — ухмыльнулся он. — Наши переглядываются, а таймер на обратный отсчет секунды считает. Рванули оттуда, только пятки в задницу влипали, все в рассыпную, орут, матерятся, но удирают. И правильно, рвануло будь здоров, слава Богу все живы остались, хотя, в больницу отвезли многих и были тяжелые. Вот с того раза без точной информации никто не суётся проверять, а где ее взять точную?

— Давно это было?

— Да считай сразу как папашу заменил. От того и пошел быстро в гору.

— И как он объяснил, что его фура на воздух взлетела?

— А никак, — разозлился Максим. — Вызвали его в участок, стали вопросы задавать, как же так, Алексей Владимирович, Ваша собственность и вдруг такая незадача. Он сидит, вроде бы в задумчивости, а потом руками разводит и говорит «не знаю, уважаемые, как в той фуре могло оказаться взрывчатое вещество, я занимаюсь исключительно перевозками и хранением, товар не загружаю, не выгружаю и не проверяю, у одних забрал, другим отгрузил, а что там — не мое дело, деньги получаю как подрядчик за логистические услуги». И ведь не поспоришь. У наших рожи красные, но пришить так ничего и не пришили, побеседовали пару часов и отпустили с миром. Ладно, — Максим взглянул на часы, кинул на стол деньги и поднялся, — засиделся.

Я поднялась вместе с ним, обняла и поцеловала с чувством:

— Спасибо.

— Ой, лиса... — прищурился он и довольный пошел на выход, а я заказала кофе и устала в окно.

Посидела с полчаса, поразмышляла и позвонила отцу, предупредив, что поживу в городе.

Квартира встретила неласково. Батареи топили нещадно, воздух был спертый, на мебели слой пыли, а в холодильнике пусто. Я открыла окно и понеслась в магазин: добровольная голодовка в мои планы не входила. Через полчаса, наспех перекусив, уже устроилась в кресле с альбомом для рисования и ручкой.

Начать следует с причин, то есть, с чего вдруг события начали развиваться не по привычному сценарию. Пока нашлась только одна, и я нарисовала по центру круг с надписью «поставка, 2 недели». Дальше не клеилось. Допустим, поставку хотели перехватить. Но зачем, в таком случае, убирать Испанца? Разве поставщик отправит груз, если узнает, что связующее звено было устранено? Или груз уже в пути и должен прийти на место в любом случае? И кто получатель? Нарисовала его в кружочке под вопросительным знаком. Кто поставщик, в общем, уже не важно, основное действие будет разворачиваться по приходу груза. Хорошо, предположим, что груз уже в пути и Испанца хотели устранить для того, чтобы, почуяв неладное, он не изменил пункт выдачи. Но зачем Сергей разыграл спектакль в поселке, мол, не было никакой стрельбы, хозяин где-то живой и невредимый, если Скрипач, который их обстрелял, думает, что он мертв? Разве что для получателя, чтобы сделка не сорвалась, и они смогли устроить засаду на тех, кто попытается перехватить. То есть, на Скрипача? Но Петрович уверяет, что он попросту шпана дворовая, откуда он мог узнать о сделке вообще, не говоря уже о том, чтобы замахнуться и единолично что-то предпринять?

Тут я вспомнила его сопровождающих и их масляные взгляды, когда я рассказывала о Сереге. Это что же выходит, кто-то из окружения Испанца спутался со Скрипачом и ведет свою игру, используя Кольпина как пешку? Кто еще мог знать детали сделки? Если верить данным, что нарыл Пашка, а не верить им не было причин, у Испанца только два доверенных лица: один был с ним в ночь обстрела и едва сам не оказался на кладбище, а второй — муж его сестры и давний друг, ему это просто ни к чему. Кто-то четвертый или нелепая случайность? Даже с лучшими такое иногда случается. Но те двое со Скрипачом умниками явно не выглядели и даже услышав что-то, не смогли бы сложить два плюс два. А что, если это получатель? Испанец, как посредник, наверняка имеет нехилый процент, получателю надоело делиться, а поставка на столько серьезная, что он решил устранить его. Но тогда Серега должен работать на него, если брать в расчет спектакль. Что-то не сходится. Хотя, если Испанец и Сергей не знают, кто устроил покушение, а Скрипач, очевидно, бегаёт под чьим-то руководством, то только на сделке можно выяснить, кто мутит воду: получатель или иное заинтересованное лицо. На случай, если это получатель, придумали сказочку с исчезновением, а на случай, если кто-то еще — однозначно дали понять Скрипачу, что путь свободен и можно следовать плану. Доверять они могут на сто процентов только друг другу, потому как оба чуть не отправились к прародителям, но пришлось включить и меня, чтобы выяснить, кто устроил покушение. От того Алексей так и злился: полагать, что баба не испортит всю игру, ему вера не позволяет.

«Или по другой причине?» — проснулся ехидный внутренний голос.

— Не пори ерунды, — пробормотала я вслух и скомкала изрисованный альбомный лист. Прошла на кухню, подожгла его от конфорки и бросила в раковину догорать. Смыла пепел, заварила себе чай и с удовольствием стала его пить. Удовольствие в основном относилось к тому факту, что хоть что-то начало вырисовываться. Неплохо было бы узнать, кто у нас получатель, только как это сделать? Максим ясно выразился, у них — никто и ничего. По этой же причине, к Петровичу идти за информацией нет смысла. Да и Пашка в интернете такое не нароет.

Я потеряла руками лицо, призывая себя сосредоточиться. А что, если пойти от обратного? Поставка крупная, значит и игроки должны быть на уровне. Город небольшой и найдется не много людей, которые реально бы смогли потянуть такое. Вот с этим уже можно и к Петровичу. Макс, конечно, узнает быстрее, но от одной мысли о том, через что мне придется пройти, выслушивая его, заныли разом все зубы. Ничего, не так уж это и к спеху, сойдет и Петрович.

И тут в голову снова пришли круглолицые. Они знали про меня, то есть про некую особу, с которой Сергей удачно проводил время и ухмылялись так, что знали в деталях, а откуда? Вряд ли он сидит по кабакам и рассказывает о своих похождениях, нет, тут скорее дружеская попойка где-нибудь в сауне.

— Дружеская... — пробормотала я, пытаюсь понять, что меня так тревожит, вскочила и принялась нарезать круги по квартире.

Так, я сделала вывод, что сказка для Скрипача предназначалась некому неизвестному, то есть Испанец и Сергей понятия не имеют, кто он может быть. Но Алексей слышал все что происходило наверху, и, если бы с Кольпиным был кто-то из их знакомых, он бы узнал и их. Тем более, что одного он видел, хоть и через мешковину.

— Черт! — громко сказала я, останавливаясь от внезапной догадки.

Один из круглолицых не проронил ни слова, в подвал тоже лазил не он. Переглядывания

Алексей так же не мог видеть. Они готовят ловушку, но легко могут угодить в нее сами, ведь придется собирать команду на день «икс», не вдвоем же они устроят засаду.

Я рванула в прихожую за сумкой, руки противно дрожали, пальцы не слушались, я с трудом набрала номер Сереги.

«Ответь, ответь» — крутилось в голове, гудки казались бесконечными.

— Да, — недовольно отозвался он, когда я уже готова была на стену лезть от волнения, — я же предупредил, Василиса.

— Кому ты рассказывал о нас? — спросила нервно.

Он шумно вздохнул:

— Это что, действительно так важно выяснить? С чего ты вдруг решила устраивать сцену?

— Ты все неправильно понял, — поморщилась я в досаде, — напрягись и вспомни, кому ты в деталях рассказывал о наших любовных утехах?

— Черт, детка, да какая разница? — удивился он. — Ну, парням как-то рассказывал, что уж и похвастаться нельзя?

— Хвастайся сколько влезет. Только скажи, был ли среди парней такой тип, с бритой головой, маленькими глазками и абсолютно тупой рожей?

— Да у нас почти все такие, — хохотнул он, — чего ты пристала?

Я старательно напрягла свою память. Точно!

— У него шрам на руке, с тыльной стороны, — заговорила торопливо, пока он не отключился.

— Ну, есть такой, — недовольно отозвался Серега, — что с того?

— А с того, что он был в доме тогда. Один из тех козлов, которым ты обещал обломать рога.

— Уверена? — спросил он после продолжительной паузы.

— Абсолютно. Приходили трое, и он был единственным, кто не сказал ни слова.

— Детка, ты снова спасаешь мою задницу, — игриво сказал он. — Похоже, все-таки придется на тебе жениться.

— Перебьюсь.

Он слабо хрюкнул и довольно сказал:

— Ты просто подарок судьбы. С меня шикарный ужин, после которого я исполню любые твои прихоти. В постели, разумеется.

— Ты и так исполнишь, — фыркнула я в ответ, а он заржал и отключился.

Судя по реакции, моя информация пришла вовремя и этот третий действительно один из его дружков. Скорее всего, трудится охранником в команде Испанца под руководством того же Сергея. Странно, однако, что он переметнулся к такой незначительной фигуре, как Кольшин. Но ответ на вопрос «почему?» можно получить разве что у него самого. Кстати, Сергей вполне может так и поступить. Я нахмурилась: представлять его в роли палача не хотелось. Обещание обломать рога никак не вязалось с допросом с пристрастием.

Я без сил забралась в кресло с ногами. Дрожь постепенно ушла, вместо нее наваливалась тупая усталость и я не заметила, как задремала.

Проснулась как от толчка. Резко открыла глаза и прислушалась, пока глаза привыкали к темноте. Кто-то осторожно ковырялся в замке. Я мгновенно покрылась гусиной кожей, поднялась и неслышно подошла к дивану, присела, отсчитала третью паркетную доску на полу и нажала на нее. Открылся тайник, я взяла пистолет и медленно пошла в прихожую.

Стрелять я не люблю, но отец учил меня всему, что знал и умел сам. Посему, в двадцать один год, на день рождения, я получила в подарок небольшой «дамский» пистолет с зеленой эмалированной вставкой на рукоятке, выполненный на заказ. Все ближайшее лето я потратила, стреляя по бутылочкам и другим мишеням. К концу обучения отец остался доволен и настоял, чтобы я забрала его с собой при переезде. Что ж, большое ему за это спасибо.

Дверь осторожно открывали, а я замерла напротив, с оружием на вытянутых руках, стоя так, чтобы свет от фонаря из окна на меня не падал. Дверь закрылась практически бесшумно, человек аккуратно шагнул в прихожую, еще шаг, и я увидела его лицо.

— Что Вы тут забыли? — спросила недовольно и щелкнула выключателем, прикрыв один глаз. Старый трюк, чтобы не ослепнуть от яркого света: прикрываешь правый глаз, включаешь свет, потом прикрываешь левый, вместо правого.

Алексей к такому был не готов, моргнул несколько раз и только через пару секунд увидел в моих руках оружие.

— Удивляюсь все больше и больше, — насмешливо сказал он, привалившись плечом к стене.

— Вы всегда приходите без приглашения? — в ответ съязвила я, сделала два шага по направлению к неожиданному гостю и положила пистолет на тумбочку: держать его в руках не хотелось.

— Только когда числюсь в покойниках, — ответил серьезно.

Я стояла и молча смотрела на него, в конце концов, это не я притащилась на ночь глядя, пусть объясняется сам. Но он не спешил, так и стоял, подпирая стену, и пытливо меня разглядывал. Этот взгляд мне не нравился: в глазах злоба, челюсти сжаты. Я даже решила, что поспешила с пистолетом, но взять его снова не рискнула.

— Зачем пришли? — спросила устало, не выдержав напряжения, которое заполняло все пространство вокруг, мешая дышать.

— Посмотреть, — пожал он плечами и отлепился от стены.

— Посмотрели?

— Посмотрел.

«Не спрашивай» — посоветовал внутренний голос, но я не послушала.

— И что увидели?

— Ничего, — равнодушно отозвался он. — Обычная.

«Обидно то как» — пронеслось в голове, внутренности свело, а к горлу предательски подкрался комок. Я хмыкнула, чтобы не разреветься по-дуратски, развернулась и сделала шаг по направлению комнаты, но он перехватил мою руку за запястье и дернул так, что я оказалась всего в нескольких сантиметрах от него. Вскинула голову и посмотрела в его глаза. Как же я ненавидела его в тот момент. Всю эту надменность и игры в кошки-мышки. Рука на моем запястье сжималась все сильнее, а вторая потянулась к моему лицу, глаза

злобно сверкали. Потом он вдруг так нежно провел ладонью по моей щеке, что я растерялась от контраста невыносимой боли и этого прикосновения. Запустил руку в мои волосы, едва касаясь пальцами шеи и по телу разлилось приятное тепло.

Запястье начало неметь, я слабо шевельнула пальцами, на глазах навернулись слезы. Он резко убрал обе руки, развернулся и вышел, оглушительно громко хлопнув дверью, а я сползла на пол, глядя на белый оттиск его пальцев и тихо заплакала, как мне тогда казалось, от боли.

Не знаю, сколько я так просидела, пока не заставила себя подняться. Умылась холодной водой и добрела до спальни, еле переставляя ноги. Упала на кровать, не раздеваясь, рассчитывая, что мгновенно усну, но не тут-то было. Я таращилась в потолок, старательно отгоняя мысли об Алексее, кляла себя за идиотское поведение, за то, что продолжаю о нем думать, злилась от того, что не понимала, что ему взбрело в голову и зачем он приходил. Внутренний голос так же молчал, в обиде, что я все равно не прислушиваюсь. Стрелки часов перевалили за полночь, но умных мыслей не появлялось. Я в досаде решила выкинуть всю эту компанию из головы, вместе с их поставками, стрельбой и головоломками и понемногу успокоилась.

Из сонной дремы меня вывел звук пришедшего смс, я досадливо поморщилась и потянулась за телефоном. Номер был незнакомый, к сообщению было приложено видео, которое долго грузилось. Я мысленно подгоняла процесс и не рассчитывала увидеть ничего приятного. Но все мои догадки рассыпались как картонный домик от легкого ветерка: такого я точно не ожидала.

Я запустила видео и с удивлением увидела симпатичную блондинку с круглыми от испуга глазами. Качество было плохое, лицо подсвечивалось только экраном мобильного. Фоном слышался какой-то грохот, девушка торопливо сказала в камеру «Василиса, найди меня», потом я услышала треск, как будто выбивали дверь. Она обернулась на звук, вжала голову в плечи, добавила быстро — «живой или мертвой» и запись прервалась.

Я просматривала видео снова и снова, ожидая услышать новые детали. Вроде бы есть еще какие-то голоса, но разобрать невозможно...

Решительно набрала Пашкин номер:

— На квартире. Сейчас, — сказала лаконично, как только услышала «слушаю» и дала отбой.

Вскочила и снова принялась нервно расхаживать по квартире. Если так пойдет и дальше, лучше избавиться от мебели: пространства для маневров будет больше. Спустя пятнадцать минут в дверь позвонили, Паша жил совсем рядом. Я открыла и пошла на кухню заваривать кофе.

— Кто умер? — спросил он, садясь за стол.

— Пока никто, — ответила я и протянула ему телефон с открытым сообщением. Он просмотрел его и нахмурился. — Надо срочно узнать кто она.

— Срочнее некуда, — процедил он. — Я и так тебе скажу — это Маслова Екатерина Владимировна, по батюшке Чернова.

— Это точно?

— Обижает, — поморщился Пашка.

— Да, да, конечно, прости... — растерянно пробормотала я. — Надо поработать над видео. На заднем плане какие-то голоса, — он кивнул и достал ноутбук, подключив к нему мой телефон. — И заодно проверь, её ли это номер.

— Ты чего такая вздрюченная? — полюбостовал он, не останавливая работу.

— Что за выражение, — скривилась я.

— Нормальное, — пожал он плечами. — И пистолет на тумбочке в прихожей.

— Черт, — я кинулась в прихожую и сунула его обратно в тайник. Вернулась на кухню, разлила кофе и села рядом с Пашкой. Он по-сестрински обнял меня за плечи, ловко орудуя одной рукой, а я пристроила голову на его костлявом плече и тихо порадовалась, что в моем окружении есть мужчины, с которыми я никогда не спала и не хотела. — Пашка, — тихо сказала я, — ты мне как младший брат, которого у меня никогда не было.

— На правах брата я могу узнать, что с твоей рукой?

Я посмотрела на свое запястье, которое к этому времени уже приобрело синий оттенок.

— Да сама не знаю, как это получилось.

— Врать нехорошо.

— Как ты можешь! Да я самый честный и открытый человек в мире! — возмутилась я и мы дружно рассмеялись.

— Номер зарегистрирован на неё, но сейчас вне зоны доступа. Последний раз поймал сигнал в момент отправки тебе сообщения, — и посмотрел на меня с тревогой. — Вась, если телефон у нее отобрали, то пистолет ты зря убрала.

Кстати, он был одним из немногих, кому я позволяла называть себя Васькой.

— Если телефон был отключен сразу после отправки, то сообщение те, что пришли за ней, видеть не могли, — после паузы ответила я.

— Логично, — кивнул он, — но что мешает им включить его снова в более спокойной обстановке?

— Логично, — эхом отозвалась я, — но мы примем, что она его разбила или успела спрятать. В противном случае пистолет мне не поможет, а бояться я не люблю.

Пашка продолжил колдовать над видео, пытаясь улучшить изображение, но задний план был сильно размыт, единственное, что удалось увидеть, это часть керамической плитки над ее головой, с рисунком пухлого ангелочка.

— Может, ванная? — предложил Пашка, я кивнула, в принципе, это может быть что угодно, но ванная вполне подходит. Допустим, девушка услышала шум и закрылась там, пытаясь отправить сообщение, отсюда и треск на заднем плане, когда выламывали дверь. Только что нам с этого?

Я в нетерпении постукивала пальцами по столу, понимая, что мешаю, но остановиться была не в состоянии.

— Может, тебе прилечь пока? — все-таки спросил он. — Я скажу, когда закончу.

Я кивнула и пошла в комнату таращиться в потолок. «Что, черт возьми, происходит в этой семейке? И почему она отправила сообщение мне, а не мужу, брату или тому же Сергею? Откуда у нее вообще мой личный номер?» — задавала я себе вопросы.

— Васька! — услышала с кухни. — Послушай, — сказал он, когда я подошла и включил запись.

«Волшебник» — с улыбкой подумала я, но тут же улыбка исчезла с моего лица, потому что я услышала до боли (буквально) знакомый противный голос:

— Выламывай! — приказал кому-то Скрипач.

— Вот урод, — прошипела я, а Пашка взглянул на меня с удивлением.

— Знакомый?

— Познакомились на днях. Сегодня утром смс присылала, помнишь? То есть, уже вчера.

— Информация уже давно у тебя в почте. Но в связи с новыми обстоятельствами, думаю, она будет недостаточна. Иди спать, на тебя без слез не взглянешь, я попробую нарыть еще что-нибудь и лягу на диване.

Я с благодарностью посмотрела на него, потрепала по кудрявой голове и наконец-то завалилась спать, голова не соображала и нужно было набраться сил, ближайшие две недели обещали быть насыщенными событиями.

Утром, едва открыв глаза, я позвонила Сергею. Приятный женский голос сообщил мне из динамика, что абонент отключен. Чертыхнувшись, я тяжело поднялась и прошлепала в ванну. Прохладный душ немного примирил меня с действительностью. Заглянув в зал нашла Пашку сладко спящим на диване, свернувшись калачиком. Я умилилась, аккуратно накрыла его пледом, вышла и прикрыла за собой дверь. Наверняка он работал всю ночь, все, что нарыл, я и так увижу у себя в почтовом ящике и будить его смысла не было. Сварила кофе, открыла ноутбук и стала изучать информацию.

Первым было письмо с данными о Кольпине. В основном, это был список многочисленных прегрешений. Пять раз успел отсидеть, дважды по малолетке. Последние двенадцать лет в незаконной деятельности уличен не был, но окружение выбирал себе под стать: сплошные уголовники. Так что смело можно предположить, что от старых привычек он не избавился, научившись, разве что, не попадаться. Все это я уже знала от Петровича, и информация мне интересной не показалась. Следующее письмо пришло часа три назад, тот же Кольпин, но теперь Пашка собрал данные о его родственниках, где кто проживает, чем занимается, были ли приводы, дата рождения и смерти. Те же данные по друзьям, с которыми его видели чаще всего. От обилия адресов и фамилий голова загудела, я мельком пробежала взглядом по списку, не пытаясь запомнить, подключила принтер и сделала распечатку. Пересчитав листы, а их было аж шестнадцать, прониклась к Паше еще большим уважением.

В последнем письме он сообщил, что телефон Кати за ночь не включали, что вселяло определенные надежды. Дальше начались странности. В ночь обстрела Испанца Катя должна была вылететь из местного аэропорта в Москву, где ее встречал муж, прилетевший туда из Казани за день до этого. А уже из Москвы оба должны были отправиться прямым рейсом в Барселону. Регистрацию на первый рейс она прошла он-лайн, но на следующий ни она, ни Маслов уже не регистрировались. Тут как раз понятно, она собиралась улететь, вероятно, ждала брата в поселке, зарегистрировалась через интернет, но, услышав выстрелы и не дождавшись сопровождающих, осталась. Не услышать автоматную очередь в пятистах метрах от дома просто невозможно. Странно то, что сегодня ночью она должна была вылететь все по тому же маршруту, снова зарегистрировалась на рейс за три часа до похищения, но уже без мужа, который вчера вернулся в город из Москвы. Алексей рассчитывал на помощь друга, но поспешил отправить сестру подальше от всех событий или не доверял ему так же, как и всем остальным? На этот вопрос мог бы ответить Сергей. Я снова набрала его номер и снова послушала незнакомку, начинающую раздражать.

Ладно, оставим этот вопрос открытым. Сейчас важно установить, а было ли это похищение? Звучит дико, на первый взгляд, но, в самом деле, что, если это очередная уловка? На рейс она все-таки зарегистрировалась. Возможно и улетела. Видео не проблема, голос наложить на задний план тоже, отправили любопытной варваре вроде меня, я начинаю рыть носом землю, враги дергаются и не понимают, что происходит. Один раз меня уже

использовали в подобных целях. А на голос Скрипача я сама сделала акцент в разговоре с Алексеем. Фантазии им не занимать, судя по рассказам Максима и моим собственным выводам, включая откровенно неоднозначное поведение. Опять же, Серега отмалчивается, хотя еще вчера трубку брал.

Я со злостью стиснула челюсти. Мысль ушла в направлении, как испортить им игру, я так увлеклась, что забыла с чего эта идея вообще появилась у меня в голове.

— Срочно нужен альбом, — пробормотала вслух и прокралась в комнату, где спал Пашка, взяла альбом и на цыпочках пошла обратно.

— Я не сплю, — послышалось с дивана.

— Разбудила?

— Ага, я слышал, как скрипят шестеренки в твоей голове, когда ты пыталась думать, — хмыкнул он.

— Вот паршивец, — засмеялась я и плюхнулась с альбомом в его ноги.

— Что вырисовывается? — спросил он, устраиваясь рядом и зевая во весь рот. Я вывела в центре листа «а было ли похищение?» и уставилась на него. — Свежо, — хмыкнул он, — что навело? — я рассказала свою догадку, он кивнул и задумался.

— Постараюсь найти знакомого в аэропорту, надо выяснить, села ли она на рейс.

— Что, если не села?

— Буду искать, — пожала я плечами, понятия не имея, как собираюсь это делать. — Завтракай, а я в офис, нужно переговорить с Петровичем.

Он кивнул и завалился спать.

Петровича я застала за столом, он хмурился и то перебирал бумажки, бормоча что-то под нос, то замирал, устремляя взгляд вдаль. В общем, по всем признакам, трудился в поте лица над очередным делом.

— Работа кипит, — с улыбкой сказала я, усаживаясь напротив.

— А то, — хмыкнул он и полез в стол. Достал потрепанную коричневую папку и протянул мне. — Кольпин.

Я открыла ее и поморщилась: к первому листу была прикреплена фотография Скрипача пятнадцатилетней давности, который и по молодости красотой не блистал. Далее в хронологическом порядке протоколы задержания и допросов, статьи, по которым его закрывали и даже стенография заседаний суда. Бегло просмотрела, выписав себе несколько фамилий, которые не встречала в Пашкиных записях, и сразу же отправив их ему в смс.

— Дмитрий Петрович, — начала я, а Петрович, отвыкший от такого обращения, наострил уши, нахмутив еще сильнее кустистые брови, и скрестил руки на груди. Сходство с совой, до этого момента заметное лишь слегка, стало абсолютным. Я с трудом удержалась, чтобы не фыркнуть. — Давай поговорим гипотетически.

— Давай, — отозвался он и немного расслабился, откинувшись в кресле.

— Представим, гипотетически, что к нам в город едет крупная поставка некоего незаконного товара. Такая крупная, что у многих зачесались руки и потекли слюни.

— Представил, что дальше?

— Предположим, опять же чисто гипотетически, что в этой поставке оружие или наркотики, — пачки денег, которые мерещились Максиму, я сознательно исключила из списка, а дополнить его было нечем.

Петрович крикнул и хитро прищурился:

— И ты, конечно, хочешь выяснить, кто бы мог себе это позволить?

— В финансовом и моральном плане, включая оба фактора сразу или по отдельности, — кивнула я.

— Не думаю, что твой отец пришел бы в восторг от такого интереса.

— Поэтому я спрашиваю у тебя, а не у него, — и широко улыбнулась.

— Я уже давно не держу руку на пульсе, — только и покачал он головой. — Раньше мог Чернов-старший, у того все возможности, включая саму перевозку. Теперь, наверное, и его сын, — он задумался, глядя поверх моего плеча. — Петраков еще, пожалуй. В финансовом плане запросто, он до сих пор самый богатый человек в городе, но на счет моральных аспектов большие сомнения, ты знаешь, что случилось с его дочерью.

Я кивнула. Семь лет назад, отец, по просьбе товарища из органов, занимался поисками девушки, дочери Петракова Самуила Яковлевича. История стара как мир — ушла и не вернулась. Как богатый человек, Самуил Яковлевич подключил к поискам каждого мента в городе. Ее фотографию то и дело показывали в новостях, дни шли и поиски зашли в тупик. Нашел ее отец через неделю, наспех зарытую в нашем лесу. Экспертиза показала, что скончалась она в день пропажи, в крови лошадиная доза героина, одежда изорвана, руки и ноги в синяках, все остальные признаки изнасилования так же присутствуют. Чудовищ, что проделали с ней все эти мерзости и вкололи наркотики, так и не нашли. То, что именно вкололи, сомнений не вызывало, Анастасия была девушкой скромной и даже застенчивой, дом покидала редко и все больше читала. Да и патологоанатом косвенно это подтвердил: укол был сделан в левую руку, а она как раз была левшой.

— Если это наркотики, Маршак не при делах, — продолжил он. — А вот оружие... черт его знает, на чем он сколотил свое состояние. Хотя, только его завода по переработке отходов, одного на весь район, хватит за глаза. А это не единственное его предприятие, с успехом функционирующее и сегодня. Что касается других возможных заинтересованных лиц, тут ничего сказать не могу, надо сделать пару звонков.

— Мне б сегодня... — заныла я.

— Уж расстараюсь, — крикнул он, — но отцу ни слова, что помогал. Побаиваюсь я его, знаешь ли.

Я хихикнула и кивнула: что есть, то есть. Отец, под два метра ростом, косая сажень в плечах, густая борода и взгляд исподлобья, мог вселять ужас одним своим видом, правда, только на людей, с которыми не был знаком близко. Остальные-то знали, что он человек исключительной доброты, веселый и отзывчивый.

«Если получатель Маршак, — думала я уже в машине по пути на квартиру, — и Скрипач похитил Катю по его указанию, то найти ее будет нереально, учитывая его возможности и сильно поджимающие сроки. После поставки товара ее жизнь не будет стоить ни копейки».

Эти мысли убивали во мне все задатки оптимизма, который и так стремительно таял последние несколько дней. В квартиру я вошла с пустым взглядом и нервными движениями. Куртка не хотела держаться на крючке, молния на сапоге не расстегивалась, в итоге я швырнула ее на пол и прошла в одном сапоге на кухню, где Пашка уминал бутерброды и клацал по клавиатуре со скоростью звука.

— Петрович не порадовал? — не поднимая головы спросил он.

— Не порадовал, — вздохнула я, глядя, как снег с сапога превращается в грязную лужу.

Пашка доел бутерброд, легко снял с моей ноги сапог, отнес его в прихожую и повесил куртку.

— Васька, — с укором сказал он, — если ты не соберешься, мне придется к тебе переехать. И тебе это не понравится, можешь позвонить моей матушке, она расскажет в красках, почему.

Я схватилась за голову и согнулась, опустив локти на колени. Посидела так немного, глядя в пол, потом резко встала, схватила тряпку, вытерла лужу под ногами и набрала отцу.

— Привет, котенок, — ответил он после первого гудка, — все в порядке?

— Да, конечно, — торопливо успокоила я, — мне срочно нужен контакт в нашем аэропорту.

— Новое дело?

— Да. Похоже, похищение. Но надо убедиться.

— Виноградов поможет, — и добавил, поняв, что я не вспомнила такого: — Дядя Жора.

— Ну конечно! — расплылась я в улыбке. — Продиктуешь номер?

— Две минуты, был где-то в блокноте... — послышались шаги, потом шелест бумаги. — Ага, вот, записывай.

Я торопливо попрощалась и тут же позвонила по номеру, что он дал:

— Григорий Александрович? — уточнила я на всякий случай, хотя узнала его певучий голос сразу же.

— Василиса, — довольно протянул он. — Как я рад тебя слышать! Как твои дела? Как успехи? Замуж вышла? — завалил он меня вопросами и тут же сам себя одернул: — Да что я, в самом деле, дурак старый, ты, поди, по делу! А знаешь, что? Приезжай! Я скоро смену заканчиваю, помогу, чем смогу. Часа через полтора, подойдет? Пиши адрес! А хотя, давай у терминала тебя встречу, который по прилету. Позвони как подъедешь.

— Буду ровно через полтора часа! — обрадовалась я.

Час на то, чтобы добраться и еще успею что-нибудь перекусить. Вид Пашкиных бутербродов отозвался глухим урчанием в животе.

Через час я уже парковалась возле аэропорта, еще через десять минут подходила к терминалу. На ходу набрала номер, но тут же дала отбой, потому что дядя Жора уже ждал меня, прогуливаясь из стороны в сторону. Высокий, худощавый, с длинным носом и резкими движениями, он здорово напоминал цаплю и видно его было издалека. Я ускорила шаг, подошла к нему со спины и коснулась плеча. Дядя Жора вздрогнул, обернулся, в глазах мелькнуло недоумение, но через секунду он узнал меня и широко развел руки, заключая в объятие:

— Василиса, ну надо же, какая девица! Что за косища! Загляденье! — нараспев заговорил он, взмахивая руками, как крыльями.

— Григорий Александрович, — начала я, но он тут же меня перебил:

— А ну перестань сейчас же, какой я тебе Григорий Александрович!

— Дядь Жор, — прошепелявила я, как в детстве, а он засмеялся и обнял меня за плечи:

— Пойдем в комнату, расскажешь, что за нужда привела.

Мы улицей пошли до одноэтажного строения на территории аэропорта, по пути рассказывая друг другу о житье-бытье. Дядя Жора открыл дверь своим ключом, жестом приглашая пройти, поставил чайник, усадил меня на диван, и, резко посерьезнев, сел рядом.

— Опять поиски?

— Тем и живем, — развела я руками и объяснила причину своего визита.

Он пожевал губами, налил мне чаю и пошел к выходу.

— Посиди, чайку попей, а я побегаю.

Я сидела с пол часа, разглядывая стену и уже пожалела, что не напросилась с ним. Бездействие утомляло невыносимо, чай давно был выпит, и вдруг за окном пошел снег, такими крупными хлопьями, что я невольно залюбовалась. Из состояния, близкого к нирване, меня вывел вернувшийся дядя Жора.

— Не было девушки, — заявил он с порога, а я выдохнула. Ничего хорошего, конечно, в этом не было, но камень с души все равно упал, подозревать в подлости Серегу было неприятно. — Помог я тебе?

— Помогли, дядь Жор, еще как помогли, — закивала я и понеслась к машине.

Уже когда я подъезжала к дому, позвонил Максим. Заданий я ему не давала и информацию он выдал уже всю, что знал сам, так что звонка я не ждала и, мягко говоря, ему не обрадовалась: предчувствие закралось неприятное. Я прижалась к обочине, включила аварийные огни и ответила.

— У меня новости.

— Хорошие? — с надеждой спросила я.

— Для кого как, — заявил он, — нашли одного охранника Испанца.

— Что значит нашли? Он пропал?

— На второй вопрос ответить не смогу, а вот на первый — пожалуйста. Нашли в ста километров от города на обочине. Мертвым, разумеется.

Руки противно задрожали, я сглотнула и постаралась максимально равнодушно уточнить:

— Давно?

— Нашли или скончался? — ехидно поинтересовался он, подозревая меня в злостном сокрытии информации.

— И то, и то, — вздохнула я, не спеша делиться своими мыслями.

— И то и то сегодня ночью.

Я прикрыла глаза, разминая правый висок свободной рукой. Вчера вечером я сообщила Сереге о некотором охраннике, и уже на следующий день, то есть буквально через несколько часов, его нашли мертвым. Нехорошо-то как.

— Как он выглядел?

— Довольно паршиво, — съязвил Макс.

— Пытали? — сердце сделало стремительный скачок, резко опустилось и, кажется, перестало биться вовсе.

— Почему пытали? — удивился Макс, и я вместе с ним. — Просто мертвые не красавчики. А этот с дыркой от пули в башке, причем стреляли сзади в упор, так что, если и был симпатичным, этого уже не видно.

— А как опознали тогда?

— Документы в куртке нашли, а мать на опознании узнала по шраму на руке. Ничего об этом не знаешь?

— Откуда? — изобразила я удивление напололам с возмущением.

— Я так и думал. Ладно, пока, — и отключился.

«Что мы имеем?» — по обыкновению принялась рассуждать я, заводя мотор и плавно трогаясь с места. — «Если бы Сергей добрался до охранника первым, то уж точно не стал бы стрелять в него со спины. Во-первых, он, как минимум, стрелял бы стоя к жертве лицом, ему нужно было задать вопросы, а глаза собеседника порой дают больше ответов, чем слова. Во-

вторых, начал бы он все же с допроса и тогда парень бы мог остаться жив, посидел бы где-нибудь взаперти до самой поставки и не нужно руки марать. Тут же получается, что от него избавились как от ненужного звена в цепочке, то есть, свою роль он уже выполнил, а делиться никто не любит. Особо умным он не выглядел и до последнего доверял своему убийце, иначе не повернулся бы спиной. Хотя, возможно, его застали врасплох, но общей картины это не меняет».

В квартире Пашки не оказалось, на холодильнике под магнитом записка — «у матери». Коротко и по делу.

Я поужинала и завалилась с альбомом на кровать. Нужно было составить план действий, исходя из полученных сегодня сведений. Факт номер один: Катю действительно похитили, и никто иной, как Скрипач. По указу или нет, вопрос остается открытым. Пока можно прокатиться в поселок, посмотреть на дом Черновых, если получится — выяснить оттуда ли она была похищена. Уже стемнело, особого внимания я не привлеку. К тому же, машину можно оставить у дома Потаповых.

Я отвлеклась отправить Пашке сообщение:

— Есть ли у Масловых отдельное жилье?

Факт номер два: Алексей и Сергей по-прежнему бродят впотымах. Охранник мертв, найти и допросить его они бы не успели, раз уж через несколько часов он был трупом, к тому же, довольно далеко от города. Значит, поставка все же будет, а ужин отменяется, раз уж я им ничем не помогла.

— Макс, что ли позвонить? — с тоской пробормотала я, но тут пришел ответ от Пашки:

— Полежаевская, д.7, кв 4. Владелец Маслова Екатерина Владимировна, подарственной от Чернова Алексея Владимировича.

И я начала собираться.

Улица Полежаевская была совсем непротяженной и являлась украшением старой части города. Находясь в паре километров от центра, на ней всегда было удивительно тихо. Музеев и памятников архитектуры не было, поэтому туристам там было нечего делать, как, впрочем, не было ни деловых центров, ни увеселительных заведений. Только ухоженная зеленая аллея, разделяющая проезжую часть пополам, и несколько симпатичных жилых домов, похожих как братья-близнецы. По задумке архитектора, они были расположены по обе стороны от дороги, но в шахматном порядке. Совсем новые, выдержанные по фасаду в том же стиле, что и в центре, они радовали глаз. В конце аллеи, на возвышенности, стояла небольшая деревянная церквушка такой красоты, что невольно позавидуешь мастерству плотника.

Седьмой дом находился в самом конце улицы и был последним в ряду, прямо напротив церкви. Квартира в таком доме стоила сумасшедших денег. Определенно, Алексей свою сестру любил, раз преподнес ей такой подарок. Хотя, может это отступные за отказ от бизнеса отца, но думать так почему-то не хотелось. Три этажа, два подъезда. Однажды я была в такой квартире по делам агентства и, если мне не изменяет память, в каждом подъезде их всего по две.

Я припарковалась на параллельной улице и пешком вернулась к дому. Камеры видеонаблюдения, швейцар на входе, на первом этаже пункт охраны, аллея буквально светится от обилия фонарей. Надо быть настоящим психом, чтобы решиться похитить кого-то из такого дома. Да и наверняка, помимо всего прочего, каждая из квартир на охране, плюс тревожная кнопка. Их бы скрутили еще до того, как они выломали дверь, за которой пряталась Катя, а даже если нет, из дома бы они не вышли.

Я подняла взгляд на окна, где предположительно была ее квартира и удовлетворенно заметила в двух из них свет. Скорее всего, Маслов живет здесь. Кстати, о Маслове... где он был, когда похитили Катю? Точно уже в городе, но в доме в поселке или здесь? Если в доме, то в курсе происходящего, но ищет ли он её? Или его шантажируют? Что хотят взамен? А если в доме его не было, знает ли он вообще, что она не улетела? И почему не собирался лететь вместе с ней?

— Один сплошной вопрос, — пробормотала я в досаде и поехала в поселок.

На город уже давно опустилась темнота, хотя было только семь часов, снег разошелся и валил сплошной стеной, я сбавила скорость и поехала осторожнее: не хватало только застрять где-нибудь по пути. Съехав в поселок, бросила машину у дома Потаповых и пошла искать, где обитают Черновы, адрес которых знала еще из первой Пашкиной сводки. Надеюсь, моим друзьям не придет охота выехать куда-то на ночь глядя, а с работы они уже должны были вернуться.

Дом оказался совсем близко, через два участка на противоположной стороне дороги, и я в очередной раз поразилась, как виртуозно порой переплетаются судьбы. Зябко ежась (куртку пришлось оставить в машине, в ней я даже через забор не перелезу), стала осматриваться. Обойти дом по кругу не получится: с двух сторон примыкают вплотную другие участки. Но я все равно прошлась до конца участка и была вознаграждена за любознательность: между забором Черновых и их соседями было расстояние около метра в ширину. Я огляделась на всякий случай и, не увидев ничего подозрительно, юркнула в проход. Было так тихо, что, казалось, самым подозрительным субъектом тут была лишь я сама. Если б не перестрелка и похищение, то я бы с этим согласилась.

Дошла до конца участка и полезла, упершись руками и ногами в два забора. Выглядело это со стороны, должно быть, ужасно забавно. Мне же смешно не было: руки и ноги периодически соскальзывали. Вспотев, как будто пробежала марафон, я достигла верха и привязала веревку к ближайшей башенке, сбросив ее вниз. Села, свесив ноги со стороны участка и присматриваясь. Будет неприятно, если я спущусь, а там собачки бегают... доберманы, например. Совершенно очаровательные создания.

— Надеюсь, нет, — сказала я самой себе и отважно спрыгнула. Замерла, прислушиваясь. Тишина давила на уши и была какой-то неестественной. Совсем рядом лес, с другой стороны — шоссе. Я различала звуки редких машин и шум листьев на деревьях, но сознание их старательно отсеивало, оставляя лишь тишину, чтобы, если она внезапно нарушится, успеть среагировать.

Разогнувшись, я осторожно пошла вдоль забора, чтобы следы не бросались в глаза, решив обойти дом. Поднялась на открытую веранду под крышей, заглянула в окно и ничего не увидела: с этой стороны дома было слишком темно. Чертыхнулась и пошла по отмостке: возле самого дома снега на ней не было. Дошла до крыльца и забралась на него, подпрыгнув и вцепившись за перила. Через наполовину застекленную входную дверь белел щиток сигнализации, я напрягла зрение и увидела маленькую лампочку, которая не горела. Достала отмычки и принялась колдовать с замком.

— Папа меня такому не учил, — укоризненно пробормотала я самой себе, но продолжила возиться, стараясь не царапать личину.

Этому ремеслу я училась сама, изнывая от скуки в первые недели в своем агентстве и погалаая, что любой уважающий себя сыщик просто обязан уметь открывать двери, за которыми его не ждут. За два года мне так и не удалось воспользоваться своим талантом, так

что, можно сказать, у меня дебют. Я слабо ухмыльнулась и наконец-то открыла дверь. Сделала шаг на коврик и замерла, ожидая, что на мою голову немедленно должна обрушиться кара небесная.

Ничего не произошло, я достала двойные бахилы из кармана, одела их поверх кроссовок и стала обследовать дом. Быстро прошлась по первому этажу, ничего интересного не обнаружив, и стала подниматься на второй.

Зашла в первую же комнату, сразу напротив лестницы, которая оказалась кабинетом. Массивный письменный стол, на котором стоит только ноутбук, стеллажи вдоль двух стен, от пола до потолка заставленные книгами. Я приоткрыла рот, рассматривая их, но тут же закрыла, одернув себя: не почитать же я сюда влезла. Вышла из кабинета и пошла к следующей двери, за которой оказалась спальня, выдержанная в серых тонах. Стильно, современно и ничего лишнего, как и в кабинете. «Спальня Алексея» — подумала я и под ложечкой засосало. Быстро вышла, отмахиваясь от внезапно возникших ощущений, как от назойливой мухи.

Следующая дверь была открыта настежь, я прошла и сразу же увидела, что косяк вынесен: парни сильно торопились и не стали возиться с отмычками. На кровати раскрытый чемодан, наполовину пустой, с наспех закинутыми вещами. Дверь в ванную комнату так же выбита, повсюду щепки и обломки плитки. Я прошла и осмотрелась: под самым потолком идет орнамент с ангелочками, как на видео. Удовлетворенно кивнула и начала обследовать пол, надеясь найти телефон, но его не было. Я досадливо поморщилась и поднялась, опершись на туалет, и тут же тяжело вздохнула, уже зная, чем сейчас буду заниматься. Подняла крышку унитаза, закатала рукав и принялась шарить в воде. Как бы глупо я сейчас выглядела, не окажись его там. Достала телефон, встряхнула, убирая крупные капли, сунула в карман и замерла.

— Черт, — выругалась сквозь зубы и заметалась по ванне, не зная, что предпринять: автоматические ворота на участок открывались. Бросилась из комнаты, практически кубарем спустилась по лестнице и рванула к двери на веранду. Быстро вышла (благо замок был автоматическим), осторожно закрыла ее с обратной стороны и распласталась по полу, прислушиваясь. К шороху колес по гравийной дорожке, шуму мотора и закрывающихся ворот примешался стук моего сердца, который казался самым оглушительным. Если этот некто зайдет в дом и включит свет на крыльце или в комнатах первого этажа, придется лежать тут до посинения. А наступит оно очень быстро, учитывая минусовую температуру. Я поднялась, мысленно призывая всю свою удачу и, пригнувшись, почти побежала по своим следам, которые уже с трудом различались. Достигла забора и стала двигаться вдоль него, когда услышала, как хлопнула дверь машины, а затем торопливые шаги с характерным поскрипыванием снега. Я уже почти добралась до веревки, когда на первом этаже включили свет и в окне на мгновение мелькнул светловолосый мужчина. Я начала карабкаться по забору и, уже отвязывая веревку, увидела его же в окне на втором этаже. Судя по расположению, это должна была быть спальня Кати.

Сунула веревку в рюкзак, страх отпустил, уступив место любопытству, и я распласталась по забору, радуясь, что он довольно широкий. Голова мужчины мелькала, как будто он кланяется, а мои брови поползли вверх: не алтарь же он там устроил, в конце концов. И тут же ахнула от догадки: он собирает вещи! Через две минуты свет на втором этаже погас, я поднялась в полный рост и пошла по забору, переваливаясь через башенки, как мешок картошки, рискуя сорваться и сломать себе шею. Свет на первом этаже так же

погас, я присела, успев достигнуть точки, с которой было видно машину. Хлопнула входная дверь и вскоре я увидела мужчину с чемоданом в руках, он закинул его в багажник своей машины, сел в кабину и ворота плавно поползли в сторону.

Я спрыгнула с забора, сожалея, что не увидела номера, но и без них была достаточно уверена в том, что это был муж Кати, Глеб. Этот персонаж нравился мне все меньше и меньше.

Ложась спать в своей квартире, так и не отогревшись дорогой, я дала себе обещание никогда больше не лезть в чужие дома и, конечно же, его нарушила.

Слабоумие или отвага?

Открывать глаза и видеть мир в то утро категорически не хотелось. Вчерашнее бдение на заборе свое дело сделало: я простыла и то и дело шмыгала носом.

— Лапы ноют, хвост отваливается, — пробормотала я, сделала над собой титаническое усилие и потащила свое брненное тело в душ, стараясь не смотреть в зеркало: нечего еще больше портить себе настроение. Позавтракала горстью таблеток и поехала в офис, очень рассчитывая застать Петровича.

Очевидно, мир тоже был мне не слишком-то рад: машина отказывалась заводиться, что я только с ней не делала. Справедливости ради стоит сказать, что все мои действия сводились в основном к умоляющим речам, стоянием у открытого капота и пинком колеса, так что я не слишком то удивилась, когда это не сработало.

Я кусала губы, сидя в промерзшей кабине и размышляла, кому бы позвонить. Первым на ум пришел, конечно же, Макс, но в рабочий день нечего было и мечтать, что он все бросит и поедет чинить мою тачку.

«Было б что чинить» — с тоской подумала я и вызвала такси.

В итоге в офис я добралась только к десяти часам, Петровича не было, я села за свой стол и решила зареветь, так мне стало себя жалко, но невезенье и тут сыграло свою роль: слезы совершенно не желали появляться. Я страшно разозлилась, снова вызвала такси и поехала к Людмиле на работу, полагая, что главбух просто обязана быть на рабочем месте. Слава Богу, так и оказалось, в противном случае я бы засела в ближайшем кабаке и надралась с утра пораньше. Как говорится, утром выпил — день свободен. Кстати, неплохая идея, возьму на заметку.

Постучав в кабинет и услышав грозное «войдите», я широко распахнула дверь, шагнула, с чувством ее захлопнув и, не дожидаясь приглашения, плюхнулась в кресло.

— Паршиво выглядишь, — отметила Людмила и была удостоена самого недружелюбного взгляда, на который я только была способна. Она весело фыркнула и принялась заваривать чай. Подала мне красивую фарфоровую чашку с цветочным рисунком и полюбопытствовала: — Чего тебе дома не сидится?

— Как обычно, — тяжело вздохнула я, сделала глоток самого вкусного чая в мире (как мне показалось на тот момент) и прикрыла глаза.

— У меня Оленька тоже простыла, — вздохнула она в ответ, — представляешь, собрала ее сегодня в школу, встав ни свет ни заря, она молча одевается, завтракает, все как обычно, ни чихает, ни кашляет. Только отъехали, соседка стоит заборчик свой подпирает и руками машет. Пришлось остановиться, иначе потом в гроб вгонит своими причитаниями про уважение к старшим. А она давай жаловаться на жизнь, на шум, как ей пол ночи соседи спать не давали, как будто мне интересно... Пятнадцать минут ее слушала, дуру безмозглую, наконец распрощалась, на Лельку глядь, а она сидит по сиденью размазывается, щеки красные, из носа течет, жуть. Хорошо, хоть до школы довести не успела, так что, наверное, старой карге стоит сказать спасибо, — неожиданно закончила она и хмыкнула. — Ты чего приехала-то?

— Ты мне не рада? — надула я губы.

— Чего городишь, — нахмурилась Люда, такие шутки она никогда не любила.

— Я, как всегда, с корыстным интересом, — и потупила красные глазки, но тут же

повеселела, — хотя знаешь, пока к тебе добиралась, решила, что неплохо было бы вышить.

— Ты не на машине? — округлила она глаза. — В такую-то погоду и в таком состоянии? Спятила, да?

— Моя красавица приказала долго жить, — развела я руками.

— Красавицей она была лет десять назад, — махнула рукой Людмила, — возьми мою, она под окнами стоит.

— Спятила, да? — передразнила я ее. — Если я её разобью, а ты видела мою машину, у меня это запросто, мне почку на черном рынке продавать придется.

— Да и черт с ней. На самом деле, ты мне даже одолжение сделаешь, я давно уже выпрашиваю у Грини новую.

— Гришка жмотничает? — не поверила я.

— Воспитывает, — с озорством ответила она и засмеялась. — В общем, вот ключи, а за мной Гришка заедет. И посмотрим, что произойдет быстрее, ты ее разобьешь или он устанет меня возить.

Я весело фыркнула, покачала головой, но ключи взяла, это только волка ноги кормят.

— Ты хорошо знаешь своих соседей по поселку? — подумав, все же решила спросить я.

— Да не очень, если честно. Там у всех такие заборы, включая наш собственный, что особо не перезнакомишься. Соседка вот, с которой утром встретились, Варвара Петровна, через дом живет, на противоположной стороне, Галкины еще, это те, что справа от нас, ближе к шоссе. А остальных разве что по фамилиям. Да ты знаешь меня, сама не пойду ни к кому, а случайно вот только с Игорьком и Леной. У них пацан, на четыре года старше Лельки, мячик умудрился через два забора перекинуть, не иначе футболист растет. Гришка над Игорем посмеивается, точно, говорит, твой пацан? Наши так мяч гонять не умеют. Придуток, прости господи, а второй еще больший придуток, потому что ржет в ответ. Кстати, надо будет летом вместе на шашлыки съездить к речке! Они тебе понравятся, я уверена. А о чем ты спрашивала? — поскребла она затылок и посмотрела виновато.

— Про соседей твоих интересуюсь, — и засмеялась, — язык у тебя без костей.

Она только рукой махнула:

— Тебя кто-то конкретный интересуется? Гришка со многими общается, по работе в том числе, ну а где работа, там банька и пивко, сама знаешь как у мужиков.

— Масловы, — слегка понизила я голос, — Глеб и его жена Катя, в девичьи Чернова.

Людмила посерьезнела и задумалась.

— С Масловым Гришка точно пил. Не знаю по работе или так просто, но было. А Катю я даже не видела. Давай Гришке наберу, да спросим, — пожала плечами и тут же стала набирать номер мужа. — Гриня, дорогой, тут у меня Васечка в офисе, по делу зашла, кстати тоже простыла, как Оленька... Да, передам, конечно, слушай, я ей машину одолжила, у нее сломалась, притащилась ко мне на автобусе, представляешь? — и подмигнула мне, а я прикрыла рот рукой, чтобы не рассмеяться в голос. — В таком-то состоянии! Да как она могла дома сидеть, если дело у нее? Конечно, важное, поэтому и звоню. Ты Маслова давно видел? Сегодня? — я тут же потянула руки к трубке в нетерпении. — На Ваську.

— Гришка, привет! — радостно завопила я.

— Что-то ты больно счастливая для больной, — крикнул он, — моя сказки травит, да?

— Да я бы рада ответить, что да, но, к сожалению, все абсолютная правда. Расскажи мне про Маслова.

— А зачем он тебе вообще? — удивился Гриша. — Хотя не важно. Случайно его сегодня

встретил, у нас офисы на одной улице, постояли пару минут буквально, он торопился. Что конкретно интересует?

— Не было ли чего необычного в его поведении? Может, нервничал или опасался чего-то?

— Да вроде нет, наоборот даже, посмеялись. У него два фингала под глазами симметричные, а на носу пластырь, я поржал еще, натурально панда.

— И как он это объяснил? — напряглась я.

— Так поэтому и ржали, ночью встал в туалет, свет не включал, чтоб сон не сбить и со всего размаха вписался в открытую дверцу шкафа.

— Какая-то нелепая история, не находишь?

— Да обычная, жена у него с вечера собиралась второпях, на самолет опаздывала, да пооставляла все как ни попадя. Моя вон тоже вечно оставляет все открытым, я как-то раз себе чуть глаз не выбил, — Людка, слышавшая разговор, закатила глаза и прошипела:

— Да ты своим глазом ни до одного шкафчика не дотянешься, гоблин.

«Интересное кино получается» — подумала я про себя и тепло простилась с Гришей.

— Ну что? — спросила Люда, наблюдая за переменами в моем лице, — Помогли?

— Помогли... — пробормотала тихо и тут меня осенило: — В каком доме твоя Варвара живет?

— Так уж и моя, — фыркнула Людка, — в двенадцатом, по улице Мира, по нашей то есть, я мимо нее всегда проезжаю. И рада бы побыстрее, да там лежачий полицейский положили.

— А кто из соседей спать не давал?

— Да я не спрашивала как-то, из четырнадцатого или десятого, больше нет у нее соседей. Напротив дома даже с ее локаторами не услышишь.

— А по вечерам ее встречаешь? Или только утром?

— А то как же, она как пес сторожевой на посту, пару раз всего меня пропустила, когда я не по графику приехала. Правда, иногда удается отделаться только приветствием, да дежурной фразой про погоду. Да и чего обижаться, человек одинокий, возраст опять же и...

— Люда! — рывкнула я, не выдержав очередного потока мыслей, Людмила слегка подпрыгнула и насупилась:

— Чего так кричать-то сразу.

— Прости, — покаялась я, — но дело серьезное. Нужно с бабкой вечером переговорить, да узнать поподробнее, с какой стороны шумели. Если из четырнадцатого...

— Да поняла я, кто, во сколько и по какому поводу.

— Ты чудо! — послала воздушный поцелуй и понеслась в офис.

Петрович восседал за своим столом и явно ждал моего появления:

— Василиса, ты выручку в черную что ли считаешь? — хитро прищурился он, как только я вошла, — уж больно тачка шикарная.

— Побойся Бога, Петрович, где ж шикарная, ей уже два года! — возмутилась я в ответ, а Петрович захихикал. — Добрые люди помогли, моя возле дома помирать осталась.

— Ты б ее пристрелила, чтоб не мучилась.

— Не могу, рука не поднимается, породнились уже, — тяжело вздохнула я. — Кстати, у тебя нет умельца знакомого?

— Есть, — еще шире улыбнулся он, — Максимом Игоревичем звать.

Я тяжело опустила на стул напротив.

— Что-то совесть меня заела в последнее время.

— Не к добру, — хмыкнул он.

— А я про что? Никакой жизни, — ответила серьезно и задумалась: может в самом деле напиться? — Петрович, что с моим вопросом?

— Поговорил я с одним человеком, — посерьезнел он, — во-первых, оружие к нам в таких объёмах не возят, чтоб серьезные люди могли заинтересоваться, нерентабельно, — развел он руками, — реализовывать долго, опасно, сеть не налажена, в общем, сплошной геморрой. Наркота в этом плане куда привлекательнее, даже один грамм приличных денег стоит, с перевозкой никаких проблем, пограничнику отстегнул, по приходу часть по дилерам раскидал, а остальное хоть на дачке в подполе храни.

Я мысленно усмехнулась, вспоминая, что в подполе действительно можно много чего спрятать.

— Ну допустим, наркота, но главный вопрос остается открытым.

— А вот с этим как раз проблемы. У нас все больше рядовые дилеры, покупают оптом, но понемногу, возят из соседних областей, таможеню они не потянут. Хотя есть один персонаж любопытный, Колосов фамилия, знаешь такого?

— Колосов? — вытаращила я глаза. — Тот самый?

— Тот самый, — хмыкнул Петрович и откинулся в кресле, довольный произведенным эффектом. — Горячо любимый местными СМИ за активную жизненную позицию, наш сладкоголосый оратор, депутат, меценат и просто хороший человек Данила Александрович.

— Но подожди, откуда у депутата местного пошиба такие деньги?

— В том то и загвоздка, Василиса, человек он, безусловно, обеспеченный и даже богатый, но большая часть средств в постоянном обороте.

— А почему ты связал его с наркотиками? То, что он просто очередной лживый политик не делает его наркобароном.

— А это не я связал, а человек, у которого я спрашивал. А если еще точнее, то человек человека, с которым я сегодня утром имел беседу. И трудится последний в соответствующих структурах. В исключительно гипотетической беседе он поведал, что господин Колосов является фактическим владельцем сети ночных клубов в нашем городе, весьма успешных. Конечно, по документам это какой-то Суриков, но в настоящий момент он почему-то не живет припеваючи на заработанные денежки, а люто квасит в поселке Верхнекамское где-то под Новым Уренгоем и знать не знает о своем счастье.

— Подожди, но как он управляет клубами? Это ведь и персонал, и поставки, как минимум. Да тот же алкоголь, лицензия.

— Ах, Василиса, ты как дитя малое, — умилился он, — ну там же не все идиотами сидят, дошли как-то.

— Что ж тогда не посадят, раз такие умные? — разозлилась я.

— А потому что знать одно, а доказать — совсем другое и тебе об этом хорошо известно. В общем, слушай дальше. Клубы эти крайне популярны в определенных кругах. Помимо того, что на каждой бабе, от официанток до танцовщиц, висит ценник (не буквально, конечно, хотя я бы не удивился), там еще очень легко купить наркотики. Все равно что в супермаркет заглянуть.

— Получается, у Колосова большое желание и возможности к реализации, но не хватает средств?

— Так точно.

— Нужны со средствами, — загрузила я.

— Со средствами, реальными, свободными деньгами, только те, что я назвал вчера.

— Зачем Чернову везти поставку самому себе? Зачем ему вообще связываться с наркотой, когда он и без этого зашибает бешеные деньги на логистике, оставаясь чистеньким?

— Денег много не бывает, — пожал он плечами. — Маршак в этом плане тоже не слишком перспективный. Но кому-то же она едет.

— Кому-то едет, — кивнула я и задумалась: — А что, если оплата не деньгами, а чем-то другим? Какая-то недвижимость или бизнес?

— А кто в здравом уме обменяет ликвидную недвижимость или доходный бизнес на товар, который нужно еще куда-то деть? Весь сразу его не перекупят, значит феноменального дохода за раз не получится.

— Игра не стоит свеч.

— Именно. Да и со стороны поставщика это не менее рискованно.

Я в задумчивости пересела за свой стол. Картинка вырисовывалась нерадостная. Из всего выходило, что покупателем является Маршак, что совершенно не укладывается в голове. Но Испанец еще более бесперспективен на роль получателя поставки. Разыгрывать спектакль, и быть одновременно живым и мертвым совершенно не нужно. Можно было просто где-нибудь затаиться, что он с успехом сейчас и делает. К тому же, привезти партию он мог бы не одной фурой, а несколькими, в разное время и никто бы даже не позарился, а про большую часть и не узнали. Или изменить место и время прибытия. Нет, это точно не его товар, он, как и ранее, выступает только в роли перевозчика и делает все, чтобы груз был передан от поставщика к покупателю в четко оговоренные сроки. Любые просрочки в таком бизнесе означает его незамедлительный крах, репутация превыше всего.

— Репутация превыше всего... — пробормотала я и принялась расхаживать по комнате.

Катя дважды пыталась вылететь из города, логично предположить, что за ее жизнь опасались. Первый раз она должна была полететь с мужем, но услышала стрельбу и затаилась, испугавшись за себя или за брата. Затем, когда Глеб вернулся, Катя снова бронирует билеты, но уже только на свое имя. Почему Глеб не собирался лететь вместе с ней?

Я остановилась, набрала в телефоне «Кто оплатил билеты в день похищения?», отправив смс Пашке и снова принялась расхаживать, было неприятное ощущение, что я упускаю что-то важное.

Кто разбил нос Маслову? То, что это не дверца шкафа было очевидно. Катя, хоть и собиралась в спешке, но никуда не улетела, о чем ему прекрасно известно, раз сам завершил упаковку чемодана. Возможно, он был с ней в доме, когда ее похитили, открыл дверь, его ударили, лишился сознания или его держали, пока Катю вытаскивали из ванной и увозили в неизвестном направлении. Допустим даже, что эта хитрость с чемоданом была для того, чтобы все считали, что у них в семействе все в порядке, дела идут хорошо и волноваться нет причин. Алексей уехал по делам, Катя на отдых, Сергей выполняет свои ежедневные обязанности, как и Глеб, который отшучивается на счет своего внешнего вида и продолжает ездить в офис.

«Картой Бурова» — пришло ответное смс.

Так, значит в вечер похищения, Сергей был в доме. Если после «смерти» Алексея особая необходимость в Катином бегстве вроде бы пропала, то после моего предупреждения об

охраннике нужно было срочно отправлять ее подальше. Отели были оплачены на три недели, так что выбор направления в спешке очевиден. Он приезжает, бронирует ей билеты, она начинает собирать вещи. Глеб мог остаться в городе, чтобы помочь осуществить передачу поставки и держать руку на пульсе. Что дальше? Если бы Сергей был в доме, Катю бы вряд ли смогли похитить, да и ущерба дому было бы гораздо больше, чем пара выломанных замков. Значит, он уже уехал. Глеб открывает дверь и получает в нос. Вспоминая свою первую и единственную встречу со Скрипачем, такое развитие событий вполне в его стиле. Но почему тогда он ее не ищет? Хотя, откуда мне знать.

«А надо бы» — разозлилась сама на себя и пнула стул. Петрович вздрогнул и покачал головой:

— Что, Василиса, невеселые думы?

— Ерунда какая-то. Вроде все складно, но что-то не то.

— Разберешься, — заявил он, но я его уверенности не разделяла и продолжила движение по кругу.

Теперь встает главный вопрос: кто заказал похищение? Допустить мысль о том, что Кати уже нет в живых я была не в состоянии, тут работает та же психология, что и с потеряшками.

Кандидата на данный момент я вижу всего два: Петраков или Колосов. Кандидатура депутата подходит больше и хоть мотивы довольно призрачные, шанс отыскать Катю все-таки есть. Колосов вполне может рассчитывать произвести обмен, и Глеб в таком случае не дергается и не занимается поисками, чтобы не навредить ей, вполне возможно, за ним даже установлено наблюдение. С другой стороны, Петраков мужик умный и мог заказать похищение с тем же расчетом, то есть для гарантии получения товара, а выбрал Скрипача, как человека безотказного, когда речь идет о всяких мерзостях. То есть Испанца мог заказать Колосов, Петракову это было не на руку, а вот похищение — любой из них.

Наравне с этими, как мне тогда казалось, логичными рассуждениями, представить Самуила Яковлевича в роли организатора похищения и покупателя крупной партии наркотиков было трудно. Как безутешный отец, лишившийся единственного ребенка из-за наркотиков, может зарабатывать на них же деньги? Может он так мстит всему миру? Бывает всякое, люди от горя способны на совершенно немыслимые ранее вещи. Допустим, он спятил и действительно приторговывает наркотиками, а может и ранее торговал, еще до смерти дочери. Но похитить Катю? Это что, тоже что-то вроде мести? Накачал ее наркотой и держит взаперти, чтобы кто-то другой страдал так же, как он сам?

«Если сомневаешься, спроси» — вспомнила я слова отца и ухмыльнулась. Достаточно ли сильны мои сомнения, что рискнуть?

«Кого я обманываю» — вздохнула мысленно, уже давно все решив, и, не останавливаясь, пошла на выход, прихватив пальто с вешалки.

Приготовления заняли совсем немного времени. Переодевшись в наряд вора-домушника и наспех перекусив, я прихватила бинокль и поехала к дому Петракова. Жил он за чертой города, в небольшой старинной усадьбе, построенной еще в пятнадцатом веке, о чем знали даже школьники, которые приезжали на экскурсии целыми классами. После гибели дочери Самуил Яковлевич замкнулся, экскурсии больше не проводили, второй этаж был закрыт, как и часть первого, а бывшее величие пошло на спад. Зачем он продолжал жить в этом огромном доме, не имея с ним никаких корней, оставалось лишь гадать, впрочем, и без моих догадок было кому посудачить.

Раньше к самой усадьбе можно было подъехать на машине, но сейчас, на ряду с закрытыми дверьми, незваных гостей встречал еще и двухметровый забор, правда, необычайной красоты. Кованый, с пиками по всему периметру, он ничуть не портил внешний вид усадьбы, выполненной в неоготическом стиле, с высокими стрельчатыми окнами и двумя изогнутыми наружными лестницами, сходящимися у парадного входа. Еще одним неоспоримым достоинством были голубые ели, высаженные по всему периметру забора с внешней стороны. Они были еще совсем молоденькие и едва достигали двух метров в высоту, но сейчас, с заснеженными иголками, являлись хорошим укрытием для машины, покидать которую на время наблюдения совершенно не хотелось. Всю дорогу я усиленно топила салон, раздевшись чуть ли не до белья, и теперь могла сидеть в тепле пару часов, постепенно одеваясь.

Совершив пешую прогулку до забора и прикинув место для стоянки, чтобы через ели можно было видеть дом, я решила все же подождать с полчаса, чтобы не подъехать к обходу территории. Два охранника показали через пятнадцать минут, ведя на поводках свирепого вида доберманов, прошли вместе по центральной аллее, ведущей от ворот к дому, и разошлись в разные стороны, настраивая меня на лирический лад, так как в голову настырно лезло сравнение «как в море корабли». Я засекала время и ходко потрусилась к машине, оставленной метрах в пятистах за поворотом. На малом ходу доехала до забора, радуясь Людкиной шикарной машине, двигатель которой практически не было слышно, пристроилась за выбранными деревьями, достала бинокль и принялась ждать нового обхода.

В следующий раз охрана появилась ровно через полчаса, уже с фонариками, потому что стемнело окончательно. В одном окне на первом этаже появился слабый свет, и я сделала единственный вывод, что именно туда мне и предстоит попасть. Вооружилась биноклем с ночным видением и с удовлетворением констатировала, что память меня не подвела: по всему периметру на уровне около двух метров от земли шел тонкий выступ, в кирпич шириной. Забраться на этот выступ мне предстоит прямо с центральной лестницы, а метров через семь будет небольшой балкончик, как раз, где горит свет. Все это надо проделать за пол часа, при том, что до самой усадьбы еще метров триста нужно пробежать так, чтобы остаться незамеченной. Как я попаду в помещение думать не хотелось, оставив это по старорусской традиции «на авось».

А еще можно было просто подняться и позвонить в дверь, но почему-то была уверенность, что с хозяином побеседовать мне в таком случае не удастся. На самом деле, на беседу как таковую я не рассчитывала при любом раскладе, но, возможно, эффект неожиданности позволит мне задать хотя бы один вопрос.

Подумав, отправила смс Пашке с текстом «Усадьба. Через час звони отцу», ничуть не сомневаясь, что он все прекрасно поймет, и тут же получила ответ: «Ты спятила». Ухмыльнулась, сняла куртку, нацепила шапку, спрятав под нее волосы и замерла на низком старте, ожидая, когда охранники скроются в доме, прихватив с собой собак. Кованый забор я преодолела в рекордные сроки и бегом припустилась к дому, слегка пригнувшись и держась ближе деревьям, растущих по обе стороны от аллеи, на пол минуты замерла возле лестницы, стараясь унять волнение, и решительно поднялась.

«Еще не поздно просто позвонить в дверь» — напомнил внезапно оживший внутренний голос, а я, по обыкновению, отмахнулась, взлетела на лестницу и решительно шагнула на занесенный снегом уступ, порадовавшись, что штукатурка со стен во многих местах отошла и можно было схватиться хоть за что-то.

Я медленно продвигалась, размышляя над тем, как низко я пала, второй раз за неделю вламываясь в чужие дома, в то же время оправдывала себя крайними обстоятельствами и отсутствием выбора. «Даже если вас съели, у вас есть два выхода» — шутил по таким поводам отец и, конечно, был прав. Выбор действительно был, но то у меня, не у Кати.

Дважды оступившись и едва не свалившись, я все же смогла дойти до балкона.

«Вот будет забавно, если в комнате сидит охрана» — хихикнул внутренний голос, а я замерла. Вообще-то надо было подумать об этом раньше, но с умными мыслями сегодня явный напруг.

Я ступила на ограду балкончика, схватившись рукой за колонну, осторожно спустилась, почувствовав что-то близкое к блаженству, и заглянула в окно, но за тяжелой портьерой ничего не было видно. Взглянула на часы, прошло двадцать восемь минут с момента последнего обхода, нужно было решаться, шумно выдохнула через плечо и решительно взялась за руку двери. Дверь поддалась, я медленно её открыла, тут же закрыв за собой и осторожно заглянула в комнату из-за шторы, успев увидеть, как в камине колыхнулся огонь от сквозняка. Что ж, о моем присутствии уже знают. Не таясь, я вышла из-за шторы и с интересом огляделась.

От бывшего убранства (а я была на экскурсии, как и все школьники) ничего не осталось: простая мебель, два больших кресла напротив камина, ковер, журнальный столик. На каминной полке фотографии в рамках. Я так увлеклась, что не сразу обратила внимание на то, что в одном кресле спиной ко мне сидит мужчина, я видела его руку с чашкой и седую шапку волос.

— А ты дерзкая, — хмыкнул он.

Я скинула кроссовки, вспомнив вдруг о правилах приличия, и неслышно сделала несколько шагов, чтобы он смог меня увидеть, хотя, похоже, это уже не требовалось.

— Присаживайся, раз уж ты здесь, — кивнул он на соседнее кресло, перевел взгляд на мои ноги в одних носках и доброжелательно улыбнулся. — Вот за это я вас, Тарасовых, и уважаю. Страшно нахальны, уперты, но выглядите при этом точно сироты на постое. Ты вроде бы две минуты назад проникла в мой дом через окно, а сидишь уже, как дорогой гость. Чайку?

— Не откажусь, — клацнула я зубами и в самом деле получила чашку горячего чая.

— Чего ж через дверь не зашла?

— А Вы бы впустили? — он только хмыкнул:

— И не боишься?

— Боюсь, — ответила честно.

— Отца предупредила?

— Пока нет.

— Значит, подстраховалась, что ж, разумно. На что давить будешь?

— Ни на что, — и невольно поморщилась, отлично понимая намек на помощь отцом когда-то. От одной мысли, что можно манипулировать такими обстоятельствами, подкатывала дурнота. Он внимательно посмотрел и кивнул. Посидел немного в задумчивости, глядя на огонь и вдруг спросил, точно опомнившись:

— А увальни мои где?

Я взглянула на часы: прошло семь минут с начала обхода, значит они уже дошли до конца аллеи, где мои следы не бросались в глаза, свернули по сторонам и один из них был просто обязан увидеть, как я резво припустилась от забора, оставляя лунки в сугробах.

— Сейчас прибегут, — пожалала плечами и дверь резко открылась, в комнату ввалились два здоровячка с совершенно круглыми глазами и оружием на вытянутых руках, а Самуил Яковлевич неожиданно рассмеялся, и махнул ребятам, чтобы выметались.

— Уволю к чертовой матери, — заявил он, успокоившись. — Ладно, Василиса, подняла ты мне настроение, давай свой вопрос, — и добавил серьезно: — но только один. Подумай.

— Катя похищена по вашей инициативе? — спросила я, глядя ему в глаза, время на раздумья у меня было предостаточно и формулировку я выбрала неспроста. Даже односложный ответ будет точным, а по мимолетной реакции на откровенную провокацию можно сделать вывод о его правдивости.

— Нет, — твердо ответил он и слегка нахмурился, а я вздохнула с облегчением, ничуть не смущаясь этого, и на мгновение прикрыла глаза. — Информация точная?

— Абсолютно, — кивнула в ответ.

— Помочь тебе не смогу, — сказал он, поджав губы и видно было, что сожалеет об этом, — ситуация не позволяет предпринимать никаких шагов. На её окружение тоже не рассчитывай.

Я внимательно ловила каждое слово, пытаюсь запомнить формулировки точь-в-точь. Но он замолчал, видно посчитав, что сказал достаточно, и как будто бы задремал. Мне ничего не оставалось, как подняться. На языке вертелся еще один вопрос, и я рискнула, подумав, что не выбросит же он меня за это в окно:

— Сколько у меня времени?

— Спроси у отца, — отмахнулся он. Я замерла, а сердце забилося в бешеном ритме где-то в горле. Он перевел на меня взгляд и понял, что сказал лишнее. Я так четко увидела это в его глазах, что меня охватил настоящий ужас. Резко развернулась на пятках и пошла в сторону двери на балкон, хотелось как можно скорее оказаться на улице и бежать без оглядки.

— Василиса, — позвал он и я с трудом нашла в себе силы оглянуться. — Ты пришла ко мне, — чеканил он каждое слово, как будто хотел оставить их в моей памяти на всю жизнь, — потому что знала, что тебе в этом доме ничего не грозит. Не смотря на все события, что происходят и совершенно наплевав на логику. Доверяй только своей интуиции, не распаяйся и ищи девушку. Поняла?

Я кивнула и обулась.

— И, ради Бога, выйди через дверь.

Я иду тебя искать

Я побежала, едва за мной закрылась входная дверь. Видела, как нарочито медленно открывались ворота, недоумение в глазах охранника, следующего своим обычным маршрутом, как огрызнулся доберман, едва не сорвавшись с поводка, я все прекрасно видела, но в то же время ничего не замечала. Я ощущала только тупую боль, почти физическую, хотелось проснуться и начать этот день заново: чтобы я не простыла, чтобы машина не сломалась, чтобы Палыч ждал меня в офисе, а Людмила спросила у бабки, кто шумел, чтобы Петраков не сказал лишнего, чтобы я никогда не узнала, что отец замешан в истории с наркотиками. А еще лучше, проснуться и не знать, кто такой Испанец, с этими его поставками, манипуляциями и секретам, и никогда не видеть медового оттенка его глаз и мальчишеской улыбки.

Я машинально потеряла синее запястье, постоянное напоминание о нем, закрыла глаза и рухнула в сугроб. Лежала и таращилась в черное небо, а на мое лицо падали редкие снежинки и тут же таяли. Лежала до тех пор, пока холод не начал пробираться до костей. Резко поднялась, вспомнив, что не дала отбой Пашке, торопливо набрала и отправила «ОК», успев минуту в минуту. «Я поседел» — пришло в ответ. Я фыркнула и полезла в машину, паршивец всегда умел привести меня в чувство одной фразой. Завела мотор, включила печку посильнее, и принялась вспоминать каждое слово, которое услышала, старательно опуская фразу про отца.

Во-первых, теперь я уверена, что Катю следует искать по следам Скрипача. Колосов ручки сам марасть не будет и ответственность полностью переложит на ближнего. Во-вторых, отчетливо прозвучало замечание, что рассчитывать на чью-либо помощь мне не стоит. В-третьих, покупатель все же Маршак, он однозначно сказал, что не может помочь мне в силу сложившейся ситуации, скорее всего, его вмешательство подвергнет ее еще большей опасности. То же самое он сказал и о её окружении. То есть брат, муж и Сергей. Или не то же самое? Помню, что-то резануло слух, может, интонация или как будто предостережение.

Написала Пашке «Всех в офис.» и плавно тронулась с места.

А еще он очень сильно напирал на мою интуицию, идущую вразрез с доказательствами, и что именно ей стоит верить. Допустим, ситуация гораздо сложнее, чем я могу сейчас нарыть. Из-за этих недостающих деталей все выглядит вовсе не так, как есть на самом деле. И предостережение это было после того, как он проговорился про отца и увидел мою реакцию. То есть действующие лица определены правильно, а вот мотивы — нет. Что ж, на этом и остановимся.

— Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать! — громко сказала я и сильнее надавила на педаль газа.

По дороге я окончательно упокоилась и в офис входила собранной и решительной, обнаружив, что вся команда уже в сборе, несмотря на позднее время. Кивнув Паше и поцеловав Макса в щеку, я прямиком отправилась в подсобку, достала большую, в пол стены, карту города и прилегающих территорий, которую часто использовала в поисках. Пока Максим с Петровичем её вешали, Пашка распечатал несколько фотографий и все данные с адресами, которые удалось собрать, а я разделила их на 4 части и раздала вместе с фломастерами и канцелярскими кнопками в цвет.

— Итак, — деловито начала я, — ищем девушку, Маслову Екатерину Владимировну, в девичьи Чернову, — брови Макса медленно поползли вверх, но он счет за благо промолчать, а я продолжила: — Катя была похищена из дома своего брата в ночь с пятнадцатого на шестнадцатое, вот этим ублюдком, — и прикрепила на стену рядом с картой фото Скрипача из дела, что достал Петрович, — которого зовут Кольпин Дмитрий Евгеньевич. Фото старое, сейчас он выглядит еще более мерзко.

— Тебе это птичка на хвосте принесла? — все-таки не выдержал Максим.

— К сожалению, нет, — спокойно ответила я, — но к данному делу это не относится. Отличительной особенностью Кольпина является отвратительный голос, за что его прозвали Скрипачем. Заказчиком похищения является Колосов Данила Александрович. На этом факты заканчиваются и начинаются домыслы.

— Заказчик Колосов — это факт? — поднял бровь Петрович, а я кивнула. — Я, конечно, извиняюсь, но и это тебе птичка на хвосте принесла? — Макс ехидно заулыбался, а Петрович продолжил: — Еще утром возможных кандидатов было два. И второй, то есть Маршак, был куда более перспективен на эту роль.

— Маршак?! — рявкнул Макс. — Вы чем тут вообще занимаетесь?

— Спокойно, Максим, ничего противоестественного, — поморщился Петрович от его криков. — Итак?

— Это не Маршак.

— И как ты определила?

— Спросила.

Наступило гробовое молчание, Пашка скромно потупил глазки, Максим начал краснеть и был готов взорваться в любую секунду, а Петрович как-то весь сдулся и почесал затылок:

— Беру свои слова назад. Это противоестественно, Василиса.

— Продолжим или еще посплетничаем? — задала я риторический вопрос. — Так вот, дальше начинаются домыслы, к делу их, как говорится, не пришьешь, но особым вниманием следует одарить мужа Екатерины, Глеба Маслова. Петрович, я на тебя рассчитываю: слежка по полной программе, если заметишь подозрительных субъектов поблизости — сразу же сматываешься. Подробности расскажу завтра, надо уточнить один момент у Люды.

— Он на подозрении в причастности?

— Скорее просто на подозрении. Я бы назвала это непростительным равнодушием и хладнокровием, в сочетании с довольно убогой фантазией и сомнительными актерскими талантами.

— Размечаем как обычно? — подхватил Пашка. — Красным наиболее перспективные объекты, вдали от глаз, ушей и прочих частей тела любопытных, синим — квартиры в неблагополучных районах, где любопытные давно перевелись, и зеленым — самые маловероятные?

Я кивнула, мы дружно приступили к работе, и часа через два с тоской поглядывали на карту, сплошь усеянную красными и синими точкам, с редкими зелеными вкраплениями.

— Петрович на спец задании, Пашка в офисе за старшего и на связи, Максим, если свободен, по красным точкам в черте города, с ксивой и угрюмым лицом, я тоже по красным, но по области. В конце дня общий сбор, кто как выдохнется.

— Свободен, — процедил Максим и странно на меня посмотрел. С примесью тоски и настороженности, которые я не могла связать ни с одним событием.

— Не смею задерживать, — развела я руками и добавила тепло: — спасибо, что

приехали, я это очень ценю.

Пашка подмигнул мне и тут же отчалил, Петрович, кряхтя, переобувался, а я решила набрать Людмиле, пока не забыла.

— Разбила? — с надеждой в голосе спросила она.

— Пока нет.

— Вот ведь... я думала ты еще днем позвонишь с радостной новостью, а тут такая незадача. Гришка обрадовался, когда я попросила его забрать меня, говорит, здорово, больше времени будем проводить вместе. Представляешь? Я, конечно, не против этого, но лучше проводить это время в моей новой машине, которую я вижу в салоне каждый раз, когда еду на работу. Это же форменное издевательство, а еще муж называется. А, ну да, с бабкой я поговорила, — без перехода начала она деловитым тоном, чем несказанно меня удивила. — Шумели в четырнадцатом, но ты, наверное, не удивишься. А вот что странно: она утверждает, будто в доме ночью ремонт делали. К такому меня жизнь не готовила, и я малость подрастерялась, так что особо путного больше сказать нечего. Просто часов в одиннадцать подъехала газель, ворота открыли, заехали и давай выгружать какие-то мешки да палки. Карге нашей, наверное, хорошо видно, у нее домина в три этажа, плюс чердак. Не удивлюсь, если она себе там какой-нибудь телескоп поставила, чтоб не щуриться лишний раз. Ну, в общем, сразу все в дом отнесли и часов до трех ночи то стучали, то пилили.

— Приятно иметь с Вами дело, Людмила Аркадьевна, — расплылась я в улыбке. — Задание выполнено на высочайшем уровне.

— Ой, да ладно, брось ты... — смутилась Люда и спешно попрощалась, сославшись на дела.

К концу разговора Петрович уже собрался и ушел, махнув мне на прощание рукой, а Макс остался подпирать стол рядом со мной и прислушивался.

— Ну и трещотка, — покачал он головой, как только я повесила трубку.

— Зато человек хороший и можно не напрягаться придумывать темы для разговора, — и снова пошла к нашей карте: работы непочатый край, а время идет.

Я мысленно дала себе два дня, а потом... потом придется рушить стену, которую я так упорно воздвигаю последние несколько часов, и идти к отцу. В прочем, идти все равно придется, но в моем случае лучше позже, чем раньше.

Максим подошел со спины, положил свои руки мне на плечи и начал аккуратно их разминать:

— Ты очень напряжена, — сказал он тихо, и я почувствовала его тяжелое дыхание.

«А почему бы и нет?» — неожиданно подумала я, медленно развернулась к нему лицом, приподнялась на цыпочках, ухватившись за его шею обеими руками, и поцеловала. Не раздумывая ни секунды, он подхватил меня на руки и понес в комнату отдыха.

Отдохнули мы на славу: напряжение последних дней отпустило и мысли перестали жужжать назойливыми мухами. Я лежала без сил, без эмоций, а Максим гладил мой живот и выглядел задумчивее обычного. Казалось, он хочет задать вопрос, но боится услышать ответ.

— Ты не позвонила, — вместо вопроса сказал он.

— Бегала по городу, ты же знаешь.

— Я не о том... Ты не позвонила, когда у тебя сломалась машина.

— У тебя был рабочий день, — вяло отозвалась я, зная, что он хочет узнать и боялась этого вопроса, боялась его думать и тем более слышать. — Решила, что все равно не

сможешь приехать.

— Ты знаешь, что приехал бы. Наплевал на все и приехал. Ворчал бы на тебя, злился на себя, потому что ты не стала бы меня дожидаться, чинил твою машину в то время, как должен быть на работе, чтобы только побыстрее позвонить и сообщить о проделанной работе. Но ты не позвонила.

— Не позвонила, — тихо отозвалась я, не в силах сказать ничего другого.

— Василиса, — позвал он и посмотрел мне в глаза с такой болью, что я зажмурилась. — Ты влюбилась что ли? — а я закрыла лицо руками и заплакала, так отчаянно, по-бабьи, потому что одним вопросом он развеял все иллюзии и больше не было никакой возможности укрыться, спрятаться, затаиться за той воображаемой дверью, которую я упорно рисовала в своем подсознании. Я почувствовала себя такой уязвимой, такой жалкой, что не могла остановиться и все плакала, вздрагивая всем телом. Максим почувствовал это, крепко прижал к себе, гладил по волосам, по спине, пытаясь успокоить:

— Ну ничего, ничего, — и неожиданно хохотнул, — и на старуху бывает проруха.

Я фыркнула и перестала плакать.

— Максим, ты все испортил, — тихо сказала через некоторое время.

Он не ответил, это было и ни к чему. Мы оба отлично понимали, что времена беззаботного времяпрепровождения закончились после этого самого вопроса. Он никогда не ляжет со мной, зная, что я люблю другого, не воспользуется моим состоянием, той беззащитностью, которую я открыла ему, сама того не желая. А я никогда не попрошу, понимая, какую боль ему это причинит. Он думал о том же, потому что вдруг сказал:

— Знаешь, а это к лучшему. Может, я наконец перестану тешить себя мыслью, что когда-нибудь ты могла бы мне принадлежать, по-настоящему, полностью. Найду себе тихую скромницу, женюсь и буду катать на спине своих детей.

Я так ясно увидела эту картину, что невольно улыбнулась:

— Ты будешь отличной лошадкой, — и провалилась в сон.

Хлопнула входная дверь и я открыла припухшие от слез глаза, с удивлением обнаружив себя абсолютно одетой, хотя точно помнила, что уснула в костюме Евы. Подняла голову, чтобы осмотреться, и увидела лежащего рядом Максима, с раскинутыми руками и приоткрытым ртом, тоже одетого. Как ни странно, это был единственный раз, когда мы проснулись в одной постели. На самом деле, единственный мужчина, с которым я просыпалась, был Бэрнардо, и я подозреваю, так получалось только потому, что из постели мы практически не выбирались.

Я осторожно встала, стараясь его не разбудить и прошмыгнула в ванну. Надо заметить, к ремонту офиса, еще до открытия, я подошла ответственно, продумав все до мелочей. Помимо приемной, где стоял мой стол и отдельного кабинета Петровича, была еще небольшая комната отдыха, в которую я втиснула раскладывающийся диван, шкаф с зеркалом в полный рост и баром, низкий столик, чайник и даже крошечный холодильник, как в отелях. Из комнаты вела дверь в ванну, с совмещенным санузлом и небольшим душем, и когда я работала над трудными делами, могла по неделе не появляться дома. Пару раз тут ночевал Пашка, разругавшись со своей родительницей, а однажды целый месяц жил Петрович, который разводился с женой и разменял квартиру, не успев купить другую. В общем, офис по всем параметрам был идеальным для нашей неидеальной компании, чему я в очередной раз порадовалась, спешно привела себя в порядок и вышла.

— Привет, — сказал Максим, приподнимаясь.

— Привет, — слегка улыбнулась я, не зная, как вести себя.

— Я никому не расскажу, что ты ревела как школьница на выпускном, — серьезно сказал он, а в глазах плескался смех.

— Ну ты гад! — в сердцах огрела я его подушкой и засмеялась, садясь рядом.

Он обнял меня по-братски и чмокнул куда-то в голову:

— Все у нас будет хорошо, и у тебя, и у меня, — поднялся и прошел в ванну, а я обулась и вышла посмотреть, кто притащился в пол восьмого утра.

Оказалось, что все.

— Василиса, ты что, ночевала тут? — удивленно спросил Петрович, увидев меня, я только руками развела. Тут взгляд его переместился за мою спину, и я догадалась, что Макс очень быстро справился со всеми водными процедурами. Петрович крякнул и залился краской, а подоспевший Пашка улыбнулся во всю ширину рта.

— Я вижу твои зубы мудрости, — сурово заметила я, глядя на него исподлобья, а он улыбнулся еще шире, что за секунду до этого казалось просто физически невозможным. Я не удержалась и весело фыркнула. — Ну раз уж все в боевой готовности, Петрович, пойдем к тебе, расскажу про Маслова, — пройдя в кабинет, я аккуратно прикрыла за собой дверь и нахально уселась на стол, рядом с его креслом.

— Василиса, имей совесть, спрячь коленки. Стар я уже, — проворчал Петрович, садясь.

— Да ладно тебе, — подмигнула, но пересела за стул напротив, попутно излагая все, что смогла вспомнить про Маслова.

— Ну и что? — почесал он затылок, когда я закончила. — Получил по роже, содействие оказать жене не смог физически, потом скрыл следы, потому что поставка на носу. По той же причине и не собирался с ней лететь, Испанец отсиживается, а принять товар от поставщика кому-то надо.

— Вроде бы все складно, — нахмурилась я. — Но как-то мне не спокойно, Петрович.

— Аргумент, — кивнул он серьезно, моя интуиция еще не подводила. — Первым делом установлю, есть ли за ним слежка. Если таковой не имеется, то большой вопрос, почему он не ищет жену. Посмотрю, как себя ведет, куда ходит, с кем общается. Пашка пусть тоже пороется, нечего штаны без дела просиживать. Кому звонит, на что деньги тратит, начиная от покушения на Чернова, — посидел в задумчивости и все-таки спросил: — Покупатель Маршак?

— Уверена, что да. Хотя прямо он не сказал, как ты понимаешь.

— Дела... Ни в жизнь бы не подумал.

— А я до сих пор не думаю, — хмыкнула я, сама себе противореча, а Петрович удивленно вскинул брови:

— Поясни.

— Да я пока сама не понимаю. Свербит какая-то мысль, но в руки не дается. Да и не пытаюсь я сейчас в этом разобраться, первоочередная задача — найти Катю, потому что, похоже, кроме нас больше никому.

— А что, если Глеб ищет ее, но очень осторожно?

— Сомневаюсь. К тому же Маршак намекнул, что никто из ее окружения мне не поможет, сделав какой-то особенный акцент на это, что еще больше усилило мои собственные ощущения относительно Глеба, но ясности не внесло. Но даже если и ищет, ты об этом как раз и знаешь.

— Мне все покоя не дает, как тебе удалось с ним встретиться? На сколько я знаю, он сидит практически целыми днями в своей усадьбе и выезжает только по исключительным поводам.

— Я пришла к нему.

— И что, он тебя впустил, да еще и мило побеседовал? Как-то уж слишком фантастично, даже беря в расчет, что твой отец оказал ему услугу много лет назад.

— Нет, конечно. Сама вошла.

— В смысле влезла? В окно что ли? — вытаращил он глаза. — Васька, ты чокнутая. Ты хоть понимаешь, что могла выйти оттуда вперед ногами?

— Не поверишь, Петрович, но я действительно думала об этом. Более того, это было бы весьма логично: какая-то пигалица проникает в его дом, задает вопросы о мероприятии, а на кону огромные деньги. Он был просто обязан сделать так, чтобы ни одного вопроса я больше не задала, ни ему, ни кому либо еще. И если не вперед ногами, то до самой поставки я бы ходила из угла в угол где-нибудь в застенках его дворца.

— Но ты полезла.

— Но я полезла, — развела я руками. — Причем вышла уже через дверь, он угостил меня чаем, и мы немного посмеялись над его охраной.

— Чудеса...

— Теперь ты понимаешь как все собранные факты и логические последовательности противоречат интуиции и здравому смыслу?

— Думаю, что понял. Очень непривычные ощущения, — хмыкнул он. — Как будто смотришь выступление иллюзиониста.

«Иллюзия...» — пробормотала я про себя, но тут дверь открылась и мысль ушла. Я поморщилась, оборачиваясь на Пашку:

— Вот подождать никак нельзя было? Такую мысль заперол.

— Если её сквозняком от двери сдуло, значит не такая уж и ценная, — пожал он плечами. — Вась, там Макс извелся, говорит выезжать пора. Можно до работы застать кого по квартирам.

Я поднялась и пошла к Максиму, а Пашка с Петровичем переглянулись в недоумении, поражаясь переменам в наших взаимоотношениях, раньше бы Макс поныл и уехал, а если бы нет, то я бы точно не вышла его проводить, в очередной раз отмахнувшись.

— Мне тоже пора, — сказала я ему и крикнула в кабинет: — Петрович! Пашку загрузи.

Максим помог мне одеть пальто и открыл дверь, я с благодарностью принимала знаки внимания и, уже выходя, краем глаза увидела два обеспокоенных лица, выглядывающих из кабинета. Только закрыв за собой дверь не сдержались и глупо захихикали.

— У мужиков стресс, — заметил Максим. — Теперь сидят там и гадают, то ли мы разругались, то ли поженились.

— Пусть помучаются, — засмеялась я. — Нечего соваться везде.

Максим проводил меня до машины, а я взяла его за ворот пальто и заглянула в глаза:

— Спасибо тебе, — сказала тихо, но с чувством, а он обнял меня так, что мои многострадальные ребра затрещали, поцеловал в щеку и удалился, прихватив листы с адресами, которые я ему приготовила.

Два дня мы жгли бензин безо всякого толку. Максим ломился к гражданам с неизменным «Ваши соседи жаловались на шум», подсовывая под нос удостоверение и рассчитывая по реакции догадаться, есть ли у них повод для волнения. Предотвратил три

пьяные драки с применением холодного оружия, припугнул одного школьника по просьбе его матери за то, что тот нещадно прогуливает, а в одной уютной квартирке увидел раскидистый куст конопли, растущий в премиленьком горшочке в горошек. Многих не удалось застать дома, где-то опрос соседей помог однозначно исключить адрес, а что-то так и осталось под вопросом.

Петрович не усмотрел никакой слежки за Масловым, тот вел себя как обычно: пищу принимал исключительно в дорогих ресторанах, на работе подолгу не задерживался, ходил в спорт зал и сауну. Не знаю, как должен чувствовать себя человек, у которого похитили жену, но по моим довольно пространственным представлениям о браке — явно не так. По словам Пашки, в расчете по кредитной карте никаких интересных сведений так же не было, а звонки только в офис, Кате (до ее похищения) и Сергею, что, кстати, показалось мне довольно любопытным. Я попросила расширить время для поиска звонков еще на неделю, убедилась, что он созванивался с Алексеем довольно регулярно, но ровно до следующего дня после обстрела. Стараясь не заикливаться на второстепенной задаче, я отложила эту мысль до лучших времен, если они, конечно, собирались настать.

Я же все больше заглядывала в окна, прикидывая, есть ли реальная возможность держать кого-то в том или ином доме. Некоторые были вполне приличные, со снеговиками во дворе и детскими качелями, но были и совсем убогие, старые и норовящие развалиться со дня на день, в которых жили, преимущественно, пожилые люди. Я стучала к соседям, то из ЖКХ, то из администрации по поводу описи населения. Иногда рассказывала байку, как пару дней назад ездила с друзьями на какую-то дачку, да забыла там сумку. В сумке паспорт, а что за дачка, не помню, так как на тот момент была уже изрядно навеселе. Так что вопрос выглядел примерно как «простите, а не у вас ли в гостях я была? Нет? А может у соседей ваших, ничего не слышали?». Кто-то смеялся, кто-то крутил пальцем у виска, но, на удивление, все пытались вспомнить, не было ли гостей у их соседей. И я продолжала путь от адреса к адресу, делая пометки «точно нет», «вероятно» и «не понятно», прислушиваясь к интуиции и отмечая места, где она шелохнулась, крупной буквой «И», что, впрочем, можно расценивать, как «идиотка», если судить по успехам.

Возвращалась домой за полночь, долго пялилась в потолок и в конце концов решила перевезти к себе Палыча, наплевав, что он слишком огромный для моей квартиры. Зато ласковый и теплый, а я его хозяйка и он просто обязан меня защищать, пусть даже от самой себя. Правда, мысль о том, что с ним придется гулять несколько охладила мой пыл, я погрустнела еще больше и страшно потянуло в отчий дом, за поддержкой, сочувствием и Леночкиными пирогами. И я заснула, решив, что расскажу отцу все, что знаю сама, потому что Катина безопасность была куда важнее моих страхов лишиться детских иллюзий о безгрешности самого близкого человека.

Метод научного тыка

Утром я еще сильнее убедилась в правильности своих намерений и первым делом поехала к отцу. Еще на подъезде я услышала залиvistый лай Палыча, и, едва успев выйти из машины, приняла его в объятия, как отец меня, после долгой разлуки. Охнула под его весом и наклонилась назад, пытаюсь удержаться на ногах.

— Ну ты и слон, — весело возмутилась я, разводя руки и избавляясь от непосильной ноши. — Леночка тебя пирогами, что ли, кормит?

— Васечка, он так в глазки заглядывает, не могу я устоять, как ребенок, ей-богу, разве откажешь? — запричитала Солнце, встречающая меня на пороге с накинутой второпях куртке и тапочках на босу ногу.

— Солнце, марш в дом! — рявкнула я с улыбкой.

— Ну вы с отцом и горазды командовать! — возмутилась Солнце, но попятилась.

С первым же шагом в нос ударил такой дурманящий аромат выпечки, что я едва не лишилась сознания. Прикрыла глаза и вдохнула полной грудью. Солнце довольно заулыбалась, милостиво разрешила себя поцеловать и тут же пошла заваривать чай. А я остановилась в прихожей от внезапного разочарования, потому что поняла: отца в доме нет.

Прошла на кухню, села за стол и страдальчески посмотрела на Леночку.

— Уехал, Вась, — развела она руками, — даже не знаю на долго ли. Сам не сказал, я начала допытываться, он только отмахнулся, что, мол, «по обстоятельствам», — передразнила она отца и махнула рукой. — Сижу тут с Палычем уж дня четыре, не помню точно. Каждый день пироги пеку, скучно, да и вдруг, думаю, объявится. А тут ты, такое счастье! — я ответила виноватым взглядом, а она всплеснула руками: — Да что с вами сделаете! — и добавила ворчливо: — Чаю-то хоть попьешь?

— Спрашиваешь! — возмутилась я и принялась уминать пироги, погрузившись в раздумья.

Не было ничего удивительного в неожиданном отъезде отца, такое и раньше довольно часто бывало, однако дата поездки заставляет насторожиться. Произошло это примерно в то время, когда пропала Катя и когда испарился Сергей, отключив телефон и не дождавшись, когда Катя сядет в самолет. Что-то заставило их спешно уехать. То, что отчалили они вместе или по одному вопросу, сомнений не вызывало.

— Он на машине уехал? — спросила, чтобы не тащиться в гараж.

— Нет, за ним приехали, поздно уже. Я еще удивилась, обычно на своей... — и посмотрела на меня с беспокойством.

— Уверена, все в порядке, — твердо сказала я и даже кивнула для пушщего эффекта. — А кто приехал, не видела?

— Вась, ты почему спрашиваешь? — тихо спросила она.

— Только не надо придумывать трагедию на пустом месте, — закатила я глаза. — Любопытная я, а мне он, как и тебе, ничего не рассказывает.

«Вот уж воистину» — хмыкнул внутренний голос.

— Не видела я, если честно, — вздохнула Леночка. — Из машины никто не выходил. Миша сел назад, и они сразу уехали.

— А что вообще сказал?

— Что б я не волновалась, — хмыкнула она и покачала головой. — Как будто это

возможно. И что не будет его около недели, а может и две, сам не знает, как получится освободиться.

— Поехал кого-то искать? — закинула я удочку.

— Да не похоже, если честно. Про потеряшек он обычно хоть в двух словах, да говорит.

А тут вообще ничего.

— Неужели у меня такой же отвратительный характер? — тяжело вздохнула я, подобрев от пирогов.

— Вообще-то еще хуже, раз уж ты спросила.

— Как грубо, — сморщила я нос и тут же широко улыбнулась. — Поэтому у нас есть ты, для равновесия в доме.

Леночка весело фыркнула и зарделась от удовольствия. Любой комплимент она принимала с краской на лице. Это было так мило и потешно, от нее шло такое тепло, что я старалась почаще говорить ей что-нибудь приятное, получая в ответ гораздо больше. Вот и сейчас, наевшись до отвала и зарядившись от неё, как от солнечной батарейки, я решительно поднялась, готовая на подвиги.

— А ну стоять! — рявкнула она и я замерла от неожиданности.

— А ты совершенствуешься, — заметила с уважением, а она опять смутилась.

— Да я пирогов соберу, с собой возьмешь. Сама не съешь, так в офисе скормишь, а то мы с Палычем и вправду скоро треснем.

Я оделась и приняла огромную плетеную корзинку пирожков с разной начинкой, возмущившись, что на стол она их не поставила, а теперь во мне закончилось место.

— Ничего, — засмеялась она, — носишься как савраска, авось проголодаешься.

— Дай-ка еще корзиночку, — подумав, попросила я.

Глаза Солнце загорелись и через две минуты я выходила, нагруженная как челнок. Мою просьбу она восприняла по-своему и отдала все, что смогла найти, да с таким довольным видом, что я не смогла отказаться.

По дороге решила заехать к Потаповым, отвезти им гостинцев, узнать, как там Лёлик и сообщить, что машину возвращать в ближайшие дни не намерена. Люда все приняла с благодарностью, несказанно обрадовавшись и выпечке и новости про машину, причем я даже не поняла, чему сильнее. Оле явно было лучше, уже через минуту после моего прихода она всю носилась с пирогом в руке. Гриша кинулся ставить чайник, а я, расцеловав по очереди все семейство, понеслась в офис, на ходу скинув смс «Везу в офис пироги».

К тому моменту, как я появилась, мужчины уже в четвертый раз ставили чайник, о чем мне с порога заявил Петрович и добавил с укором:

— Вся вода в мировом океане успеет выкипеть, пока тебя дождешься.

— Да я мчала на всех парах! — возмутилась я, отдавая подоспевшему Максиму самую большую корзинку.

Тот сразу же засунул в нее нос, вздохнув так сильно, что показалось, будто пирожки приподнялись в воздухе.

— Мне б такую тещу, — заявил он мечтательно, но тут же осекся и покосился на меня.

Я отвела взгляд и мысленно чертыхнулась: вот только этой неловкости и не хватало.

— Мне б такую жену! — поддержал тему Петрович. — Я б никогда не развелся.

Все дружно засмеялись, Петрович с Пашкой от удачной шутки, а мы с Максимом от облегчения, что вышли из неловкого момента без особенных потерь.

Я схватила пирог, начисто забыв, что час назад едва влезла в Людкину низкую тачку, и

не заметила, как потянулась за вторым. Вовремя опомнилась, отдернула руку, налила себе чай и заявила:

— Меня нет, — и удалилась в комнату отдыха, где всегда отлично думалось, прихватив список адресов, по которым ездила два дня.

— Я что-то пропустила... — пробормотала я, закрыла глаза и начала вспоминать каждый из домов, его обитателей, окружение, вопросы, которые удалось задать и ответы, которые получила.

Картинки мелькали перед глазами вразнобой, я открыла глаза и, сверяясь с листами, сосредоточилась только на адресах, помеченных буквой «И», которых, к моему удивлению, оказалось всего три.

Первый из домов располагался в дачном поселке в тридцати километрах от города. Сам поселок выглядел очень мило. Простые, но ухоженные дома, выкрашенные белой краской низкие заборчики, за которыми мелькали разноцветные клумбы, возвышаясь из-под сугробов. Я поехала к нему в первый день полевых поисков одним из последних, уже стемнело и почти в каждом доме горел свет. Медленно проезжая по узкой дороге, по которой недавно прошлись грейдером, я заглядывала в окна и тосковала, завидуя уютной жизни незнакомых людей.

Что же меня насторожило? Так, во-первых, нужный мне дом был самым последним по улице и немного на отшибе, то есть соседей забор к забору, как у остальных, у него не было. Во-вторых, он невыгодно отличался от других домов и стоял там как насмешка: с металлическим забором в полтора метра. Естественно, я бросила машину на соседней улочке и подошла к нему пешком, по дороге прихватив толстую палку. Прислонила ее к забору и стала заглядывать в каждое из окон по очереди. Все, кроме одного, были темные и в нем я увидела крупного мужчину в майке-алкоголичке и со свирепого вида лицом. По рукам и плечам у него шли наколки, которые я охарактеризовала как тюремные. Был ли кто в доме, помимо него, установить не удалось, но на окнах не было решеток, а высота фундамента не указывала на то, что под домом был подвал. Однако, вид мужика вызывал тревогу. Стоит проверить.

— Паша! — крикнула я, выглядывая из-за двери и продолжила тише, как только он возник в поле зрения: — Проверь владельца дома по улице Карпушева, поселка Приозерный. И найди мне его фото.

Пашка кивнул и занялся делом, а я снова скрылась в комнате.

Дом под номером два был роскошным особняком, располагался в противоположной первому стороне, всего в двух километрах от объездной, и мог похвастать такой территорией, что я порадовалась, что взяла бинокль. Однако, воспользоваться им не удалось. Я была возле него рано утром и чуть нос к носу не столкнулась с хозяином, маленьким щуплым мужичком, обвешенным золотыми цепями таких внушительных размеров, что его шея должна была сломаться. Но он шел так высоко вскинув голову, что, казалось, нарушает все законы природы. Мазнул по моей машине надменным взглядом, а я порадовалась, что окна тонированные. Сел в новенький «БМВ» и отчалил. Мне пришлось сделать то же самое потому что я откровенно засветила Людкину машину. Наверное, от обиды я и поставила там букву «И». Или из-за того, что мужик мне просто не понравился.

— Паша! — снова заорала я. — И еще по улице Вишневой, в Михайловке, там их два было, нужен тридцать пятый.

Закрыла дверь, села на диван и успела сделать несколько глотков чая, как в дверь

аккуратно поскреблись и появились Пашкины кудряшки:

— Василиса, — заискивающим голосом сказал он, — выйди к нам на пару минут.

Я нахмурилась и поднялась. Таким голосом ничего важного он мне сообщить точно не собирается. Вышла в приемную и увидела на лицах друзей столько недоумения попеременно с уважением, гордостью и еще Бог знает чем. Замерла растерянно, не понимая, что происходит.

Пашка потянул мне две фотографии, на которых я без труда узнала владельца первого дома и мужчину, с которым столкнулась во втором.

— Это их ты видела? — спросил Пашка, а я кивнула и нахмурилась еще больше. — Вот этот, — и указал на первого, — вчера был задержан за попытку ограбить магазин. Он пырнул охранника ножом и почти успел скрыться, задержали его по чистой случайности сотрудники полиции, подъехавшие купить что-нибудь перекусить. А вот этого, — потряс он в руках вторую фотографию, — он сдал со всеми потрохами, чтобы скостить себе срок. Оба уже в кутузке и в обоих домах был произведен тщательный обыск. У первого только паутина по углам, а у второго и наркотики и оружие, всего вроде не по многу, но вместе тянет лет на десять минимум.

— Василиса, ну ты даешь, — искренне восхитился Максим, — сколько у тебя адресов было? Тридцать? Тридцать пять?

— Тридцать четыре, — гордо заявил Паша, а Петрович весело крикнул:

— Интуиция как у волчицы.

— Зря зубы скалите, — огрызнулась я. — У меня остался только один адрес, помеченный буквой «И».

— Знаешь, после такого, я уверен, что это он и есть, — заявил Максим. — Хоть сейчас поехали забирать девчонку.

— Там живет бабуля-одуванчик, которая все норовила напоить меня чаем, встретив у колонки в трех домах от своего и потащившая следом за собой. Я как увидела, куда мы идем, резко погрузилась, но зашла.

— И что там?

— А ничего, — и развела руками. — Обычный старенький деревенский дом, правда, очень уютный. Повсюду там у нее кружевные салфеточки, да посуда в цветочек. И сама бабка очень милая, у нее только один был недостаток — подслеповатая она. Линзы в очках толщиной в палец, — Максим уставился на свой палец, а я закатила глаза, но все-таки уточнила: — с мой мизинец. Но даже с таким зрением не увидеть у себя в погребке молодую женщину невозможно. А слух у нее исключительный, в этом я убедилась, еще даже не познакомившись с ней. Она обернулась на меня услышав шагов за десять.

— Может она притворяется? — с надеждой спросил Максим.

— Точно нет.

— А чего ж тогда «И»?

— А не знаю, — разозлилась я, а Петрович сплюнул:

— Да что ж за дело такое, фактов полно, а выезжаем на одной твоей интуиции.

— Поеду посмотрю, — заявила я, быстро собралась и выскочила из офиса под недоуменными взглядами.

Максим догнал меня уже возле машины.

— Давай с тобой поеду?

— Зачем?

— Ну, вдруг на кого нарвешься, — неуверенно начал он.

— Максим, — разозлилась я не на шутку, — если я перед тобой сопли распустила, это не значит, что я враз поглупела и стала совершенно беспомощной. Меня не нужно опекать, щадить мои чувства и смущаться от неловко сказанных фраз. Я не разобьюсь, не растаю и не превращусь в облачко!

Под конец своей импровизированной речи я уже почти кричала, а Максим стоял с совершенно невозмутимым лицом, чем раздражал еще сильнее. Когда я замолчала, он неожиданно схватил меня обеими руками, резко притянул к себе и запечатлел совсем не братский поцелуй. Я обалдела, уперлась руками в его грудь и попыталась отстраниться, но не тут-то было: он держал меня железной хваткой и совершенно не собирался отпустить. Это было так на него не похоже, что я смирилась и затихла, а он тут же разжал руки и отступил на шаг назад, продолжая смотреть все так же серьезно.

— Ты чего вытворяешь? — с нотками обиды спросила я, сама толком не зная, на что обиделась: что поцеловал или что отпустил.

— Единственный известный мне способ привести тебя в чувство, — пожал он плечами, а я только головой покачала. — Хотя, не буду скрывать, я слегка завелся.

— Слегка? — игриво подняла я бровь.

— Ладно, завелся как следует, — не стал он спорить. — Надеюсь, ты тоже, иначе это будет удар по моему самолюбию, от которого не оправляются.

Я подмигнула ему и полезла в машину, от греха подальше. В буквальном смысле, потому что еще пара фраз и в машину мы полезли бы вместе. Любовь любовью, но объект этой самой любви непонятно где, а когда рядом, смотрит как на врага народа. А тут проверенный временем, большой, теплый и в глазки заглядывает. Прямо как Палыч, только связь с ним не перечит законам природы и не возбраняется общественностью.

К деревне я подъезжала часам к трем дня, но было так пасмурно, что, казалось, уже спустились сумерки. По пути заехала в супермаркет и купила два пакета разной снеди, решив задобрить старушку перед непростым разговором, в ходе которого я попытаюсь выяснить непонятно что. Думать, что Катя у нее в подполе было все так же глупо, как и вчера, но вместе с этим, к дому тянуло, как магнитом.

Особо не мудрствуя, я остановилась прямо напротив и неспеша пошла к крыльцу. В голове крутились причины моего вторичного появления одна глупее другой. Так ни одну и не выбрав, я решительно постучала в дверь, но никто не открыл и за дверью стояла гробовая тишина. Сердце забило в нехорошем предчувствии, как вдруг я услышала скрип шагов на снегу, затем и увидела, как бабуля на всех порах спешит от дома соседей. Я вздохнула с облегчением и пошла навстречу.

— Здравствуй, девонька, — поприветствовала она меня, добродушно улыбаясь, — а ты никак ко мне?

— К вам, — с улыбкой ответила я, когда мы поравнялись с ней возле калитки.

— Проходи, милая, чайку выпьем, — обрадовалась она и потянула меня за локоть, а мне сделалось так грустно и обидно за эту одинокую старушку, что на глазах выступили слезы.

— Вы идите, а я сейчас, только из машины заберу, — запричитала я в ответ и кинулась к машине, чтобы и впрямь не разреветься. Забрала пакеты из багажника и догнала ее у двери.

— Чего это ты там приволокла? — тут же любопытствовала старушка.

— Да вот, решила вам гостинцев привезти, — неловко ответила я, поставила пакеты на пол и полезла за стол без приглашения, рассчитывая на доверительную беседу.

— Деточка, спасибо тебе моя хорошая! — ахнула она и принялась разгружать продукты. — Какая умница, все, что нужно! У меня и масло, и мука закончились, а в магазин больно далеко, хотя, что уж тут выдумывать, до пенсии тоже еще далеко, — и хихикнула, хотя смешного конечно ничего не было. — И сладкого купила! Шоколад то какой чудной, никогда такой не брала... Я сейчас в холодильник уберу что портится и такой чай заварю, какой ты никогда не пробовала! — и добавила с гордостью: — Я сама летом травы собирала, да сушила под марлей.

Она все что-то сбивчиво говорила, и говорила, я кивала и улыбалась, когда она на меня оборачивалась, а в другое время что-то бессвязно мычала и когда она замолчала, израсходовал силы, и села за стол, я посмотрела на ее маленькое сухонькое лицо и поняла, что врать просто не смогу. Все эти истории, которые я придумывала из дома к дому, уловки и откровенный театр: не могу я отплатить ей этим на доброту.

— А ты чего к нам как на работу каждый день ездить стала? — хитро прищурилась она, будто прочитав мои мысли.

— Внука Вашего искала, — ответила честно, а она тут же нахмурилась и даже отстранилась.

— Кольку что ли? Почто он тебе?

— Если честно, я сама не очень понимаю, — со вздохом ответила я, опять совершенную правду.

— Ты, девонька, не дури, — сказала бабулька, и я подумала, что сейчас меня просто выставят за дверь, но ошиблась. — Говори, как есть. Парень он пустой, а ты, я вижу,

порядочная и сердце у тебя доброе. Говори, я все выдержу, — заявила она серьезно, — не смотри что махонькая, я уже такого натерпелась по его милости, на две жизни наперед хватит, и твоя история уж роли и не сыграет. Тебя как звать то?

— Василиса.

— Ах, краса русская, — снова улыбнулась она, — и волосы загляденье, я хоть и слепая, но такую косищу не увидеть невозможно! А меня Марья Павловна, можешь баб Машей звать, да на «ты», так привычнее.

— Баб Маш, — задумчиво начала я, — хочу сразу предупредить, что я не знаю, замешан ли твой внук или нет. Но точно знаю, что замешан один очень нехороший человек, с которым он то ли сидел, то ли водил дружбу.

— Да у него все дружки как один уголовники, — махнула она рукой. — Однажды понаехали на трех машинах, мать его еще жива была, и как давай тут куролесить, хоть святых выноси. У нее тогда сердце-то в первый раз и прихватило. Свел мать в могилу, стервец... Я тогда так разозлилась, с лопатой на них накинулась, а они только смеются, да обзываются, Кольку подначивают, бабка у тебя мол совсем с катушек съехала. А где тут не съедешь? — и снова махнула рукой.

Резво поднялась, разлила чай и поставила на стол угощения, которые я же и привезла. Подозреваю, других и не было.

А я ахнула и понеслась в машину, вспомнив, что на заднем сиденье еще осталась одна небольшая корзинка с Леночкиными пирогами, которую я, если честно, намеревалась отвезти домой и лопать в свое удовольствие, пока никто не видит.

Вернулась довольная и поставила корзинку на стол:

— Вот, чуть не забыла. Это мачеха моя сегодня пекла, за уши не оттащишь.

Баба Маша приложила руки к груди и заохала:

— Откуда ж ты такая, деточка? Да садись ты, садись уже, чай стынет, — и полезла за пирожком.

А я сделал глоток чая, прикрыв на мгновение глаза и похвалила хозяйку.

— В общем, баб Маш, я в подозрениях, что Николай может быть причастен, и приехала. Случайно познакомилась с тобой вчера, а сегодня все думала, думала, а сюда так и тянет.

— И правильно, что приехала, правильно. Всегда лучше спросить, чем гадать. Так что случилось-то, не томи.

— Подругу у меня похитили, — немного отклонилась я от истины. — Тип один, Кольпин фамилия, да ты не знаешь, наверное.

— Как же, не знаю, — ухмыльнулась баб Маша, уплетая пироги. — Он раньше тут жил, прямо на этой улице, пока дом не спалил по пьяни. Вот с таких лет его знаю, — показала она полметра от пола, — как родители его сюда переехали и этого гаденыша привезли, — я затихла, боясь спугнуть удачу, а она продолжила: — Ему тогда года три было, вроде обычный ребенок, тихий, а как глянет — оторопь берет, — и поежилась. — Я уж сейчас вспоминаю, думаю, может отца своего он и того... — и надолго замолчала, вспоминая.

— Чего того? — робко напомнила я о себе.

— Да было ему тогда лет десять, не больше, а с отцом его несчастье случилось, угодил под комбайн на сенокосе. Потом городские приезжали, разбирались и вроде слух ходил, что толкнул его кто, да так слухом и осталось, объявили несчастным случаем и дело с концом. Отец у него строгий был, у такого не забалуешь, подваливал ему, бывало, на всю деревню было слышно, как он голосит. А через год мать его вещички в охапку, да среди ночи с

Ванькой трактористом укатила, до сих пор никто ничего о ней не слышал. Этого звереныша в детский дом забрали, а он там такое вытворять начал, что они заголосили, а потом и вовсе сбежал. Поди вздохнули с облегчением и возвращать, конечно, не стали. Всех кошек деревенских перевел, — с обидой добавила баб Маша. — Мой Барсик такой умный был, ни одной мыши в доме не было, а потом только ловушками и спасались, заводить питомцев жутко было. И Кольку моего он на кривую дорожку затащил, — поджала она губы. — Такой хороший мальчик рос, веселый, отзывчивый, грубого слова никогда не скажет. А как связался с этим отродьем, так и покатила жизнь под откос.

— А что с его домом?

— Да выгорел дотла, одни головешки остались. Такой пожар был, всей деревней воду с колонки таскали, чтоб на соседние дома не перекинулся. Думали все по миру пойдем в ту ночь.

— И больше не строился?

— А на что ему было строиться, пацан шестнадцати лет? Участок и тот продал, там сейчас Красновы живут, они и купили. Дом построили, добротный такой, резной, муж у Светы плотник, золотые руки. Всей деревне помогает, мне вон летом забор чинил, а то бы обвалился уже. У нас тут в одиночку не сладко, уезжать стали потихоньку, кому есть куда податься. А мне некуда, да не к кому, — грустно улыбнулась она, — вот и коротаю время по соседям.

И тут меня прошиб холодный пот, руки задрожали, и я наконец-то поняла, что так привлекло мое подсознание еще в первый визит. Когда баб Маша потащила меня к себе, все мое внимание было приковано к ней, да к дому, в который мне совсем не хотелось идти, но краем глаза я уловила два заброшенных дома в конце улицы, с заколоченными окнами.

— Ну вот, рассказываю тебе все эти ужасы, прости дуру старую, — встрепенулась она, разглядев мою реакцию, — нормально у меня все, я б и сама не поехала куда в другое место, привыкла уже, а Кольпин как есть садюга, но все больше по живности, за убийства никогда не сажали, мы б узнали. Найдется твоя подруга, вот увидишь.

— Возможно даже раньше, чем ты думаешь, баб Маш, — улыбнулась я в ответ, — вспомни, пожалуйста, четыре дня назад, ночью, не было ли какого шума на улице в стороне домов заброшенных? Слух у тебя отменный.

— Это что у нас было, вторник? — прикинула она. — Значит, сериал мой был, он поздно идет, до одиннадцати точно не спала, потом с ногами маялась, снежно было, а они у меня на погоду всегда реагируют.

Она замолчала, устремив взгляд в стену и просидела так минут пять, не меньше, пытаюсь вспомнить все детали.

— Машина проезжала, — уверенно сказала она и довольно улыбнулась, — сначала в ту сторону, потом в обратную.

— А после этого машина бывала?

Она снова уставилась в одну точку и просидела без движения пару минут, казалось, она даже не моргает, или я моргала с ней в такт, боясь упустить любое движение.

— Сегодня не было точно и на следующий день, а вот вчера — не знаю. Погода успокоилась, ноги тоже, да и проспала я часов с десяти вечера и до самого утра, не просыпаясь.

— Баб Маш, мне нужно дом проверить, есть там кто или нет, можно я машину к вам в палисадник загоню, да оставлю ненадолго?

— Конечно, деточка, что ты спрашиваешь! Только с воротами сами разберись, не знаю я как там чего, может и примёрзло.

Я выскочила во двор и поняла, что чтобы проверить откроются ли ворота, придется раскидать снег, а было его прилично. Времени не было, мне не терпелось осмотреть дом, и, махнув рукой, я спешно вернулась в дом:

— Баб Маш, есть какая-нибудь куртка темная? — спросила я с порога, мелькать в своем бежевом пальто не хотелось.

— Да мое возьми, оно в сенях висит, одно оно там, не пропустишь.

Я вернулась в сени, взяла старенькое меховое пальто, побитое молью и с вытертыми локтями, в очередной раз расстроившись за старушку, и пошла по дороге в сторону брошенных домов, особенно не скрываясь. Темень стояла страшная, фонари не горели, а того света, что исходил из окон домов, едва хватало на то, чтоб различать дорогу.

Два дома стояли последними в ряду, за вторым дорога заканчивалась, а соседей напротив не было. Я только головой покачала: место идеальное, а я его чуть не пропустила, хороша ищайка. Так как окна были заколочены, я остановилась на дороге прямо напротив ближайшего дома, достала бинокль, прихваченный из машины, и принялась разглядывать доски на окнах. Через пятнадцать минут, ничего не усмотрев, переместилась к следующему дому, который считала наиболее перспективным. На дорогу выходили два окна, доски были прибиты плотно друг другу, я отложила бинокль и напрягла глаза, медленно осматривая все стыки, и снова ничего не увидела.

Сдаваться я была не намерена, прошла до конца дороги, откуда дом был виден чуть сбоку и снова замерла, а увидев тонкую полоску света, чуть не взвизгнула от радости.

«Она там!» — заорал внутренний голос, я кивнула, соглашаясь сама с собой и начала внимательно осматривать дом со всех доступных ракурсов, стараясь не сходить с дороги, чтобы в сугробах не осталось следов. Дорога была хорошо примята, здесь, в конце улицы, был небольшой пяточок, на котором можно было развернуть транспорт, а не пятиться задним ходом до самого начала деревни.

Дом был в два этажа с чердаком и крышей под прямым углом, старый, но еще довольно крепкий. В одном окне на втором этаже я увидела еще полоску света, и я решила допустить вероятность, что Катя была именно там. Оставалось придумать, как туда зайти и выйти вместе с девушкой, оставшись незамеченными. Привлекать никого нельзя, если те в доме насторожатся, могут просто убить ее с перепугу или начнется пальба и она погибнет случайно. Не для того я ее искала.

«Зря я столько пирожков съела» — подумала с тоской, потому что единственным способом попасть в дом, помимо двери, было крошечное окно на чердаке. Крупной я не была и очень рассчитывала, что фотографии в Катиных соцсетях были приближены к реальности. В голове зарождалось кое-какое подобие плана, нужно было срочно возвращаться домой, подготовиться и немедленно выезжать. Пробраться в дом требовалось до того, как охранники лягут спать, в абсолютной тишине мне не остаться незамеченной: где половица скрипнет, где дверные петли. И все это при условии, что люк, ведущий из чердака, не заколочен. Думать об этом совершенно не хотелось, но заноза засела.

Почти бегом я вернулась к дому старушки, наспех попрощалась, переделалась в свое пальто и поблагодарив ее, оставила номер мобильного, с просьбой позвонить, если к последнему дому проедет машина или она услышит любое другое движение, уверенная, что она будет сидеть у окна и караулить, как заправский сыщик.

Я неслась так быстро, как только это было возможно, справедливо подозревая, что эта машина такой езды еще не знала и, вполне вероятно, Людкины ожидания наконец-то оправдаются. Но, вопреки логике (как и многое в этом деле), до дома отца я добралась без происшествий всего за час. Застать его я не рассчитывала, залетела в дом точно фурия, на ходу бросив ошалевшей Леночке «тороплюсь» и стрелой поднялась в свою комнату, скинув кроссовки не сбавляя хода. Палыч возмущенно залаял, что его оставили без внимания, но услышан не был.

Я нашла карту области, разложила ее на кровати и принялась изучать местность возле деревни. До объездной, если идти лесом от дома, где предположительно держат Катю, всего два километра. Два километра в темноте, по снегу, в лесу, с девушкой, которая будет дрожать от страха, спотыкаться каждые три метра и падать. Я поморщилась и отказалась от этой затеи. К тому же, не известно, сколько времени пройдет с того момента, как похитители обнаружат, что их пленницу увели из-под носа: может, час, а может, пять минут.

В идеале, они даже знать не должны, что кто-то еще был в доме. Если они решат, что Катя сбежала сама, искать ее будут совсем иначе и такая путаница мне на руку. План родился мгновенно, но был сопряжен со столькими переменными, которые от меня не зависели, что мне понадобится вся помощь, на которую был только способен мой ангел-хранитель. То, что он у меня есть, сомнений не вызывало, раз я до сих пор топчу эту землю при моем образе жизни.

— Рискованно, — пробормотала я и решительно начала собирать джентельменский набор: отмычки, фонарик, складной нож, карта. Пистолет бы тоже лишним не был, но он на квартире и времени за ним ехать не было. Переделалась в темный спортивный костюм, под одев под него термобелье, прихватила из шкафа кроссовки и сунула в рюкзак такой же набор одежды. Катю умыкнули из дома, то, что она без обуви было совершенно очевидно, не удивлюсь, если она вообще в одном халатике. — С Богом! — сказала громко, подхватила рюкзак и спустилась вниз, где меня с нетерпением ожидала Солнце.

— Ты куда в таком виде? — ее брови стремительно набирали высоту.

— На дело, — хихикнула я в ответ, обулась, и, подмигнув, пошла на веранду. Быстрым шагом дошла до причала, отвязала лодку, забралась в нее и, не опасаясь, что буду услышана, завела мотор.

Мне нужна была помощь человека, который может находиться в деревне, не выглядя при этом пришельцем. И такого человека я знала всего одного: Степан Васильевич Кораблев, которого я с момента, как научилась говорить никак иначе, кроме как дедом не называла. Среднего роста, с веселыми умными глазами и совершенно седой головой лет с сорока, он неизменно вызывал улыбку на лице. Всегда был добродушен, гостеприимен и мог часами напролет рассказывать уморительные истории своей бурной молодости, не стесняясь в выражениях. Но все это можно было отнести только к людям, которых он считал порядочными, а таковых он определял на глаз, молниеносно и безошибочно: долгие годы службы в разведке даром не прошли. Для всех остальных дед был жестким и бескомпромиссным чудачком, живущим отшельником в убогой лачуге без света, водопровода и прочих благ цивилизации.

— Дед! — громко крикнула я, входя в дом без стука. Он вынырнул из-за печки, радостно улыбаясь:

— Душа моя! — а он называл меня только так. — Чего вырядилась, как на помин?

— Может и на помин, как карта ляжет, — хмыкнула я, обняла старика и села за стол. —

Помощь нужна.

— Собираюсь, а ты пока рассказывай.

— Машину вернули?

— Мордастый твой? — хихикнул дед. — Вернул, как же не вернуть. Ты ж поди предупредила, что он, враг себе?

— На ходу?

— На ходу, чистая, да с полным баком, — довольно хмыкнул он. — Так что мне тебе еще спасибо надо сказать, почаще таких присылай.

Я фыркнула и покачала головой:

— Не могу с тобой согласиться.

— Неприятности? — нахмурился он.

— Скорее головная боль и некрепкий сон.

— Ну это ерунда, — отмахнулся он. — Ну, излагай, что за помощь?

Я разложила на столе карту:

— Вот сюда меня надо доставить, — и поставила точку на карте, на объездной за лесом, — а вот тут ждать, — и ткнула в дом баб Маши.

— Легко! — и хлопнул в ладоши. — По коням!

Мы загрузились в «Ниву», дед лихо тронулся с места, а я, подумав немного, пристегнулась: после последней поездки с ним я обнаружила у себя несколько совершенно не красящих молодую особу седых волос.

Я мысленно перебирала в голове детали операции, продумывая действия в зависимости от ситуаций и совершенно не следила за дорогой. Очнулась только когда машина остановилась, взглянула на часы и поняла, что на дорогу ушло ровно столько же времени, что и у меня. Порадовалась, что погрузилась в раздумья и не поседела еще сильнее: все-таки «Нива» не Людкина красавица «Ауди». Скорость в сто шестьдесят километров воспринимается так, будто машина идет на взлет, с неминуемым приземлением, от которого ждать ничего хорошего не приходится.

— В доме, в котором тебе предстоит меня ждать, живет некая Мария Павловна, расскажешь ей все как есть, — дед с удивлением посмотрел на меня. — Увидишь — сам поймешь, — улыбнулась и полезла из машины.

— Душа моя, самое главное не сказала, — окликнул он меня, а я задумалась, пытаюсь вспомнить, что такого могла упустить. — До которого часу мне считать, что все под контролем?

— До утра.

И отправилась в лес, старательно загребая ногами, чтобы не было понятно в какую сторону ведут следы. Еще в машине я одела на кроссовки плотные тканевые бахилы, потому как предполагается, что Катя босиком и отпечаток подошвы с красивым узором увидел бы даже совершенный идиот, которыми, впрочем, я надеюсь они и являлись: опытного охотника эти детские уловки не проведут.

Я добиралась до дома около часа: идти было трудно. Незнакомая местность, приходилось немного петлять, обходить буреломы и падать в снег, изображая жертву, бегущую от погони. В целом, осталась довольна оставленными следами и вышла прямо к дереву, которое заприметила еще в первый осмотр.

Могучий старый дуб стоял вплотную к забору со стороны соседнего заброшенного дома, положив одну ветвь прямо на нужную крышу. Не могу сказать, что эта ветка выглядела

особенно надежно, но внушала определенные надежды, тем более что других вариантов попросту не было. Я с легкостью залезла на высоту метра над забором и замерла, приглядываясь и прислушиваясь. В щели между досками на первом этаже виднелся свет, а вот на втором его не было, что только подтверждало мою гипотезу о комнате, в которой держат Катю — с другой стороны дома.

Посидев минут пятнадцать и растирая руки, я продолжила движение вверх, достигла нужной ветви и с опаской на неё надавила. Она слегла шелохнулась, сбрасывая комья снега. Я выдохнула, уцепилась за нее руками и ногами, свесившись вниз, и поползла, как панда, попеременно передвигая то руки, то ноги, сцепленные замком. Ветка изрядно прогнулась, но выдержала испытание с достоинством, и я без приключений достигла крыши. Опустила в пропасть одну ногу, вторую закинула наверх, подтянулась и занесла все тело, сев верхом. Еще немного подползла поближе, упершись коленями в крышу, ухватилась руками за прогон, встала на ветку и аккуратно пересела на крышу, свесив ноги по обе стороны.

Стараясь производить как можно меньше шума, я легла на живот и, упираясь ногами в шифер, осторожно поползла к краю крыши, с той стороны, где было окошко. Многие говорили мне, что я очень гибкая, сейчас проверим, на сколько они были правы. Свесилась вниз по пояс, придерживаясь одной рукой за крышу, коленями уперлась в выступающие части шифера, и посветила в окно фонариком, пытаюсь рассмотреть, что там. Картинка вверх тормашками никак не желала складываться, и я пожалела, что не тренировалась смотреть на мир в таком ракурсе. Однако, ничего кроме хлама увидеть не удалось, движения не наблюдалось. Я сменила фонарик на нож и начала доставать крошеные гвозди из рамы, придерживающее стекло. Окошко было поделено на четыре равные части и достаточно было достать одно стекло, чтобы просунуть руку и открыть окно полностью. Пришлось воспользоваться второй рукой, сделав свое положение еще более шатким, сцепив крышу бедрами так сильно, будто пыталась удержаться на разъяренном быке.

Наконец со стеклом было покончено, я открыла окно и приняла привычное положение. Кровь хлынула обратно, возвращаясь к похолодевшим ногам, а в висках застучало чуть тише. Сунула стекло в рюкзак, гвозди в карман, снова свесилась и осторожно спустила рюкзак, придерживая его за ляжку и стараясь положить его чуть в стороне. Разогнулась, развернулась в противоположную сторону и ногами полезла в окно, сползая на животе. Ухватившись руками за самый край крыши, я смогла сесть на окно и медленно сползла вниз. Сердце билось с бешеной скоростью, но я заставила себя относительно спокойно вернуть стекло на место и закрыть окно.

Без сил опустилась на пол и прикрыла глаза, успокаиваясь. Первый этап прошел хорошо, но пока я не только не помогла Кате, но и подвергла опасности еще и себя: даже похищать не нужно, вот она сижу, окошко заколоти и дело с концом.

Я включила фонарик и осмотрелась. Дом небольшой и чердак, во всю его ширину, был завален многообразием ранее нужных вещей, которые прежние хозяева предпочли сохранить. Может, из-за ностальгии, а может предполагали вдохнуть в них новую жизнь. Старая мебель, по большей части сломанная, спущенная резиновая лодка, коробки, пустые банки, под потолком висят засохшие травы и, как не печально мне было осознавать, повсюду мышинный помет. Я осторожно прошла, половицы чуть слышно поскрипывали, с трудом обнаружила люк и присела рядом с ним, пытаюсь найти следы гвоздей. Если они не слишком длинные, то ничегошеньки я не увижу и придется лезть обратно в одиночку и разрабатывать другой план. Следов не было, я замираньем сердца я потянула за ручку, люк поддался, а

петли жутко скрипнули. Я тут же опустила его обратно, схватила с пола черенок от лопаты, засунула под ручку и замерла в ожидании разоблачения. Прошло минут пятнадцать, никто не прибежал с криками «держите ее», я приободрилась и начала осматриваться, выхватывая светом фонарика отдельные куски и еще минут через пять нашла заветную баночку с какой-то маслянистой жидкостью. Выбирать не приходилось, я залезла в нее пальцами и обильно смазала петли. Подождала немного, вытащила черенок и наконец-то приоткрыла люк, тут же услышав приглушенные звуки, доносящиеся с первого этажа, а потом смех на несколько голосов, не меньше трех человек. Что ж, ожидать, что внизу сидит один охранник, слепой, глухой и с протезом вместо ноги было бы глупо.

Полностью открыв люк и свесившись, как с крыши, я начала спускаться вниз, потому что увиденным осталась довольна: лестница вела в небольшой пустынный коридор, с двумя дверьми и еще одной лестницей на первый этаж. Прикрыла за собой люк и пошла коридором в одних носках (обувь оставила на чердаке), держась вплотную к стене. Выглянула на лестницу вниз и никого не увидела, зато голоса теперь различала вполне отчетливо и, судя по ним, трое мужчин были изрядно выпившими: запертые в доме с девчонкой, которую нельзя было трогать, они нашли единственное развлечение. Для меня это было и хорошо и плохо. С одной стороны, их внимание притуплено и шансы остаться незамеченной усиливаются, но с другой, если меня все-таки обнаружат, затуманенный алкоголем мозг примет самое простое решение: избавиться от незваного гостя, предварительно поизмывавшись властью.

Такая перспектива совсем не радовала, я перестала стоять столбом, достала из кармана отмычки и присела перед дверью, за которой ожидала обнаружить Катю. Света из-под двери не наблюдалось, но мне было уже все равно, хотелось как можно скорее убраться из коридора в любое другое помещение.

Замок щелкнул, я повернула ручку и решительно вошла, быстро и бесшумно. Снова затаилась, пытаясь оглядеться, но темень из-за заколоченных окон была непроглядная, пришлось включить фонарик. Первое, что я увидела, была неширокая кровать, на которой кто-то лежал. Я на цыпочках подошла, и с облегчением обнаружила сладко спящую Катю. Вернувшись к двери, я закрыла ее на замок при помощи все тех же отмычек, вернулась к кровати, выключила фонарик и медленно положила руку ей на лицо, закрывая рот. Жест как в фильмах про маньяков, но другого способа заставить ее не заорать с перепугу я просто не знала. Она вздрогнула и замычала, а я громким шёпотом, чтобы она меня услышала, быстро сказала:

— Это Василиса! — но не успела на пол секунды, Катя неловко махнула рукой и ночник с грохотом упал на пол.

Послышался топот, я резко отдернула руку, повалилась на пол и полезла под кровать, больно ударившись головой. В замке завопились, открылась дверь и в комнату ввалились двое, если судить по количеству ног. В голову тут же полезли идиотские мысли о протезах и вероятностях, что людей не двое, а больше, но определенно до четырех, и я еле сдержалась, чтобы глупо не захихикать. Катя снова что-то замычала, приподнялась на кровати, панцирная сетка скрипнула и провисла, практически касаясь моего живота, а одеяло закрыло мне обзор и, что несказанно радовало — меня саму от глаз вошедших.

— Что случилось? — спросила она тоненьким испуганным голосом, а я прикидывала, она такая хорошая актриса или в самом деле не успела сообразить, что произошло, и изо всех сил пыталась не чихнуть, потому что под кроватью было ужасно пыльно.

Одна пара ног прошлась к тумбочке и в тусклом свете, проникающим из коридора, я увидела жутко мохнатую руку, похожую на обезьяню. Глаза мои расширились, сознание упорно продолжало придумывать недостающие детали, я зажала себе рот рукой, потому что картинка двух одноногих приматов, один из которых бережно поддерживал другого, пока тот наклонялся за ночником, вызывала приступ истерики. Рука исчезла из поля зрения, нос чесался нещадно, нечто сказало:

— Ничего. Спи, — и раздались шаги в обратном направлении, я слабо выдохнула с облегчением, и тут как на зло не выдержала и все-таки чихнула. — Будь здорова, — не оборачиваясь, бросил второй, а Катя пропищала:

— Спасибо, — и шмыгнула носом, а они наконец-то вышли и закрыли за собой дверь на ключ. Я закрыла глаза, справляясь с волнением, а Катя свесилась с кровати и прошептала: — Привет.

— Привет, — так же шепотом отозвалась я и стала выбираться.

Как ни странно, но даже к такой крошечной темноте глаза начали привыкать и, хоть с трудом, но я начала различать контуры предметов.

— Как будем выбираться? — спросила она, наклонившись к самому уху.

— С Божьей помощью, — ответила я и легко потянула ее за руку, приглашая для начала встать с кровати.

Она медленно начала подъем, а я мысленно ее похвалила, потому что не услышала ни единого скрипа. Соображала она быстро и это существенно упрощало мне задачу, вселяя небольшие надежды, что данное мероприятие может окончиться благополучно.

Крадучись, мы подошли к двери, ориентируясь на полоску слабого света и прислушались. Этого мне показалось недостаточно, я легла на пол и заглянула в довольно широкий зазор под дверь. Ничего не увидев, я приподнялась на колени, достала отмычки и открыла замок. Еще раз заглянула под дверь, потом осторожно приоткрыла её и опасно высунула голову. На лестнице и в коридоре было спокойно, внизу работал телевизор, и кто-то едва слышно переговаривался.

Мы вышли, я прикрыла за собой дверь, не плотно, чтобы они обнаружили пропажу сегодня ночью, но не слишком быстро и первой полезла на лестницу на чердак. Катя, которую я уже неплохо видела из-за света на первом этаже, удивленно подняла бровь, в том смысле, что «мы тут вроде меня спасаем», но я не отреагировала, потому что для меня было очевидны две вещи: если Катя полезет первой, она непременно грохнет люком, который открывался на сто восемьдесят градусов, и если меня сцапают в коридоре, помогать ей будет уже некому.

Поднявшись, я осталась рядом придерживать дверцу, в Катиных глазах мелькнуло понимание, и она стремительно преодолела расстояние вверх. Подсунула под ручку уже полюбившийся мне черенок, и наконец-то смогла вдохнуть полной грудью, хотя самая сложная часть была все еще впереди.

Катя зябко поежилась, а я наконец-то обратила внимания на ее внешний вид: коротенькие домашние шорты и маечка. «Что ж, хоть не халат» — хмыкнула про себя и достала из рюкзака одежду и обувь и протянула ей.

— Спасибо, — прошептала она и принялась торопливо одеваться, — надо же, все в пору, даже кроссовки.

— Повезло, — кивнула я. — Шнурки лучше завяжи. — И вспомнила, что надо открыть окно.

Она выполнила указание и снова зашептала:

— Что дальше будем делать?

— Ждать, — пожалала я плечами.

— За нами кто-то придет?

— Некому за нами приходиться, — ответила я и чертыхнулась, ведь в самом деле можно было затаиться на чердаке и позвонить в ту же полицию, они бы повязали тех, что внизу, а мы бы спокойно вышли через дверь. Но тогда затея с бегством сыграла бы в ящик и как бы не вышло еще хуже, ведь не зря они упорно разыгрывают, что все хорошо в благородном семействе. Я разозлилась от того, что приходилось играть по чужим правилам, чтобы уберечь Катю, что очень благодатно на меня повлияло — я совершенно перестала трусить.

— Но... — начала она.

— Выйдем так же, как я зашла, — и мотнула головой в сторону окошка. Катя слабо икнула и отчаянно замотала головой, отрицая происходящее. — Жить хочешь? — спросила я жуткую банальщину.

— Понятно, — обреченно вздохнула она и опустила плечи. — Когда?

— Когда тебя начнут искать, — широко улыбнулась я, а Катины глаза стали похожими на два блюдца.

— Ты спятила, — зашипела она.

— Возможно, — не стала я спорить, — но тебе придется мне довериться, — она внимательно посмотрела и кивнула. — Они приходят проверить на ночь? — снова кивок. — Отлично, тогда располагайся, подождем счастливое событие.

Ждать пришлось довольно долго, ноги устали, мы пристроились на каких-то ящиках, периодически вставая и приседая, чтобы согреться: открытое окно быстро остудило чердак. Наконец я услышала топот по лестнице, потом неуверенное, но громкое «что за...», воображая, как один из приматов увидел приоткрытую дверь. Вот он заходит, включает свет, подбегает к кровати...

— Где она, черт возьми?! — заорал он на весь дом, а я весело подмигнула Кате. Даже в темноте было видно, как стремительно она бледнеет.

Затем начался настоящий балаган. Мужики носились по дому, заглядывая в каждый угол, орали друг на друга и призывали все нечистые силы, придумывая страшные кары для Кати. Через минут десять бестолковых метаний, один вспомнил про чердак, я слышала как он затопал прямо под нами, как жалобно скрипнули ступени лестницы, не выдержав его веса, всем телом почувствовала, как он долбит в люк, пытаясь его открыть, но не сдвинулась ни на шаг.

Катя схватила мою руку и крепко сжала, второй рукой закрыв себе рот. Глаза расширились от испуга, но она не проронила ни звука, в отличие от отчаянно матерящегося мужика.

— Заперто! Вот сука! — заорал он и побежал в сторону лестницы вниз, а я осторожно высвободила руку и неслышно подошла к окну, держась сбоку от него.

Видела, как трое мужчин выскочили на улицу и дружно задрали головы:

— Вот сука! — снова крикнул он, увидев открытое окно, — Ушла через чердак! — и кинулись врассыпную, двое побежали за дом обследовать территорию, а один вышел за калитку и побежал с другой стороны забора к дереву. «Самый сообразительный» — отметила я про себя, сожалея, что он скрылся из поля видимости. — В лес! — крикнул он через пол минуты. — Быстро за ней!

Двое показались на тропинке, ведущей к калитке, выскочили на дорогу и нелепо

заметались на месте:

— Да быстрее же вы, идиоты! — снова крикнул умник и они побежали на звук голоса, так же скрывшись из вида.

Я с трудом выждала минуту и сказала Кате, все еще понижая голос:

— Пора, — она кивнула, а я поразилась ее перемене: в глазах огонь, движения полны решимости. — Вылезу первая, осмотрюсь, приму рюкзак и помогу выбраться, — сунула ей его в руки и быстро полезла в окно, стараясь все же быть осторожной.

Получилось гораздо быстрее, чем забираться с крыши, я села и завертела головой — никого, только со стороны леса доносились приглушенные голоса. Быстро развернулась, усевшись на край и разведя ноги и шикнула:

— Давай, — тут же появилась рука с рюкзаком, я быстро забрала его и надела, показались обе руки, я крепко ухватилась за одну, а другой Катя придерживалась сама.

Я затащила ее наверх, и мы поползли проверенным способом: я впереди, Катя позади меня, повторяя движения. Добравшись до ветки, я продвинулась дальше и мотнула головой:

— Давай первая, обхвати руками и ногами, вниз не смотри, потом сразу начинай спускаться. И не торопись.

Она поежилась, но полезла, и получалось у нее очень ловко. Я усердно таращила по сторонам, пытаясь при этом не упускать из поля зрения Катю и, казалось, слегка окосела. Быстро последовала за ней, а когда добралась до ствола, она уже почти спустилась.

— Ступай по шагам к дороге, — предупредила я ее, мы наконец слезли, гуськом вышли на дорогу, я схватила ее за руку и рявкнула в пол голоса: - Бегом!

И мы побежали так, что пятки влипали в известное место, держась края дороги. Достигли дома баб Маши секунд за десять, наверняка поставив какой-нибудь рекорд. Если не мировой, то областного масштаба уж точно. Я сбавила скорость, входя в поворот, Катя растерялась, не ожидая, что мы останемся в деревне, поскользнулась и грохнулась на дорогу. Я рывком подняла ее и увидела, как открывается калитка, а затем и баб Машу, которая нервно шептала:

— Быстрее, девоньки, сюда, — подозреваю, она караулила у самой калитки с того момента, как услышала крики из дома. «Бедная, вот разнервничалась теперь» — с досадой подумала я, но ошиблась: бабка резво закрыла калитку и, не отставая от нас, потрусил к дому, быстро, но аккуратно захлопнув за собой дверь. Я повернулась проверить как она и увидела с каким азартом блестят ее глаза. «А бабка не промах» — хмыкнула про себя, успев отметить «Ниву» в палисаднике и расчищенную от снега территорию. Мы наконец-то вошли в дом и рухнули с Катей прямо на пол возле входной двери, проведя за этим увлекательным занятием минут десять, пытаясь отдышаться и успокоить трясущиеся руки.

Дед сидел на диване с чашкой чая и видом барина, подозрительно довольный и расслабленный, бабка суежилась возле стола, подкладывая на тарелки снедь и заваривая нам чай, а я наконец-то привела себя в чувство и поднялась, подав руку Кате. Дед деловито посмотрел на наручные часы и отметил, не без удовольствия:

— Всего час ночи. Еще и выспаться успеем. Молодец, душа моя, хвалю.

Я прошла в комнату и плюхнулась на диван рядом с ним:

— Думала, помру.

— Если б думала, не полезла бы, — хмыкнул дед, хорошо меня зная. Я закрыла глаза и положила голову ему на плечо. — Пейте чай и ложитесь на печке, я натопил, там сейчас самый сон. А мы в комнате устроимся, — я приподняла голову и увидела, как баб Маша

смущенно теревит край фартука.

— Ну ты и ходок, дед, — сказала я ему на ухо, а он расплылся в улыбке и весело подмигнул бабке. Наверняка успел уже понять, что слух у нее отменный.

Баб Маша подала нам чай, устроила Катю на стуле и поставила на стол оставшиеся пирожки. Есть мне совершенно не хотелось после пережитого стресса, и я пила вкуснейший чай, чувствуя, как согреваются внутренности, а вот на Катином аппетите ночные приключения никак не отразились. Она засовывала в рот уже третий пирожок, поймала мой удивленный взгляд и, ничуть не смущаясь, пробубнила с набитым ртом:

— А что? Эти садисты четыре дня кормили меня заварными макаронами, — сглотнула и добавила с обидой: — На завтрак, обед и ужин.

Бабка всплеснула руками, захохла и принялась пододвигать тарелки к ней поближе, а я широко улыбнулась и полезла на печку, с удовольствием вытянулась и даже задремала.

Проснулась, когда Катя, наконец-то наевшись, забралась и легла рядом со мной.

— Спишь? — спросила она тихо, а я открыла глаза, давая понять, что нет. — Спасибо тебе, Василиса! — с чувством сказала она, а я улыбнулась:

— Пока не за что.

— По крайней мере, я от души наелась, — заявила она в ответ, и мы тихо засмеялись.

И как в случае с Людой и Гришей, я сразу же поняла, что мы подружимся.

В доме было темно и стояла давящая тишина, нарушаемая только мерным тиканьем настенных часов и спокойным дыханием Кати совсем рядом. Я взглянула на часы, произведя нехитрые подсчеты и тихо позвала:

— Дед.

— Знаю, — отозвался он из комнаты. — Не волнуйся.

Еще минут десять ничего не происходило, а потом на улице послышался шум и голоса. Мужики, прочесав лес до самой дороги и, подозреваю, второй заброшенный дом, получили указание поднять на уши всю деревню, но беглянку найти. В дверь заколотили, дед, громко кряхтя, поднялся, и, как был в семейных трусах да майке, пошел в сени, правда, прихватив свое охотничье ружье, с которым не расставался, даже отправляясь на рыбалку. За ним потрусила баб Маша в ночной сорочке и накинутой на плечи шалью.

— Кого там принесло! — рявкнул он, пропустил даму вперед и оставил дверь в сени приоткрытой, чтобы я могла видеть происходящее и среагировать, в случае необходимости.

Катя завозила рядом, я сделала ей знак молчать и прикрыла ее белокурую головушку, точно светящуюся в темноте, одеялом. Дед кивком приказал Марье открыть входную дверь и вскинул ружье, оперев его на плечо.

— Эй, полегче, старый! — тут же среагировали с порога двое и слегка подняли руки.

— Чего надо? — грозно прорычал дед и демонстративно щёлкнул предохранителем, а бабка шустро переместилась за его спину, но и оттуда продолжала выглядывать.

— Девчонку свою потеряли, — особо не мудрствуя заявил тот, что стоял позади и я узнала умника, — вышла по нужде и пропала, часа два как.

— А мне что с того? — ехидно ответил дед.

— Так мороз, думаем, может дверь не смогла открыть и кинулась по соседям, — доверительно сообщили ему, — ходим, ищем. Не забегала к вам? Блондинка, симпатичная.

— Да мне хоть блондинка, хоть рыжая, хоть в крапинку, — заявил дед. — Похоже, что я люблю гостей по ночам встречать? — и прошипел: — А ну катитесь с частной собственности. И девке своей передайте, чтоб ночами не лазила, пока дробью в зад не

получила. Шастают тут, наркоманы да алкоголики, даже в деревне никакого покоя! — и добавил с громом в голосе: — Марья, закрывай дверь!

Баб Маша прошмыгнула к двери, закрыла ее прямо перед недовольными гостями на ключ и, для верности, еще и на засов. Я слезла с печки и переместилась к окну, встав сбоку и не касаясь тюлевой занавески, и увидела, как трое мужчин спешно идут к соседнему дому.

— Всем спать, — заявил дед, закрыв дверь в сени. — Подъем на рассвете, — и удалился.

Катя высунула голову из-под одеяла и прошептала с уважением:

— Суров дед, — нервно хихикнула и почти тут же уснула. Я легла рядом и отключилась, как только голова коснулась подушки.

Точка сбора

Утром, едва забрезжил свет, мы быстро собрались и прошмыгнули на заднее сиденье «Нивы», наблюдая, как дед с бабкой переминаются на крыльце и о чем-то тихо разговаривают. Стекло начало быстро запотевать, мы вытянули шеи, как по команде, и успели увидеть, как дед, решительно сделав шаг, притянул баб Машу за голову и смачно приложился губами. Катя хихикнула и сползла на пол, а я проследовала её примеру, улыбаясь во весь рот. Дед открыл ворота, выехал, запер их за собой, махнул бабке рукой, устроился на водительском и неспешно поехал в сторону дома.

— Вылезайте, — сказал он, когда мы выехали на объездную и мы покорно сели на сиденье, не в силах сдержать улыбки. — Охота вам потешаться над старым человеком, — с укором сказал он, поглядывая в зеркало заднего вида и я поймала его озорной взгляд.

Добрались за полтора часа до его домишки, вышли, а дед остался в машине. Я подошла с водительской стороны, а он приоткрыл окно и тихо сказал:

— Помогал я тебе, а в итоге оказалось, что наоборот, — и добавил задумчиво: — Вот уж не думал, что на старости лет встречу ту самую.

От его слов по всему телу побежали мурашки величиной с грецкий орех, я потерла руки неловким движением, отгоняя их, и улыбнулась:

— Поедешь за ней?

— Конечно, я же не глупец. Заберу к себе, пока все не уляжется, а там посмотрим, — и засмеялся: — А еще над Егерем потешался, когда он после сорока в ЗАГС потащился, — покачал головой, досадуя сам на себя, и тронулся с места, на ходу закрывая окно.

— Куда теперь? — спросила Катя, зябко ежась.

— Прокатимся с ветерком, — хмыкнула я в ответ и пошла под мост отвязывать лодку. Уже на родном причале пояснила: — Это дом моего отца, тут тебе ничего не грозит.

Она выбралась из лодки, осмотрелась и заявила со смехом:

— Вот где пленниц надо держать.

Леночка, заслышав шум мотора, открыла дверь на веранду, а Палыч рванул из-за ее спины, чуть не сбив с ног, и с лаем кинулся на нас. Катя дернулась и начала пятиться назад, не в силах отвести взгляд от черной громадины, несущейся во всю опору. Я пошире расставила ноги, слегка согнув их в коленях, но все равно не удержалась, когда он с разбега запрыгнул мне на руки, и повалилась навзничь, слабо охнув. Палыч пришел от этого в восторг и начал скакать рядом, отчаянно виляя хвостом, поскуливая и норовя облизать лицо.

— Да слезь же ты с меня, кабан здоровый! — притворно разозлилась я и, наконец-то, смогла встать. — Это Катя, — сказала я ему и посмотрела в умные глазки, — подойди познакомься. — Палыч осторожно приблизился, вытягиваясь в струну, и повел носом. Я подошла к Кате, обняв ее за плечи и взяв за руку, и протянула ее руку вместе со своей по направлению к мокрому носу. Палыч принюхался и завилял хвостом: понравилась.

— Вот это зверь, — пробормотала Катя и тут же ахнула от догадки: — Это что, тот щенок? Сережа рассказывал про него. Ну надо же, какой вымахал! — отважно протянула к нему руку и погладила. — Красавец, — с чувством добавила она, чем тут же завоевала его любовь.

Леночка пропустила нас на веранду и протянула Кате руку:

— Лена, на «ты», разумеется, — и добавила смущенно: — правда, с легкой подачи

Васечкиного папы, меня кроме как Солнцем никто уже и не называет.

— Катя, — расплылась она в улыбке, потому что, глядя на Леночку впервые, иначе отреагировать было просто невозможно, и неловко пожала руку.

— Пройдемте на кухню, — засуетилась она. — Я уж новую партию напекла с утра пораньше, не спалось что-то. Васечка, когда объявится уже, извелась я вся, — добавила со вздохом, имея ввиду отца.

Я пожала плечами и открыла дверь, ведущую из веранды в дом, выпустив дурманящий аромат. Катя слабо застонала и ходко потрусилась на кухню следом за мной.

— Василиса, ты ведьма, — заявила она, запихивая в рот очередной пирог, а я удивленно вскинула бровь. — Как ты можешь оставаться стройной с такой кормёжкой?

— Мне для этого пришлось съехать на городскую квартиру, — засмеялась я, а Леночка насупилась:

— Вовсе не поэтому ты переехала, нечего выдумывать, — и добавила, весело глядя на Катю: — Как есть ведьма!

Катя прыснула, прикрывая рот рукой и чуть не подавилась, а мы сочли за благо заткнуться и спокойно позавтракать.

Через полчаса мы блаженно устроились на диване, а Леночка осталась на кухне, продолжая что-то увлеченно готовить, не иначе как на роту солдат. Я взяла телефон и скинула «смс» Пашке: «Посылку наконец-то забрала, дошла без повреждений упаковки. Отдохну несколько дней». Что означало, что позвонить они мне могут, но только если считают себя бессмертными. Тут же получила ответ: «Никто и не сомневался».

«Вот стервец!» — подумала про себя и слегка покачала головой. Я такого натерпелась, а они там, видите ли, не сомневались.

— Вась, — позвала Катя, а я ухмыльнулась про себя: на одного бессмертного в моем окружении стало больше. — Как думаешь, я могу позвонить мужу?

Вопрос, как и сама его формулировка, показались мне весьма занятными, и я решила уточнить:

— Почему ты спрашиваешь?

Она смутилась и долго не отвечала, собираясь с мыслями.

— Сережа не сказал ему, что Леша жив, — наконец сформулировала она мысль и нахмурилась от того, что произносить это вслух было неприятно. — И мне не велел.

Я тут же вспомнила показавшиеся мне занятыми распечатки звонков Глеба. Судя по всему, он был убежден, что Алексей погиб. Я-то предполагала, что Глеб остался в городе, чтобы помочь с поставкой... Хотя, с этой стороны как раз ничего не поменялось. А вот поведение Сергея заставляет задуматься не только меня, но и жену Глеба, которая знает его гораздо лучше.

— Думаю, пока не стоит, — как можно мягче ответила я и решительно поднялась. — Вот что, поднимайся в мою комнату, пусть Солнце покажет, выбери себе во что переодеться, и белье возьми, не стесняйся, там есть новые комплекты с бирками, и мне что-нибудь тоже. А я пойду баньку натоплю, погреем косточки после ночных прогулок и спокойно поговорим.

Она улыбнулась и поднялась:

— Теперь то я могу тебя поблагодарить?

— Теперь можешь, — широко улыбнулась я в ответ, а она обняла меня и долго не выпускала из объятий, которые, похоже, были нужны ей гораздо сильнее, чем мне. Я обняла ее в ответ и погладила по спине.

Мы долго и с удовольствием парились, охаживая друг друга березовыми вениками и общаясь исключительно междометиями, описывающими состояние. Не стовариваясь, стараясь ни о чем не думать, полностью погрузившись в процесс. Несколько раз выбегали на улицу нагишом и падали в сугроб, хохоча во весь голос, резво поднимались и бежали обратно. И, окончательно обессилив, помылись и вернулись в дом.

Конечно, еще раз перекусили на радость Леночки, абсолютно счастливые поднялись наверх и вытянулись вдвоем на моей кровати.

— Кайф, — пробормотала Катя, растягивая первый слог и добавила со вздохом, покосившись на свою грудь: — Бюстгальтер великоват... — Я слабо хихикнула, и мы обе поняли, что время пришло.

— Поговорим? — приподняла я голову, а потом села в кровати. Катя села напротив, скрестив ноги в позе лотоса.

— Рассказать, как все произошло? — спросила она, а я кивнула, хотя и так знала достаточно подробно. — Все началось с той ночи, когда было покушение на Лешу. Мы должны были встретиться в доме, и он бы отвез меня в аэропорт, он всегда провожает меня сам, — и улыбнулась, вспомнив о брате, я тоже чуть не улыбнулась, вспоминая о нем же, но вовремя опомнилась. — Я ждала его с минуты на минуту, а потом с улицы послышались выстрелы. Я испугалась, и, естественно, побежала на звук, — а я ухмыльнулась, понимая, что поступила бы так же. — Когда вышла за ворота, никого на дороге уже не было. Я тогда сразу поняла, что случилось что-то ужасное, еще пол часа грызла ногти, в ожидании, потом позвонила Глебу, Сообщила что не полечу, о случившемся и своих подозрениях. Он согласился и сказал, что прилетит ближайшим рейсом, а я слышала, что объявляют начало регистрации на тот, что летел к нам. Не знаю, как ему удалось купить билеты и почему он приехал в аэропорт так рано, до его рейса на Москву было еще часа четыре, но уже рано утром он приехал в поселок.

Я неловко отвела взгляд, стараясь, чтобы на лице не отобразилась вся гамма чувств относительно такой неслыханной удачи, которая настигла Глеба: и в аэропорт пораньше приехал и билет на самолет купил. «Сукин сын и не планировал лететь в Москву, а заранее купил билет домой» — проворчал внутренний голос, а Катя продолжала рассказывать:

— К этому моменту я уже чуть не спятила от волнения. Он успокаивал меня, говоря, что нет поводов для беспокойства, раз никто не лежит мертвый на асфальте, — и повела плечами, вспоминая свои переживания. — В общем, я вроде немного пришла в себя, как вдруг приехал Сережа. Заходит понуро, глаза прячет. Я осела на пол, сразу поняв, что он должен сказать, потом они меня вдвоем откачивали какой-то дрянью, но сказать, что Леша погиб, ему все-таки пришлось. Само собой я разревелась и кинулась в свою комнату. А через пол часа он поднялся ко мне, начал успокаивать общими фразами, а потом резко наклонился и шепотом на самое ухо начал объяснять, что Леша жив и в безопасности, но никто не должен об этом знать, даже Глеб. Мне тогда это очень не понравилось, но я привыкла доверять решениям брата, поплакала еще с пол часа для порядка и Глебу, конечно, не рассказала. Ходила по дому тенью, в квартиру отказалась ехать, закрывалась в комнате и старалась умерить свой здоровый аппетит: скорбящим любящим сестрам не принято жрать как не в себя, — она фыркнула и покачала головой, а я отметила, что все-таки актриса, причем гораздо лучшая, чем ее муженек. — Через пару дней Сережа снова приехал, они с Глебом о чем-то поговорили за закрытой дверью, я даже не пыталась подслушать. Мне хотелось только, чтобы все поскорее закончилось. Потом они позвали меня и сообщили, что

мне все же лучше уехать, как и планировалось. Я согласилась, потому что возражать было бессмысленно. Сережа забронировал мне билеты с моего ноутбука в комнате и, пока это делал, записал мне твой номер, сказав тихо, чтобы Глеб не услышал, что, если что-то пойдет не так, сразу звонить тебе. Я очень удивилась, начала задавать вопросы, а он лишь пояснил, что только тебе сейчас доверяет, что ты поможешь без вопросов и что у тебя собственное детективное агентство.

— Поисковое, — машинально поправила я и пояснила, встретив ее удивленный взгляд: — Я не раскрываю преступления, я только ищу людей. Хотя, один раз нашла кошку, — и улыбнулась, вспомнив, как однажды к нам в офис пришла девочка лет десяти и попросила найти ее питомицу, которую она вынесла во двор показать друзьям, а та удрала, испугавшись лая дворовых собак. Нашла я её, кстати, довольно далеко от места побега, но всего за час, а потом еще и сама залезла за ней на дерево, чтобы передать из рук в руки. Открытка, нарисованная девочкой, до сих пор висит в рамке у меня за спиной в офисе. Катя слабо улыбнулась, растревоженная воспоминаниями, и продолжила:

— Сережа очень сожалел, что не может доставить меня в аэропорт сам, но я так поняла, ему срочно нужно было куда-то выезжать... — она замолчала, собираясь с силами. — А где-то через полчаса, как он ушел, в дом ворвались трое головорезов, один, такой противный на вид, ударил Глеба в лицо, тот упал, а я кинулась наверх, заперлась в своей комнате, схватила телефон и закрылась еще и в ванной. Сразу стала записывать тебе видео, чтобы ты могла убедиться, что мое сообщение не розыгрыш. Успела нажать на отправку, кинуть телефон в туалет и закрыть крышку, прежде чем они ворвались. Схватили меня, сунули под нос какую-то тряпку вонючую, и я отключилась. Проснулась уже в той комнате, где ты меня и нашла. Кстати, а как ты меня нашла?

— Благодаря твоему видео, — улыбнулась я в ответ. — Один мой друг, Пашка, я вас как-нибудь познакомлю, настоящий гений в компьютерах и во всем, что с ними связано, смог выделить задний план на видео и я без труда узнала противный голос одного из твоих похитителей. Он оставил мне эти премиленькие зеленые разводы на ребрах, которые ты наверняка увидела сегодня.

— Конечно, — кивнула она, — сложно не заметить. И на запястье синяки, — я потупила глаза, скромно умолчав, что рука пострадала без причины и от другого человека. — Где ты с ним умудрилась столкнуться?

— Он пришел в этот дом, — просто ответила я, а ее глаза начали расширяться. — Не бойся, тебя со мной он никак не свяжет, он пришел по следам твоего брата и Сереги, их и разыскивал. Думаю, он же и устроил обстрел.

— Рассказывай, — в нетерпении сказала она и я рассказала, не увидев в этом ничего особенного. — Ты спасла моего брата! — ахнула она, тут же заключила в объятия и чмокнула в щеку.

«Твой брат другого мнения» — невесело подумала я про себя, но, конечно, промолчала.

— Так что, как только я получила твое сообщение, сразу приступила к поискам. Дальше не особенно интересно, но в целом, если по-честному, выехала на чистой интуиции. Спрятали они тебя довольно хитро.

— Сережа не ошибся, оставив мне твой номер, — и добавила как-то странно: — Повезло ему с тобой.

Я пропустила интонацию мимо ушей, решив, что не мое это дело, и молча кивнула.

— Как думаешь, — начала она через некоторое время, — это все из-за той поставки?

— Что ты знаешь об этой поставке? — тут же ухватилась я за возможность.

— Да по большому счету ничего, — поморщилась она. — Знаю только, что будет какая-то важная поставка и что из-за нее могут возникнуть неприятности, поэтому меня спешно и отправили отдыхать, причем дважды, а я ни разу так и не долетела. Эх, грела бы сейчас свой зад, пила шампанское с утра пораньше и питалась одними фруктами, — мечтательно закатила она глаза.

— В Барселоне сейчас градусов пятнадцать, — улыбнулась я на это.

— Откуда ты знаешь про Барселону? — удивилась она, но тут же осеклась. — Ах, ну да, ты же собирала информацию. Ну, значит не грела бы, но все равно обидно.

— Конечно, я бы тоже с удовольствием там оказалась, — и с томлением вспомнила Бэрнардо. — Ты знаешь что в этой поставке? — спросила на всякий случай.

— Нет, — нахмурилась она. — А ты?

— Догадываюсь... — туманно ответила я, но она настояла на ответе. — Я думаю, там наркотики, очень крупная партия.

— Нет! — выкрикнула она и отчаянно замотала головой. — Все что угодно, только не наркотики!

Вскочила и принялась расхаживать по комнате, а я удивленно на нее посмотрела: слишком уж бурная реакция, она же не подросток с гормональным всплеском, в конце концов.

— Почему ты так уверена? — осторожно спросила я, вспомнив себя, когда узнала о причастности отца. Конечно, я не орала и не металась, как зверь в клетке, но чувствовала себя хуже некуда.

— Из-за мамы, — тихо ответила она и тяжело опустилась на кровать.

— Она же погибла в аварии? — уточнила я, она кивнула:

— Да, но по вине наркотиков.

— Она...

— Нет! — снова крикнула Катя и добавила виновато: — Прости, я вся на нервах и вспоминать тяжело.

— Можешь не рассказывать, если не хочешь.

— Я хочу, — уверенно сказала она. — Хочу, чтобы ты поняла, что мой брат никогда бы не связался с торговлей наркотиками. Он слишком хорошо меня знает, я бы не простила. И я уверена, для него это действительно повод, мы очень близки, особенно с тех пор, как остались одни. И мне важно, чтобы ты не думала о нас плохо, — и заглянула мне в глаза, а я погладила её по плечу, давая понять, что ничего такого в уме не держала. Она приободрилась и начала рассказывать: — Моя мама никогда не любила отца. Знаю, это звучит странно от ребенка, но это было так очевидно, что никто даже не отрицал. Просто факт. Она вышла за него по расчету, он в какой-то степени тоже: мама была очень красива, — я посмотрела на нее и согласно кивнула, определенно, она пошла в мать: кукольное лицо, аккуратный носик, большие голубые глаза и светлые волосы пшеничного оттенка, губы довольно тонкие, но это ничуть ее не портило и, при желании, быстро поправлялось помадой. И ничего общего с Алексеем, помимо, разве что, крутого нрава, который периодически брал верх над кроткостью, и та же манера улыбаться с легкой ухмылкой. Это у них, видимо, от папаши. — Они постоянно изменяли друг другу и не видели в этом ничего дурного. Знаешь, я думаю, у них было что-то вроде соглашения. Важно было лишь, чтобы чужие не знали об этом и тогда они под руку и счастливо улыбаясь ходили на

званные ужины. В общем, случилось так, что мама ехала в машине со своим любовником, а тот, прямо перед тем, как сесть за руль, принял наркотики для остроты ощущений. Думаю, мама не знала об этом, а когда они начали действовать, было уже слишком поздно что-то изменить. Машина на полном ходу вылетела с дороги, несколько раз перевернулась... — она замолчала на время, унимая дрожь в руках. — В общем, оба погибли на месте, до приезда скорой. Отец замаял дело и в протоколе написали, что мама была сама за рулем, не справилась с управлением и случилось несчастье. А того типа похоронили в безымянной могиле и даже родственникам не сообщили. Жестоко, конечно, но я ни слова не сказала, чтобы это изменить. Наверное, я все-таки плохой человек, — невесело хмыкнула она и замолчала.

— Я так не считаю, — сказала я, подумав, что бы я сделала на ее месте? Но на такой вопрос никогда не ответишь заранее: мы сами не знаем себя, пока не окажемся в тисках горя.

— Я уверена, Вась, он бы не решился. Поверь и ты, прошу.

Я в очередной раз кивнула, не желая озвучивать свои мысли. Я думала про отца точно так же, я была уверена на миллион процентов, что он никогда бы не связался с наркотиками, но факты упрямо указывали на обратное. Это так сильно раздражало, что, мне кажется, мои глаза налились кровью.

— Чего с тобой? — уловила она перемены.

— Это дело такое странное, — честно ответила я и посмотрев на нее, мгновенно успокоилась: она сидела, как испуганный воробышек. — Разберусь, — заявила уверенно и подмигнула.

— Ничего, если я подремлю немного? — устало потерла она глаза. — Я так вымоталась за эти дни, что просто валяюсь с ног. Хотя, может это от бани и трех килограммов пирогов, что во мне.

Мы переглянулись, одновременно фыркнули и засмеялись.

Закрыв за собой дверь, я спустилась вниз и принялась помогать Леночке с готовкой, в которой, впрочем, не было никакой нужды: холодильник был забит так плотно, что едва закрывался. Но через пятнадцать минут я поняла, почему она продолжает этим заниматься: ручной труд и привычные вещи невероятно успокаивают. Мысли сами собой вернулись к поставке, размеренные и легко выстраивающиеся друг за другом.

«Надо было в офисе сделать еще и кухню» — хмыкнула я про себя и стала вспоминать детали.

Совершенно очевидно, Испанец своему деверю не доверяет, несмотря на то, что они долгие годы дружили. На это есть причина или в сложившейся ситуации он не доверяет никому, все еще остается под вопросом. В момент покушения Глеб был в командировке в другом городе и, по договоренности, должен был оттуда отправляться на отдых, однако заранее запасся билетом и прилетел сразу после покушения. В тот момент, когда Скрипач решил, что Алексей был убит.

От этой мысли меня как током ударило. Вот черт! Получается, это он заказал покушение? А Алексей догадался об этом и предпочел, чтобы все враги так и продолжали думать. Маршак, кстати, вполне может знать, что Алексей жив на самом деле. Он слишком серьезный игрок, слишком давно занимается бизнесом, чтобы просто поверить в сказочку Сергея про новенькую машину, точно зная, что стрельба была. Но для кого тогда был этот спектакль? Глеб думает, что Алексей мертв, по словам того же Сергея. Заманивают в

ловушку Колосова? Вряд ли Катю похитили по приказу Глеба, он бы тогда как минимум не дал расквасить себе нос, раз уж ее все равно усыпили и его бедственного положения она не увидела. Значит, Колосов в игре. Но зачем так рисковать товаром?

«А был ли мальчик?..» — пронеслось в голове, а я только усмехнулась и покачала головой от неожиданной догадки.

Собираются вместе три влиятельных человека. У всех троих самые веские поводы не заниматься торговлей наркотиками, исключительно положительные характеристики и личные мотивы, щедро приправленные большими деньгами, обширными связями и открытыми границами.

— Ну, циркачи! — громко сказала я и захохотала.

— Ты чего? — вздрогнула Леночка, выронив из рук пельмень, который старательно лепила последние пять минут, доводя его до совершенства, а я только рукой махнула.

Конечно, не все детали встали на свое место, но причины, следствия и туманные намеки Маршака выстроились в один ровный ряд.

— Ну он у меня попляшет, — грозно сказала я, потрясая в воздухе кулаком, имея ввиду отца, с его скрытностью, и тут, как по заказу, из-за поворота показалась машина. Стоя лицом к окну, я отлично видела, как она стремительно приближается и сразу поняла, кто за рулем. Не может, стервец, спокойно водить.

Я вышла на крыльцо, как была: в шортах, майке и на босу ногу, не потрудившись ни одеться, ни обуться. Приняла позу: слегка нахмурила брови, сложила руки замком и привалилась бедром к периллам, ожидая торжественного появления.

Отец стремительно вывалился с заднего сиденья, расправил плечи, но тут же сник, увидев меня и пошел к дому с видом побитой собаки, прекрасно понимая, что его ожидает знатная головомойка. Следом за ним появились Сергей с Алексеем и затоптались возле машины в какой-то нерешительности, так им не свойственной.

Я услышала, как Катя бегом спускается по лестнице и посторонилась, не желая быть ей преградой. За ней шумно вылетел Палыч и заметался в растерянности между отцом и Сергеем, не зная, кого предпочесть объектом своих обожаний, и, так и не выбрав, принялся носиться кругами, шалея от счастья.

Как и я, Катя выскочила раздетая и с разбега кинулась на шею к брату. Тот подхватил ее на руки, чтобы голые ноги не касались холодного снега, и не испытывал при этом никаких трудностей. Я завистливо покосилась, но быстро отвела взгляд, старательно сосредоточив его на отце и игнорируя Сергея.

Отец очень осторожно приблизился, поцеловал меня в щеку и пробубнил:

— Ну чего ты, Василиса, ну так надо было, — и бочком протиснулся в дом, тут же гаркнув: — Солнце! Гостей встречай!

Солнце заметалась на месте, потом резко остановилась, всплеснула руками и потрусила к отцу, обниматься после долгой разлуки.

А я все стояла на крыльце, теперь переключив свой гнев на Сергея. Он тут же опустил взгляд и пошел к дому. Алексей подбросил Катю, разжав руки, присел и, перекинув ее через плечо, пошел следом, она взвизгнула и радостно задрыгала ногами в воздухе.

Я не выдержала и улыбнулась, но тут же спрятала улыбку, потому что она совершенно не шла к выбранному образу.

— Привет, — широко улыбнулся Серега, так же как отец, поцеловал в щеку и протиснулся в дом, а Алексей только сдержано кивнул, проходя мимо, что показалось

неимоверно обидным и меня слегка перекосило. Одно хорошо: все уже успели зайти в дом, и никто этого не видел.

Быстро справившись с эмоциями, шагнула в тепло и закрыла за собой дверь, наблюдая картину, как все нелепо топчутся в прихожей. И тут же поразилась запаху, который в замкнутом пространстве был таким острым, что глаза практически слезились: от мужчин ужасно воняло помойкой и гарью. Катя стояла на твердой земле и улыбалась во все зубы, ничего не замечая вокруг, а отец шепнул:

— Солнце, накрывай на стол, — и принялся снимать обувь.

— Ну уж дудки! — рывкнула я так, что все слегка дернулись от неожиданности, а Катя подпрыгнула и прижалась к Алексею. Я немного устыдилась и добавила спокойно: — Баня еще горячая.

— Правда, Мишенька, — поддержала меня Солнце и легонько подтолкнула его к выходу.

Отец крикнул, но поддался и повел за собой остальных мужчин.

Они шли к бане, как вдруг Сергей заржал так, что с деревьев начал осыпаться снег. Мы выглянули в окно и увидели, как он согнулся пополам, не в силах перестать гоготать, Алексей от него не отставал и периодически демонстративно вытирал слезы рукавом, а отец прикрыл глаза рукой и беззвучно содрогался всем телом. Мы с Катей переглянулись, залились краской и засмеялись громче них, потому что поняли, что мужчины увидели в сугробах. Отличные отпечатки наших голых задниц и прочих интересных мест.

— Как дети малые! — возмутилась Леночка и принялась оперативно накрывать такой стол, как будто намечалась как минимум свадьба. Катя засуетилась рядом, все еще продолжая хихикать, а я собрала три комплекта вещей, нагло стащив их у отца, чистые полотенца и понесла все в баню.

Постучала в дверь, услышав в ответ Серегино радостное «не заперто!» и осторожно заглянула, прикрыв один глаз, совершенно точно зная, что не желаю видеть голым Алексея и уж точно отца. По диаметрально противоположным причинам, но с одним и тем же итогом: спокойно больше не засну.

Серега сидел в предбаннике абсолютно голый и в гордом одиночестве, уже успев помыться. Тут же поднялся, в один шаг преодолев расстояние до меня, и заключил в объятия.

— Соскучился я, Василиса, — прошептал он мне на ухо, а я заворчала:

— Пусти, мокрый весь.

— Сейчас я постараюсь, и ты тоже будешь, — не удержался он от пошлости, которая была так очевидна в ответ, что я невольно поморщилась. Заржал, но отстранился. — Дай полотенце, мужики не поймут, — я протянула ему полотенце, и он быстро повязал его на бедрах. — Завелся с пол оборота, как сопливый пацан в отделе женского белья, — покачал он головой в легкой досаде. — Топай отсюда, сейчас остальные уже выйдут.

Я сунула ему в руки ворох одежды и поспешила удалиться, потому что его вид и у меня вызывал греховные мысли.

Через пол часа мы уже расселись за столом, Серега отчаянно пытался не засмеяться, переводя взгляд с меня на Катю и обратно, и видно было, что, вспоминая следы, мысленно сопоставляет их с оригиналами. Для Кати это было так же очевидно. Потерпев минут с пять, она не выдержала и треснула его ладонью по плечу, со всей силы, да с громким хлопком. Я послала ей благодарный взгляд, потому что у самой руки чесались, но было слишком далеко

тянуться.

Алексей добродушно ухмыльнулся, старательно пряча улыбку, и все принялись увлеченно жевать. Мужчины старались особенно и выглядели как Катя после вынужденной макаронной диеты. Было заметно, что питались они не лучше все эти дни, если вообще успевали что-то перекусить.

— Всю одежду у меня растащили! — вдруг возмущенно воскликнул отец, оглядев взглядом присутствующих. Все как один прыснули в кулаки, а потом засмеялись в голос. Все, кроме отца, который серьезно сказал, как отрезал: — Все вернуть на базу.

Мы тут же примолкли и уставились в тарелки, дабы не гневить хозяина дома: гостеприимство может неожиданно закончиться.

— А теперь объясни мне, сестренка, какого лешего ты здесь? — серьезно спросил Алексей, поворачиваясь к Кате, когда перешли к чаю. — Я как-то неясно выразил свои пожелания?

— Уймись! — осекла она его и нахмурилась. А я мысленно ей заплодировала, стоя, разумеется. — Если б не Васька, мы могли бы с тобой больше не встретиться.

— Какой Васька? — опешил он, а Катя покрутила пальцем у виска и ткнула в меня пальцем. — А-а-а... — протянул он и, по-моему, слегка смутился, хотя может мне так только хотелось. — Чего случилось-то?

И Катя принялась живо и во всех деталях рассказывать о похищении, о своей незавидной доле, заварных макаронах, удобствах в виде ведра в той же комнате, где спала, нашем невероятном везении, практически цирковых номерах, не преминула вспомнить про добрых людей, оказавших нам помощь, потом принялась корить Алексея и Сергея за то, что те ни разу не удосужились сопроводить ее до аэропорта, так что выходило, что не очень уж и пеклись о ее благополучии и, наконец-то, выдохлась, спустя, по меньшей мере, час.

На протяжении всего времени никто даже не попытался вставить слово, так её распирало. Леночка, которая не знала о причине нашего внезапного появления, то и дело охала и прикрывала рот рукой, поражаясь ужасной человеческой натуре, а мужчины все больше хмурились и переглядывались. Я же пила чай и разглядывала всех по очереди, считывая реакции на те или иные слова и делая выводы, к концу монолога убедившись в своих догадках.

— Ну ни хрена себе! — выдал Серега, а отец в пол силы ударил кулаком по столу, чашки на мгновение оказались в воздухе и приземлились, звякнув ложечками, и добавил сурово:

— Не выражаться в моем доме.

— Поняла, не дурак, — хлопнул Сережа глазами и затих.

— Надеюсь, теперь понятно, как я оказалась в этом доме? — ехидно добавила Катя, обращаясь к Алексею.

— Абсолютно, — пробубнил он в ответ, отводя взгляд.

— То-то же, — самодовольно кивнула она, а я поняла, кто в доме у руля и сжала челюсти, чтобы не рассмеяться. Она мое состояние увидела и озорно подмигнула в ответ, а в следующую секунду снова посерьезнела.

Определённо, она нравилась мне все больше и больше!

Отец похлопал меня по плечу, молчаливо поздравляя с удачным завершением очередной операции по спасению жизни, смотрел ласково и всячески подлизывался, но я была непреклонно сурова, чтобы он понял, что от разговора ему не отвертеться и, клянусь, я первый раз в жизни увидела, как в его глазах промелькнул страх. Страх быть не понятым и

осужденным человеком, которого любил больше жизни. И я подумала грустно, что вот они, настоящие мужские страхи. А не войны, голод и мор.

Увлечшись своими философскими мыслями, я забылась и положила обе руки на стол, упершись локтями и подперев ладонями подбородок, явив миру свое синее запястье. Впрочем, оно уже слегка позеленело, но я все еще его старательно прикрывала, то кофтой, то просто держа руку под столом, а на крыльце — другой рукой. Кинула быстрый взгляд на отца, который тут же нахмурился и раздул ноздри, отлично помня, что в нашу последнюю встречу этого украшения не было.

— Откуда? — спросил он тихо, но все услышали и приковали ко мне свои взгляды.

— Несчастный случай на производстве, — сострила я, но отец шутку не оценил и нахмурился еще больше, — ерунда, — отмахнулась я и неловко спрятала руку под стол, хотя сильно старалась выглядеть естественно. Тут же принялась увлеченно пить чай, подмечая, как недоуменно посмотрела Катя, как нахмурился Сергей, умудрившись перещегоолять отца, а Алексей слегка побледнел, но, как обычно, в его глазах я увидела лишь ставшую привычной злость.

«Отлично, он еще и злится на меня» — недовольно пробубнила про себя, а обида жгла душу.

Разговор за столом не клеился, Солнце начала убирать посуду, а я поднялась, бросив:

— Подготовлю комнаты, — потому что было уже довольно поздно, а гости вроде как не спешили уезжать восвояси, и удалилась под хмурыми взглядами.

Комнат было всего пять, одна на первом этаже, и четыре на втором, две из которых занимали я и отец с Леночкой, так что каждому достался свой угол. Застилая постель на втором этаже, я почувствовала чей-то взгляд. Обернулась и обнаружила Катю, которая с тревогой смотрела на меня.

— Чего? — недовольно пробубнила я, не желая притворяться радушной хозяйкой.

— Вась, ты можешь мне рассказать, — тихо сказала она, — я же не дура и вижу, что следы от чьей-то руки. Обстоятельства додумывать даже не хочется...

— Ничего такого, — поморщилась я, понимая, к чему она клонит, — просто случайность, о которой не хочется говорить.

«Но невозможно не вспоминать».

— Как знаешь, — легко согласилась она, а потом неожиданно прыгнула на кровать животом вниз, как кошка, пока я встряхнула простынь, и она плавно опускалась. Я не выдержала и прыснула, Катя заворочалась под тканью, пытаясь освободиться, и хохотала, а я держала край и мешала ей это сделать. За этими игрищами нас застал Серега, пришедший на шум:

— Девчонки, — сказал он с укором, понижая голос, чтобы отец ненароком не услышал, — перестаньте будоражить мое воображение, это же форменное издевательство.

Я вытаращила глаза, Катя выбралась, схватила с кровати подушку и запустила в него, а он засмеялся и ретировался.

— Вот кобель! — сказала она в сердцах и тут же смутилась: — Ой, прости.

— Да ладно, я же не слепая, — отмахнулась небрежно, но задумалась: я ведь и вправду была не слепая и некоторые странности в их поведении относительно друг друга определенно замечала.

Катя помогла мне заправить остальные кровати и все, наконец-то, разошлись по комнатам.

Я выключила свет и легла, прекрасно понимая, что уснуть не в силах. Сознание решило устроить мозговой штурм, но с темой определиться не могло, мысли скакали, как блохи, и я не могла ни за одну уцепиться и сосредоточиться, чтобы додумать ее до конца, а от некоторых старательно отмахивалась сама. Проворочалась часа два, не меньше, пока не услышала осторожные шаги в коридоре, а потом как приоткрылась моя дверь и без удивления увидела Сергея.

— Чего притащился? — спросила ворчливо. — Отец через комнату.

Он не спешил отвечать, сел на кровать, развернувшись ко мне лицом и хмуро спросил:

— Василиса, откуда синяки на запястье?

Я закатила глаза и слегка простонала, то есть всеми доступными способами показала, как утомил меня этот вопрос.

— Откуда синяки? — упрямо гнул он свое.

— Да что вы привязались, синяк и синяк, сойдет через неделю.

— Это твой мент постарался? — спросил он грозно, но тихо. А я только бровью повела: какие ловкие, пальцем тыкать, откуда только знают друг о друге... не помню, чтобы я их знакомила.

— Нет, — ответила сурово.

— Точно?

— Точнее некуда. Мент был очень нежен.

— Жестоко, — поморщился он, но продолжил докапываться: — Кто тогда?

— Отцепись, — разозлилась я. — Я же тебя не спрашиваю, где ты шляешься, что делаешь и с кем.

— Справедливо, — вынужден он был согласиться, посидел немного, потом лег рядом, лицом ко мне, обнял поперх одеяла и нежно поцеловал. — Извини, что втянул тебя в свои проблемы и подверг опасности.

— Да брось, ты же знаешь, мне только волю дай где-нибудь покопаться, да кого-нибудь поискать, — улыбнулась я вполне дружелюбно, а он улыбнулся в ответ:

— Откуда знаешь, что я знаю?

— Сережа, не все бабы дуры, — с укором сказала я.

— Я запомню эту мудрость и пронесу ее через года, — сострил он и засмеялся, заглядывая в глаза, потом резко стащил с меня одеяло, притянул к себе, пристроив обе руки на самых интересных местах, и начал покрывать поцелуями мою шею.

— Сережа, ты меня волнуешь, — прохрипела я, тяжело дыша. — Лучше уходи.

— Вот блин, — приуныл он, замерев, но из объятий не отпустил. — Наконец-то тебя увидел и такая непруха.

— Топай отсюда, — передразнила я его слова, он тяжело вдохнул, поднялся и ушёл, оставив меня в растрёпанных чувствах: хотелось, чтобы он остался, но я прекрасно понимала, что это чистая физиология, ничего общего не имеющая с реальными чувствами и была уверена, что им движут те же мотивы. Улыбнулась грустно и постаралась уснуть.

Сон все не шел, я отчаянно ворочалась, злилась Бог знает на что, но упорно продолжала тарачиться в потолок, а потом снова услышала шаги.

«Не вытерпел, что ли» — промелькнула мысль и я на всякий случай притворилась спящей, оставив глаза чуть приоткрытыми и стараясь, чтобы ресницы не дрожали. Дверь бесшумно открылась и я поняла, как сильно просчиталась с выводами. В комнату вошел Алексей и встал возле самой кровати, держа руки в карманах.

«Вот ведь проходной двор!» — в сердцах подумала я.

Он постоял так немного, прожигая меня взглядом, потом присел на корточки рядом и осторожно провел пальцами по моему запястью, которое не давало всем покоя весь вечер. По телу прошла теплая волна и я отдёрнула руку, как от огня.

— Не спишь? — спросил он очевидное.

— Как видите, — резко ответила я.

— Слушай, — неожиданно начал он с искренним удивлением в голосе, — почему ты мне «выкаешь»? Я старше-то лет на пять всего.

— Да мы вроде даже не знакомились, — повела я плечом, что было абсолютной правдой. Он тихо засмеялся и протянул мне руку:

— Алексей, можно на «ты».

— Василиса, и ты и так мне «тыкаешь», — со смешком ответила я и осторожно взялась за его руку, ожидая подвоха. Он схватился за нее, не сильно, но крепко и так и замер. — Ты чего пришел? — спросила я и удивилась своему испуганному голосу. Чего я боялась?

«Наброситься на него прямо тут, вот чего» — съехидничал внутренний голос, — «Да вот беда, не знаешь, какой будет ответная реакция».

— Не знаю, — ответил он, — наверное, опять посмотреть.

— Чтобы снова ничего не увидеть.

Он усмехнулся и не ответил, продолжая держать мою руку, потом ослабил хватку, но я свою не убрала: просто не смогла. Он обратил на это внимание и провел по ней большим пальцем, а я вся покрылась мурашками и, чтобы скрыть свое состояние, все же резко ее отдёрнула.

— Почему Серегу погнала? — спросил он, а я снова опешила: никак не привыкну к его манере вести разговор, прыгая с темы на тему. Сработала защитная реакция и я огрызнулась:

— Слишком громкая.

А он снова ухмыльнулся, и я увидела, как сверкнули его глаза.

— Спасибо, что вытащила сестру, — сказал он сухо, поднимаясь.

— Не стоит, — так же сухо ответила я, — она за себя уже поблагодарила.

Он скрипнул зубами и вышел из комнаты, печатая шаг, но дверь прикрыл осторожно. А я откинула голову на подушку и снова, как последняя идиотка, тихо заплакала. Так тихо и так горько, как только это было возможно.

Поставка

Проснулась я поздно, разбитая и не в настроении, и поразила тишине в доме. Быстро умылась и спустилась вниз.

— Уехали, не решились тебя будить, — ответил отец из кресла у камина, я пошла на звук и плюхнулась в соседнее, радуясь, что не придется смотреть в глаза ни одному, ни, тем более, другому. — Катерина просила передать, что позвонит, как только будет возможность.

— И уехали они не в дом в поселке разумеется? — отец кивнул. — И, разумеется, никто не должен знать, что Алексей жив, а Катя благополучно выбралась из плена и находится под его опекой? — отец вздохнул и снова кивнул, отводя взгляд.

— Василиса... — начал он, но я его перебила:

— Не утруждайся. Сейчас мне нужен ответ только на один вопрос: когда та самая поставка, о которой говорят? — и намерено выделила «та самая, о которой говорят», а отец внимательно посмотрел на меня и все-таки спросил:

— Ты не осуждаешь меня?

А я надолго задумалась. Нет, правда, осуждаю? Каждый борется как может.

— Нет, — ответила уверенно, а он вздохнул с облегчением и лицо преобразилось: передо мной вновь сидел мой большой добродушный отец, которого я так любила.

— Так когда?

— Завтра, — все-таки ответил он, но поморщился. — Что за паломничества были ночью в твою спальню? — спросил неожиданно.

«На общались» ехидно подумала я, а вслух невинно поинтересовалась:

— Что ты имеешь ввиду?

— Не держи меня за идиота! — повысил голос отец, но тут же сник. — Я старый, а не глухой.

— Ты не старый и не глухой, — улыбнулась я.

«Как же они все любят бравировать своим возрастом».

— И кто из этих паразитов довел мою девочку до слез? — спросил он строго.

— Пап... — поморщилась, не желая объясняться на личные темы.

— Ну ладно, ладно, — сдался он и проворчал едва слышно: — Как будто я сам не понял...

Но я услышала и была уверена, что он обо всем догадался еще там, за столом.

— Никаких шашней под моей крышей при моем присутствии под ней же, — сурово сказал он. — И, если у меня когда-нибудь будут внуки, я не желаю знать, как они появились на свет.

А я не выдержала и засмеялась, таким он был серьезным в тот момент. Подумала немного и поняла, что есть еще один вопрос, которой для меня был принципиален.

— Что на самом деле возит Чернов? — спросила я, выделив «на самом деле».

— А что в нашем мире во все времена было самым важным и самым ценным? — в ответ загадал он загадку.

Я прикрыла глаза, усмехнулась и покачала головой.

«Как же все просто...»

— Поеду на квартиру, — сказала, поднимаясь.

— Будь осторожна, — ответил он серьезно.

— Где, на квартире? — закосила я под дурочку.

— Василиса!

— Да хорошо, хорошо... — поцеловала его в щеку и пошла собираться.

«Итак, завтра день иск» — привычно рассуждала я, сидя в машине. — «Придется еще немного помучить Людкину тачку». И свернула на дорогу, ведущую дальше из города, а не наоборот. Карту я посмотрела заранее и без труда нашла место, где спрятать машину и пешком отправиться обследовать территорию, совершенно не напрягаясь запутыванием следов и прочими глупостями: пусть думают, что хотят. Неизбежность события была так очевидна, что даже если бы перед носом всех действующих лиц повесили по предупреждающему транспаранту с толпой протестующих, никто от своей роли уже не смог бы отказаться. Каждый по своим личным соображениям.

Завод по переработке отходов господина Петракова располагался далеко за городом. К нему с самого шоссе вела вполне приличная дорога, но я не рискнула ей воспользоваться просто потому, что не хотела столь явно афишировать свой визит. Лесом было всего три километра, а мне полезно было прогуляться: проветрить уставший от всех этих душевных переживаний мозг и растрясти Леночкины пироги, осевшие на моей тонкой талии, которой я так гордилась.

Я неспешно преодолела их за час, наслаждаясь солнечным днем. Вышла неподалеку от двухметрового забора из бетонных плит, наверху которого по всему периметру ощетилилась колючая проволока.

«Неплохо» — хмыкнула я, но камер не было. Что тут охранять, в самом деле, мусор? И я прогулочным шагом двинулась вдоль забора, правда, оставаясь при этом в лесу: мало ли кому еще придет в голову обследовать территорию. Еще через час я увидела дыру в заборе. Бетон просто осыпался от времени, оголяя арматуру. Достала бинокль и рассмотрела ближе. Что ж, как говорится, голова пролезет — пролезет и все остальное. Покрутила колесико, настраивая линзы на более удаленное расстояние, заглянула на территорию, но обзор был слишком узким, а я вдруг поняла, что отец меня обхитрил. Поставка будет сегодня, я это чувствовала.

«Что ж, тем лучше, не придется тащиться сюда еще раз» — подумала я, и резво понеслась дальше по лесу, потому что увидела, как метров через пятьсот есть проталина. Образовалась она, видимо, из-за проложенных под землей труб, и по ней можно пройти не опасаясь за следы. Похвалив себя за настойчивость, я через полчаса была уже возле пролома.

Проверила карман, убедившись, что пистолет, который я прихватила на всякий случай из дома отца, потому что мой малыш на дальних расстояниях сильно грешил точностью, на месте. Почувствовав тяжесть, странным образом приободрилась, поймав себя на мысли, что начинаю любить оружие, и принялась рассматривать территорию вживую, сравнивая расположение строений со снимком спутника, запечатлевшийся в голове.

Самое большое строение было как раз напротив разлома и именно оно мне и было нужно. В остальные, по моим прикидкам, фура просто не сможет проехать: не хватит высоты ворот. Единственное высокое трехэтажное здание с красивым фасадом, сразу напротив главных ворот на территорию, было попросту офисом.

Я с трудом протиснула голову через арматуры, ободрав щеку, но жутко обрадовавшись, что попросту тут не застряла. Затем плечи и все остальное, в очередной раз похвалив себя за гибкость. Присела и двинулась к зданию небольшими перебежками, от сараюшки до уличных туалетных кабинок, пустых ящиков и прочего хлама, щедро наваленного на

территории. По пути успела заметить, что с обратной стороны ангара, к которому я продвигалась, есть дверь.

Осторожно надавила на ручку, но дверь оказалась закрытой. Ничего, это не проблема, я теперь практически опытный домушник, справлюсь и с этим: присела и с легкостью открыла замок отмычкой, а следом и дверь. В нос ударил тот самый запах, от которого я вчера чуть не прослезилась. Стараясь дышать ртом, чтобы попросту не потерять сознание, я зашла в огромное помещение, которое тянулось на много метров вперед и прикрыла за собой дверь, оставляя себя без малейшего шанса на воздух.

«Надо было прихватить респиратор» — с запозданием пронеслось в голове, но, как говорится, после драки кулаками не машут, хотя, в моем случае, драка была только впереди.

Первым делом нужно было найти себе надежное укрытие, потому что побоище ожидалось не шуточное, во всяком случае, пули свистеть точно будут и мне бы совершенно не хотелось под них попасть. Еще одним немаловажным атрибутом было наличие хорошего обзора, но при этом, чтобы на меня не обратили внимания.

Я стала медленно двигаться вдоль стены, рассматривая ангар, который был чем-то вроде сортировочного пункта. Сюда подъезжали машины, разгружались, затем из общей кучи мусор выхватывал подъемник, перекладывал на движущиеся ленты. С них отходы сбрасывались в какую-то бетонную яму, широкую, но довольно узкую. Скорее всего, непосредственно печи находились за массивной, с виду, стеной в противоположной стороне ангара: по спутнику там вплотную находилось еще одно строение. Сейчас все оборудование замерло и не было даже рабочих. Я припомнила день недели и убедилась в своих догадках: завод специально закрыли и распустили сотрудников. Вряд ли даже такой прибыльный бизнес можно закрыть на несколько дней подряд, а не работал он, как минимум, еще и вчера.

Расчет, по сути, простой, но вместе с тем гениальный, до которого мог бы прийти любой: на заводе такого типа ни одна собака ни за что не учует наркотики. Тут их можно и хранить и уж точно принять. Найти их тоже будет невозможно: никто в здравом уме и твердой памяти даже не попытается вручную перелопатить все эти горы мусора. «Сокровище» может оказаться под любой. Специальную технику сюда не провезти, а значит поставку будут пытаться перехватить именно в момент приемки. Ангар надёжно скроет все происходящее от любопытных глаз.

Я обошла самую высокую гору, держась в ее тени. Света было достаточно, под самой крышей располагались большие ветровые окна, но было и еще кое-что любопытное: широкие металлические балки, пересекающиеся под потолком по всему периметру ангара. К ним крепились направляющие для передвижных механизмов. Я быстро прикинула траекторию: на ленту, затем по пневмической клешне вверх на направляющую, а затем продвигаюсь прямо в центр и располагаюсь на одной из балок.

Прислушавшись, я резко вышла из-за кучи, двинулась к намеченной цели и минут через десять уже стояла в позиции, в которой намеревалась лежать, и взглянула на часы. Скоро начнет темнеть, свет из окон уже не будет выхватывать возвышения на балке в виде контура моего тела. Освещение на них же и держится, то есть я полностью уйду в тень, а смотреть на лампочки никто не будет, чтобы не ослепнуть. Главное, чтобы действие не развернулось прямо сейчас, но по законам боевиков, все самые темные делишки проворачиваются только под покровом ночи. Надеюсь, когда мужчины это задумывали, от популярных сценариев они не отклонились, иначе я могу быстро превратиться в мишень номер один.

Пока окончательно не стемнело, я начала осматривать помещение, которое было с моего ракурса как на ладони. Помимо куч мусора, я увидела еще несколько позиций, где можно было укрыться снизу. Особенно мне приглянулись два больших металлических контейнера, сейчас пустых, стоящих углом к воротам.

Я начала томиться и расхаживать по балке, не боясь сорваться. Во-первых, я на ней могла свободно лежать, а не только стоять, во-вторых, бояться высоты я перестала где-то на уровне чердачного окна, когда лезла за Катей. Так что теперь могла спокойно передвигаться и чувствовать себя как на земле обетованной, да и к зловонному запаху я уже привыкла.

Через два часа мне наскучили мысли о помойке, простирающейся под моими ногами и о предстоящих событиях, я просто приготовилась смотреть спектакль до конца. С удобного балкона и, в общем-то, даже с биноклем, правда, все же не театральным. Это я вполне могла пережить, и просто стала размышлять о своей незавидной женской доле.

Ангар погрузился во мрак, на территории всего предприятия не горел ни один фонарь, но глаза привыкли к темноте и я продолжила опасное хождение. Спустя еще час пришла к выводу, что помру в девках, то есть незамужней, потому что мужчин использую только для развлечения и они мне платят тем же. Я тяжело вздохнула и услышала шум подъезжающей машины. Обрадовалась, что наконец-то шоу начнется и прилегла на боку, приподнявшись на локте, чтобы не застудить ничего важного и проверила, что карман с пистолетом все еще закрыт на молнию.

Между тем ворота медленно и шумно открывались и на территорию въехал джип. Из него выскочил незнакомый мне мужчина и щелкнул выключателем, а машина проследовала вглубь и замерла у ленты позади меня. Я принялась вертеть головой, но из машины никто больше не показался, а мужчина, я назвала его «осветителем», остался стоять сбоку от ворот. Выглядел он решительно и собрано и по хозяйским замашкам я поняла, что в машине должен сидеть Маршак, приехавший первым, чтобы встречать дорогих гостей.

Спустя минут десять через ворота задним ходом начала заезжать фура и остановилась прямо подо мной.

«Ну просто лучшие места в вечер премьеры» — усмехнулась я про себя.

Из джипа вышел Маршак, в сопровождении еще двух охранников, причем водитель остался на месте. Из фуры же вылез Сергей и Глеб. Действующие лица встретились между двух машин, кивком поприветствовали друг друга и Сергей открыл кузов. Маршак взглядом приказал одному из охранников действовать и тот деловито полез внутрь. Послышался скрежет, как будто он отпирал засов на металлическом ящике, тишина с пол минуты, снова скрежет. Наконец он вышел, сурово кивнул Маршаку, Сергей закрыл кузов, и они ударили по рукам. Другой охранник метнулся к машине, достал с заднего сиденья кейс и протянул Сергею.

Я почувствовала какое-то движение и успела обернуться на дверь, через которую зашла сама, за секунду до того, как началась пальба. Сергей и Глеб согнулись и побежали к тому самому металлическому контейнеру, который я заприметила, попутно отстреливаясь. Маршака зажали в тиски два охранника, закрывая грудью (наверняка в бронежилетах), и оттеснили за джип, так же нещадно паля. Я обернулась назад и увидела человек пятнадцать, трое из которых были с автоматами. Среди них без труда узнала Скрипучего, умника из похитителей и одного из круглолицых, оставшегося в живых на этот момент.

«Знакомые все лица» — прошелестело в мозгу, а следом пришла еще одна мысль: Алексей не мог просто где-то отсиживаться, он должен быть в ангаре. Я старательно

всматривалась, продолжая отслеживать перемещения основных действующих лиц, которых уже ubyло на два бойца, но, к счастью, не из «наших». В конце концов все постепенно рассредоточились по укрытиям, и пальба неожиданно стихла.

— Мужики! — крикнул Серега. — Что за дела?

— Оставьте кейс и фуру, залезайте все в джип и валите отсюда! — крикнул в ответ Скрипучий.

— А спинку тебе не потереть? — ехидно спросил Серега в ответ, а я поняла, что по голосу он пытается определить расположение противника.

«Взял бы мобильный, я б ему фотку скинула» — подумала я в досаде, как вдруг он действительно достал телефон и что-то на нем посмотрел, отвернув экран от Глеба.

«Ну конечно» — досадливо поморщилась я, — «на балконе я не одна».

Осмотрела балки, но ничего не увидела: слишком хорошее укрытие, слишком темно.

«Интересно, а он меня видел?»

Потом вспомнила про бинокль, и начала рассматривать уже в него. С режимом ночного видения я без проблем нашла Алексея, который пристроился чуть сбоку от ворот, выбрав позицию, через которую хорошо видно заднюю дверь. Хотела было помахать ему рукой, но опомнилась: ситуация, в общем-то, не веселая.

Сергей между тем выскочил из-за своего укрытия и нанес удар, точно зная расположения противника, и вернулся на место, сопровождаемый оглушительной автоматной очередью.

— Мужики! — весело крикнул он, — Уходите по-хорошему, я ж вас всех по одному перестреляю!

— Сам быстрее сдохнешь! — рявкнул Скрипач, но уже увидел, что лишился еще одного союзника.

Скрипач махнул рукой и снова грохнули автоматы, но палили, казалось, в никуда. Один из автоматчиков успел пробраться за лентой и теперь медленно продвигался с противоположной стороны, скрываясь за кучей мусора. Я прикинула местоположение Алексея и поняла, что ему его просто не увидеть. «Наших» зажимали в кольцо, сердце стремительно забилось, я быстро пересчитала людей внизу и поняла, что умник куда-то делся. Стараясь не психовать и не отвлекаться на перестрелку под ногами, я аккуратно взяла бинокль и стала осматривать все балки, начиная со стороны двери до своего местоположения, затем рядом с собой с одной и другой стороны. Увидела Алексея на прежнем месте, переместила взгляд и увидела умника, который медленно шел сверху по одной из балок, держа на вытянутых руках пистолет.

«Вот поганец!» — возмутилась я, потому что уже поняла, что скоро произойдет: умник сверху выстрелит в Сергея, как в самого говорливого, а значит, главного, а остальных прикончит парень с автоматом за пол минуты и никакие бронежилеты не спасут. Алексей начнет нещадно мстить, будет обнаружен и тоже погибнет.

Я решительно поставила бинокль на балку, легла на живот и обхватила металл ногами крепче. Расстегнула молнию, достала пистолет, сняв с предохранителя, сверилась биноклем с местоположением умника, прикинула траекторию падения, выждала еще пару секунд, выдохнула... прицелилась и нажала на курок, а потом вжалась в балку и постаралась не спать, потому что следом за моим выстрелом последовала целая артиллерия.

Примерно через пять минут наступила гробовая тишина, нарушаемая только стоном раненых.

Я осторожно открыла глаза, взяла бинокль и посмотрела на место, где дислоцировался Алексей, но не увидела его там. Сердце последний раз стукнуло и замерло: на балках никого кроме меня не было. Посмотрела вниз и увидела, как Сергей отрывает полоску от футболки, чтобы перемотать рану на плече. Один из охранников Маршака лежит навзничь, но он сам жив и по-прежнему за джипом. Из противоположной команды пятеро мужчин мертвы, включая Скрипача, остальные корчатся от боли, хватаясь кто за что. Включая умника, который упал прямо на автоматчика и только по этому не свернул себе шею (простреленной ноге от этого лучше не стало). Присмотрелась и увидела парня с автоматом, с бледным лицом смотрящего на свою кость, торчащую из ноги.

И тут Глеб направил пистолет на Серегу и приказал:

— Ключи от фуры и кейс. Быстро!

— Глеб, опомнись, — поморщился он, а я увидела Алексея, который медленно шел к ним, пиная мусор носком ботинка, вразвалку, с руками в карманах и сердце, наконец-то, забилося вновь.

— А вот и виновник торжества, — подло усмехнулся Глеб, — живее всех живых.

— Какая же ты мразь оказался, — спокойно сказал Алексей, а потом добавил грустно: — а я ведь за тебя сестру выдал.

— Да нужна мне эта взбалмошная сучка! — заорал Глеб в истерике, переводя пистолет с одного друга детства на другого.

— Зачем тебе эта фура? Забирай деньги за доставку и убирайся.

— Деньги за доставку! Ты идиот! Возишь такой товар и все мимо себя, когда мог бы купить остров в океане или целый архипелаг! Ты просто сопляк!

— И куда ты его денешь? — хмыкнул Серега. — По клубам будешь малолеткам продавать?

— Нашел идиота, — прошипел он, но даже я услышала.

— Значит, повезешь своему новому приятелю из-за Кавказа? Что ж, следовало бы догадаться... — сказал Алексей.

— Да вы малохольные, ничего дальше своего носа не видите, — противно засмеялся Глеб и тут же заорал: — Быстро ключи и кейс!

— Отдай ему, — спокойно сказал Алексей.

— Ты спятил?! — возразил Серега: — Как мы выкручиваться будем?

— Что-нибудь придумаем, — спокойно пожал плечами Алексей. — Пусть катится ко всем чертям, смотреть на него тошно.

Сергей выполнил требование с большой неохотой, все еще косясь на Алексея, но тот остался непреклонен.

— Пока, друзья, — театрально поклонился Глеб, пятась к кабине фуры. — Катюше мой пламенный привет, — и хихикнул: — То есть, я хотел сказать, пока! — Алексей пожал плечами и ответил:

— Нет у тебя больше друзей. И семьи.

Глеб быстро сел в фуру, завел ее, и на полном ходу вылетел из ангара.

А я не выдержала. Села на балку, свесив ноги, и громко захлопала в ладоши, поражаясь их профессионализму.

Серега заржал и гаркнул так, что стены задрожали:

— Василиса! Слезай оттуда, партизанщина!

И я покорно начала спуск таким же образом, как и поднималась. К тому моменту, как я

подошла к воротам, мужчины быстро осмотрели территорию и стояли рядом, переговариваясь.

— Василиса, — обнял меня Сергей за плечи, — опять спасла наши задницы, моя ты умница! — и смачно поцеловал в макушку.

— Метко стреляешь, — заметил Алексей, глядя куда-то поверх моего плеча, и кивнул на бинокль: — С ночным видением?

— Конечно, — просто ответила я.

— Послушала старого, — довольно расплылся в улыбке Маршак. — Хвалю, — и тут же посерьезнел: — Ладно, ступайте, мне еще с ментами объясняться всю ночь.

И мы пошли на выход из амбара, где, как выяснилось, спокойно дожидался джип Алексея. Я залезла назад, понюхала рукав, застонала, закатив глаза, и сказала с досадой:

— Как же от меня воняет!

Серега, по обыкновению, заржал и лихо тронулся с места, а я достала телефон, нажала на кнопку быстрого вызова и сказала, как только мне ответили:

— Пап, топи баню, — и дала отбой.

Сергей отвез меня до места, где я оставила машину, и я в сопровождении добралась до дома отца, где меня передали буквально из рук в руки. Не входя в дом, попросила Леночку принести мне вещи и сразу отправилась в баню, где долго парилась, обдумывая все произошедшее, и восполняя пробелы. Кое-что спросила у Сергея по пути, а что-то еще предстояло уточнить у отца.

Когда смердящий запах наконец-то исчез, я вернулась в дом, прикрыла за собой дверь и немного постояла у порога, улыбаясь. Из гостиной слышалось мерное потрескивание дров в камине, по всему дому расползся запах выпечки, Палыч сладко спал, развалившись в проходе, и было так уютно и спокойно, что хотелось наслаждаться этим вечно.

Я прошла к камину и села в соседнее с отцом кресло.

— Я рад, что ты догадалась и была там сегодня, — сказал отец, а я с удивлением на него посмотрела:

— Ой ли? Наверняка отправил их на квартиру, как только я вышла за порог.

— Зачем? — улыбнулся отец. — Они и так там были с самого утра, — я засмеялась и покачала головой. Ну, конечно, второе безопасное для них место после дома отца — моя квартира, да и я под контролем.

— Обложили! — притворно возмутилась я, а отец посерьезнел:

— Вась, это не шутки.

— А то я не поняла. А почему тогда рад?

— Когда ты пошла в баню, Алексей рассказал, что, если бы тебя там не было, ему бы пришлось пасть смертью храбрых при попытке благородной мести, — «Алексей рассказал...» — прошелестело в мозгу. — Хорошие ребята, порядочные, я бы расстроился. Но в другой раз я бы предпочел, чтобы ты осталась в стороне.

— А будет другой раз?

— Пока не ясно, — поморщился он. — С этим бы разобраться.

— Давай расставим все точки, — он кивнул. — Когда все началось?

— Примерно год назад. Со мной связался Самуил и попросил о встрече. Я всегда его уважал и согласился. Ты не знаешь, но я нашел тех мерзавцев, что убили его дочь, — я подняла бровь. — Ну чего ты в самом деле? Конечно, нашел. Но, к сожалению, прошло

довольно много времени, доказать вину возможным не представлялось, то есть отправить их в тюрьму не получилось. Тогда я впервые в жизни пошел на компромисс со своей совестью.

— Неужели сдал? — ахнула я, но тут же представила, что, должно быть, испытывал отец, когда нашел ее: хрупкое истерзанное тело, наспех засыпанное землей и ветками, похороненная как бродячий пес и так страдавшая в последние часы жизни. А у него самого дочь растет и нет никакой гарантии, что завтра он не будет так же искать меня.

— Сдал, — кивнул отец. — И ни разу не пожалел об этом. Хотя это были совсем еще мальчишки: одному семнадцать, второму двадцать. Обкололись какой-то дрянью в клубе и до утра там же накачивались еще и выпивкой, а когда вышли, ничего уже просто не соображали. Оба из приличных семей, раньше баловались наркотой, но никогда не принимали ничего по-настоящему разрушительного, тот раз был первый. Поэтому и вкололи ей слишком много: просто не знали сколько нужно, чтобы человек ушел в отключку. Я тогда очень удивился его решению.

— Он их не тронул?

— Еще оригинальнее. Или благороднее, если угодно. Он связался с их семьями и отправил их на принудительное лечение, сам же его и оплатив. Скажу честно, после этого я сам себе долго не мог признаться в том, что моего благородства на такое бы не хватило.

Я протянула руку и погладила его по плечу, а он положил свою большую теплую ладонь сверху.

— Я понимаю, — тихо сказала я, а он с благодарностью кивнул.

— В общем, мы встретились, и тогда он рассказал мне о своих планах. По большому счету, они бы осуществили их и без меня, просто на это потребовалось бы больше усилий и еще больше денег. И я согласился. Снова, как тогда, поступился со своими принципами, и также ни разу не пожалел. Я сразу же связался со своим другом на таможне, Николаем. Знаешь, я до этого никогда не задумывался, как много людей, даже среди моих знакомых, пострадало от этой дряни. Николай рассказал мне, что муж ее дочери оказался наркоманом со стажем, бил ее нещадно долгие годы, а он, как глупец, ничего не замечал. Впрочем, и она не рассказывала. В конце концов, она угодила в больницу с выкидышем и тогда врачи пояснили ему, каким именно образом произошло несчастье. Зятя он засадил в тюрьму, но жизнь проще не стала, да и ребенка дочери уже не вернуть. В общем, в наших рядах прибыло: Николай, к тому моменту уже занимающий пост начальника службы безопасности, легко согласился.

— А Самуил Яковлевич, — продолжила я, — вышел на Чернова, единственного на тот момент человека в городе, который мог привезти что-то без огласки и у которого так же были личные причины согласиться.

— Не вышел, просто встретился. Он знал о его отце, который, кстати, действительно возил в город и наркотики и оружие, и что его сын распорядился возможностями с умом, не раз пользуясь его услугами.

— И начал возить информацию, то есть попросту бумажки. Но окутал все это завесой тайны, щедро приправленной тротилом.

— Ты удивишься, как много людей не желают использовать современные способы передачи информации. Пашка твой знает, на каждого умника всегда найдется еще более умный, а тут — стопроцентная гарантия. Если не доставки из рук в руки, то полного уничтожения.

— А граница?

— А через границу он возит только легальную продукцию, без всякой взрывчатки, разумеется. И по стране хватает возможностей, чтобы заработать на хлеб с маслом.

— Разумно, — хмыкнула я. — Заминировал на глазах у отправителя, тот установил код, который сообщил только получателю в любом удобном для него формате. Хоть лично встречайтесь, если такие параноики. И все, едет себе ящичек, никто пальцем не тронет. Один раз попытались и еле ноги унесли. Хотя, думаю, и тут не случайность — время рассчитано ровно на то, чтобы успеть отбежать на безопасное расстояние, если не знаешь код. То есть защита о ближнем и одновременно о получателе, если на того вдруг надумали таким хитрым образом организовать покушение.

— Признайся, элегантно, — хмыкнул отец и я согласилась.

— Наркотики нахально перекупали?

— Да. Самуил обладает большими связями и еще большими возможностями. После смерти дочери деньги ему попросту некуда девать. Основная часть перекупленных должна была прийти в наш город, поставки были небольшие, но регулярные, и на них все же обратили внимание.

— А Маслов исходил слюной и мечтал урвать кусок пирога, раз уж их все равно уничтожают сразу по прибытию. Сергей рассказал в машине, что они начали подозревать Глеба пару месяцев назад, обратив внимание на его командировки на Кавказ, где были поставщики только сельскохозяйственных продуктов и вина. Довольно мелкие для такого царского внимания. Но до последнего давали ему один шанс за другим. Сначала отправили его вместе с Катей отдыхать. Но он решил иначе и нанял Кольпина разделаться с друзьями, чтобы не путались под ногами и вернулся в город. Он считал, что вполне мог принять очередную поставку сам. Она действительно была такая крупная, как все говорят, или это тоже очередная уловка?

— Действительно. Крупнее, чем все вместе взятые, которые возили за год. Это было опасно, но, когда Самуилу предложили её по довольно низкой цене, мы поняли, что она все равно кому-то уйдет и решили рискнуть. Николай даже поехал с нами от самой границы. Не потому, что не доверял, а чтобы посмотреть своими глазами, как эта дрянь будет сгорать в закрытой высокотемпературной печи.

— И вы решили пустить байку о том, что в город едет такое сокровище, слегка исказив реальное время прибытия. Но откуда узнал Колосов? Я ведь не ошиблась, это он приказал похитить Катю?

— Не ошиблась, — довольно заметил отец. — Я шепнул одному человеку из местных органов, которому когда-то помогал в поисках, по большому секрету, разумеется. Еще много лет назад я узнал, какая он мразь и выбор был очевиден. Он, в свою очередь, рассказал паре дружков, один из которых — деверь Колосова.

— Таким образом, если бы Глеб не решился, вы все равно смогли бы упечь Колосова, который бы непременно позарился. Сам лично он, конечно, никогда не придет на сделку с автоматом на перевес, а вот его деверь... Кто он?

— Тот тип, которому ты прострелила ногу, — улыбнулся отец. — Ты всегда безошибочно определяла главных действующих лиц.

— Ну конечно, «умник», — хмыкнула я и пояснила: — Он был самым сообразительным из Катиных похитителей. И самым сообразительным в ангаре сегодня.

— Слава Богу, не сообразительнее тебя.

— Этот бинокль, который ты подарил мне на двадцатипятилетие — просто чудо, —

улыбнулась я в ответ. — Маленький, легкий и при этом выполняет все нужные функции, — подумала немного и продолжила: — Теперь на него хорошо нажмут, и, как человек умный, он быстро найдет выход из положения. Сдаст Колосова, чтобы существенно уменьшить себе срок.

— Конечно. Вооруженные люди врываются на частную собственность, охрана отстреливается, некоторых ранили, кого-то убили, но применение ответных мер будет оправдано. Плюс похищение и покушение. Полный набор.

— А Маслов удрал, потому что перевозчику, в общем-то, делать там было нечего, но при этом похитил и товар, и деньги. К тому же, это наверняка он убил охранника Чернова, который пришел к нам в дом в ночь обстрела. Уверена, полиция по его следу тоже пойдет, но вряд ли уже успеет. Зато Катя сможет с ним развестись, как с преступником, по решению суда.

— Алексей все-таки отдал ему отступные?

— Да. Сергей пояснил, пока мы ехали, что, если Глеб все-таки не одумается, они решили его отпустить на все четыре стороны с деньгами на первое время, чтобы он не вздумал возвращаться.

— Разумно. Деньги Алексей всегда заработает. Катерину жалко, не легко ей придется узнать, какой подонок ее муж.

— Думаю, она с этим легко справится, — ухмыльнулась я в ответ, думая о своем, о женском. — Я могу рассказать историю в конторе?

— Пожалуй, можешь. Только скажи, что поставка была последней, как завершающий этап операции, так сказать.

Я согласно кивнула.

— Но почему ты сразу мне не рассказал? Неужели ты мог подумать, что я не пойму тебя? Что буду осуждать? Знаешь, это даже слегка обидно.

— В первую очередь, я, как отец, должен думать о твоей безопасности. Прекрасно зная твой характер, нечего было и мечтать, что ты просто отсидишься в стороне, довольствуясь рассказами, — и сурово посмотрел на меня, добавив: — что и вышло. С этими деятелями я уже провел беседу. Я предупреждал, чтобы ты даже рядом не проходила. Унюхаешь за версту и начнешь копать, но они явно тебя недооценили. Олухи.

— Алексей был довольно серьезно ранен, — слабо возразила я, но отец остался непреклонен:

— Лось здоровый, потерпел бы до деда.

— Кстати о деде! — опомнилась я и рассказал о том, что наш одинокий волк нашел себе такую же одинокую волчицу. Отец смеялся до слез, не в силах остановиться, на шум прибежала взъерошенная более обыкновенная Леночка, с недоумением на нас уставилась и всплеснула руками:

— Ночь на дворе, а они все байки травят! — и добавила сурово: — Михаил, быстро в постель! И так тебя неделями не вижу!

Отец весело подмигнул и побрел за женой. Умный человек.

На следующий день я решила осчастливить агентство своим присутствием и приехала часам к двенадцати, никого не предупредив.

— Василиса! — кинулся ко мне Петрович, сидевший за своим столом в гордом одиночестве, и крепко обнял.

— Ты чего, Петрович? — спросила удивленно, ранее не замечав в нем излишней сентиментальности.

— Живая! — радостно выдал он, отстраняясь.

— Чего со мной будет? Пашка что, не передал, что я благополучно вызволила Катю?

— Передал и поспешил предупредить, чтобы не беспокоили, если головы не лишние. Мы прониклись, конечно, а вчера эта стрельба на заводе. Максим меня ночью поднял новостями, я так и не уснул, примчался сюда семи еще не было и все ждал, сам не зная чего.

— С чего ты взял, что я была вчера на заводе во время стрельбы?

— Ох, Василиса, я старый, но все же не дурак. Мы все подумали одно и то же, — и добавил доверительно: — Не поверишь, я даже молитву прочитал.

— За упокой моей бессмертной? — засмеялась я, не удержавшись от издевки.

— Вот дура, прости Господи, — с обидой сказал Петрович, но тут же расплылся в улыбке: — Позвоню нашим, ставь чайник. Я Леночкины пироги с порога учуял.

Я поставила чайник, села за свой стол и с любовью провела по нему руками. Потом походила немного из угла в угол, просто так, рассматривая стены, как будто видела их впервые. Казалось, с моего последнего визита сюда прошла целая вечность, а не несколько дней.

Дверь резко открылась, ударившись ручкой о стену, влетел Максим в расстегнутой куртке, под которой была домашняя футболка, и развязанным шнурком на одном ботинке. Тут же сграбастал меня обеими руками, тесно прижимая к груди мою голову одной рукой, а второй держал за спину, видимо, чтобы не смылась.

— Я прямо как с того света вернулась, — хихикнула я.

— Не смешно, — пробубнил он в ответ. — Я чуть не спятил, Василиса. Как узнал, поехал в чем был на завод, но там все оцеплено, а наши отмалчиваются, мол, непонятно еще ничего. Рванул обратно, дома ходил из угла в угол, на работу забил. Собрался напиться, но тут Петрович звонит.

— Я же не говорила вам, что собираюсь лично присутствовать при передаче посылки, зачем так накручивать себя? — с укором ответила я и попыталась отстраниться, но не тут-то было.

— Это и так было ясно, как день, — заявил он и наконец-то ослабил хватку, но тут же взял меня обеими руками за лицо и глядя в глаза сказал очень тихо: — Одно дело, когда ты принадлежишь не мне и совсем другое, когда не можешь принадлежать уже никому.

Я нервно сглотнула и, не выдержав, отвела взгляд. Он погладил меня пальцами по щекам, осторожно поцеловал и, наконец-то, отпустил. Как раз вовремя: на пороге появился Пашка с улыбкой во все лицо, быстро подошел, обнял, чмокнул в щеку и заявил:

— Давай рассказывай!

Я фыркнула и начала рассказывать, попутно разливая чай, начиная с момента, когда ушла вечером проверить дом старушки. Мужчины слопали гору пирожков, качали головами, смеялись, кряхтели, иногда злились и ругались, в конце обалдели и вытаращили глаза, а я осталась довольна произведенным эффектом и удалилась, оставив их переваривать.

Потанцуем?

Часов в восемь вечера позвонила Катя и позвала меня к себе в квартиру. Я поехала, ожидая, что мне придется утешать ее в горе, но попала на торжественное сожжение вещей Глеба. В огромной кастрюле прямо на кухонной плите под вытяжкой, чтобы не сработала пожарная сигнализация. Катя плотоядно улыбалась, поджигая очередную рубашку:

— Пятьсот баксов, — заявила она и чиркнула огромной спичкой, предназначенной для розжига духовки. Огонь мелькнул в ее глазах, я слабо передернула плечами от такого зрелища и достала из сумки бутылку вина, купленную по дороге. На трезвую голову происходящее здорово походило на сцену из фильма ужасов.

После первой бутылки откуда-то появилась вторая и у кастрюльки мы стояли уже вместе, весело хихикая. Через пару часов нам это надоело, мы перебрались в просторную гостиную и завалились на диван.

— Хорошо у тебя тут, — мечтательно сказала я.

— Это все Леха, — махнула она рукой. — Молодой семье надо жить отдельно, — передразнила она брата, получилось похоже и я весело фыркнула. — А мне в поселке всегда нравилось и уезжать оттуда я не собиралась. Поди отправил меня подальше, чтоб с девками своими встречаться было сподручнее, — фыркнула она в ответ, а я притихла.

Наличие у Алексея каких-то там девок больно ранило мою девичью душу, хотя глупо было бы думать, что у него их нет. Но во множественном числе — это все же слишком, в голове замелькали красавицы одна другой краше, и я окончательно скисла. Оказалось, Катя все это время наблюдала за мной, потому что тут же безапелляционно заявила:

— Рассказывай.

И я рассказала, потому что обида жгла изнутри и держать ее в себе не было уже никаких сил.

— Вот чурбан бесчувственный! — грозно заявила Катя. — Ну, я ему покажу! — и потрясла кулаком в воздухе.

— Пожалуйста, не надо, — жалобно попросила я и схватила ее за руку. Она тут же сникла, тяжело вздохнула и обняла меня. Посидели так немного, потом она все же спросила: — А с Серегой у тебя что?

— А Серегой у меня секс, — заявила я в ответ и вздохнула: — и того давно не было. Никаких радостей в жизни.

— Как я тебя понимаю, — грустно сказала она в ответ, и мы услышали, как открывается входная дверь.

— Какого... чем так воняет?! — заорал Алексей с порога и послышались быстрые шаги в сторону кухни.

— Мама дорогая... — пробубнил Серега и они бегом припустились к гостиной.

Не знаю, что они ожидали увидеть, но точно не пустые бутылки, валяющиеся то тут, то там (на второй я перестала считать). Повсюду пепел, винные разводы и две пьяные девицы в обнимку на диване.

Они замерли, открыв рты, а Катя громко и жутко пьяным голосом прорычала:

— Явились!

— Дела... — почесал голову Сергей, а Алексей тяжело выдохнул, то ли с облегчением, то ли удрученно.

Парни переглянулись, подошли к дивану, подхватили нас (Сергей взял меня на руки, Алексей — Катю), и понесли в спальню. Уложили на кровать прямо в одежде, бережно прикрыли пледом, выключили свет и удалились, прикрыв за собой дверь. Мы только вздохнули и, больше не разговаривая, отключились.

— Голова-то как болит, — простионала Катя рядом, не открывая глаз. А я сладко потянулась: пила я редко и организм переносил такие попойки крайне благоприятно. — Ведьма, — прошипела она, все-таки открыв один глаз и увидев мою довольную физиономию. — Изыди.

Я резво поднялась и пошла в ванну приводить себя в порядок, но старалась, как выяснилось, зря. Дождалась, пока Катя примет душ после меня, и мы вместе вышли из комнаты, ожидая потока ехидства, но обнаружили квартиру совершенно пустой и, что приятно, чистой, без каких-либо следов нашего вчерашнего буйства, а в холодильнике — несколько бутылок пива.

— Какая забота, — скривилась Катя и припала к горлышку, жадно глотая.

Я воздержалась, потому что мне еще нужно было, наконец-то, отогнать Людмиле ее машину, которой я так нахально пользовалась все эти дни. Катя решила поехать вместе со мной: побыть на свежем воздухе, чтобы прийти в себя. Часа через три я освободилась и только решила вызвать такси, как позвонил Сергей:

— Ну вы и нажрались вчера! — засмеялся он в трубку, как только я ответила.

— И тебе привет, — отозвалась я. — Чего звонишь?

— Я обещал ресторан, — медовым голосом ответил Серега, а я фыркнула. — Сегодня вечером свободна?

— Свободна, — и подумав, сказала: — Позову Катю, если ты не против.

Сергей задумался, прикидывая свои шансы после такого ужина все-таки оказаться в моей постели и решив, что они по-прежнему велики, согласился:

— Не вопрос.

— Забери нас из поселка.

— В семь, — бросил он и отключился, а я пошла в дом Черновых.

Катя открыла мне с маской на лице и грустными глазами.

— Серега везет нас вечером в ресторан, — с порога заявила я.

— Отлично, похмелюсь, — усмехнулась Катя и мы четыре часа прихорашивались, ничуть не жалея потраченного времени и усилий.

Для себя Катя выбрала голубое платье чуть выше колен с пикантным узким вырезом на груди, для меня пожертвовала свое новое платье, которое так и не успела ни разу одеть. Черное, в пол, с открытой спиной до самой пятой точки. Она обошла меня по кругу, придирчиво оглядывая, взглянула на руку, слегка поморщилась и нацепила мне штуки три brasлета разной ширины, но в одном стиле.

— Блеск! — заявила она удовлетворенно и встала рядом со мной у зеркала. — Серегу удар хватит. А вот и он, — заметила, когда в дверь позвонили. — Пойду открою.

Сергей решил за мной подняться в Катину комнату и застал меня все у того же зеркала, поправляющей прическу. Подошел сзади и обнял, пристроив свои руки на моем животе, а я откинула голову ему на грудь и заглянула в глаза через зеркало.

— Когда ты так на меня смотришь, — шепотом сказал он, наклоняясь к самому уху и не отводя взгляд, — я из штанов выпрыгиваю.

— Я знаю, — игриво ответила я.

— Завязывай, если хочешь сегодня поужинать.

Кушать и вправду хотелось, я отстранилась и обула приготовленные туфли.

Возле дома стояла роскошная «Ауди» последней модели цвета шампанского.

— Красотка, — сказала я, оглядывая машину. — Чья будет?

— Твоя, — ухмыльнулся Серега, протягивая ключи, — документы в бардачке. Это тебе от нас троих, за то, что как минимум по разу спасла наши задницы.

— Вы спятили, — тут же нахмурилась я. — Не собираюсь принимать такие подарки.

— Не будь душой! — возмутилась Катя, выхватила у Сереги ключи и сунула мне их в руку.

И я решила не быть: обняла их, расцеловала и плюхнулась на водительское кресло, настраивая его и зеркала после Сереги. Выехав за ворота, притормозила возле Людкиного дома, посигналила, открыла окно и помахала в камеру наблюдения, счастливо улыбаясь. Тут же пришло смс «Стерва!», я засмеялась, помахала еще раз, закрыла окно и уточнила:

— Куда едем?

— В «Старый город».

— Пристегнитесь, — ухмыльнулась и рванула с места.

— Черт, детка, — пробормотал Серега, когда я остановилась, — спасибо, что предупредила.

— Хорошо, что я блондинка и мои седые волосы не бросаются в глаза, — поддержала его Катя.

— Да ладно, чего вы, — удивилась я и вышла.

Раздевшись возле гардеробной, Серега отошел на два шага назад и окинул нас взглядом:

— Я самый счастливый мужчина на свете, — заявил он убежденно и подготовил локти.

Мы ухватились за них с обеих сторон и решительно вошли в главный зал.

Сергей явно наслаждался нашим появлением, вечер проходил в теплой дружеской атмосфере, щедро разбавленной комплиментами и пошлыми шутками, которые мы благодушно пропускали мимо ушей. До тех самых пор, пока я не увидела, как в зал входит Алексей, а у него на локте виснет длинноногая блондинка, красивая и немного неестественная. Подозреваю, что ее красота была следствием усилий пластического хирурга, но менее эффектно она от этого выглядеть не стала.

«Это что, единственный приличный ресторан в городе?» — возмутился внутренний голос.

Я старательно принялась разглядывать еду у себя в тарелке, но Катя успела проследить мой взгляд, посмотрела в ту же сторону и на мгновение нахмурилась. Быстро сориентировавшись, она взяла на себя всю инициативу в разговоре, старательно отвлекая внимание Сергея, что дало мне время прийти в себя. Я справилась с собой и быстро включилась в разговор. Вечер снова потек в прежнем ключе. Опять же, до тех самых пор, пока Катя не уставилась куда-то за мою спину, а я запретила себе вертеть головой.

— Привет, — сказал Алексей, появляясь в поле моего зрения. Как видно, с остальными он сегодня уже виделся. И протянул руку: — Потанцуем?

Катя сверлила меня взглядом и слегка двинула ногой по щиколотке.

— Привет, — смогла выдавить я из себя, поднялась и положила свою руку в его.

Он медленно повел меня в самый дальний угол танцевальной площадки, где было поменьше пар, а я старательно пыталась не споткнуться, еле передвигая ватными ногами и

была похожа на тряпичную куклу, ничего не в силах с этим поделать. Он остановился, легко притянул меня к себе, перехватил ладонь, не отпуская, и согнул руку в локте, потом взял мою вторую руку и положил себе на плечо. Браслеты легко скользнули ниже, обнажая зеленые разводы. Он посмотрел на них, слегка поморщился, провел по запястью пальцами и, не поднимая глаз, тихо сказал:

— Прости за это.

Я слегка повела плечами, мол, что было, то было. Он убрал руку, положил ее мне на спину, едва касаясь, и сделал шаг, начиная танец и увлекая меня за собой.

— Машина понравилась? — спросил он через некоторое время.

— Да, красивая, — стараясь говорить без дрожи в голосе, ответила я. — Спасибо.

— Спасибо тебе, — полностью положил ладонь на мою голую спину и слегка сжал пальцами.

Меня бросило в жар, сердце забилося в бешеной ритме, я поспешно отстранилась, чтобы скрыть свое состояние, и его рука снова приняла прежнее положение. Я пыталась прийти в себя, но тут он сказал:

— Неплохо выглядишь.

«Неплохо!» — взорвался внутренний голос, а меня как будто окатило ледяной водой с головы до ног. Я сделала еще пару шагов по инерции и остановилась, вынуждая его сделать то же самое. Вскинула голову, максимально приблизившись к его уху и тихо сказала:

— Ты мне ничем не обязан. Возвращайся к своей прекрасной спутнице.

Аккуратно освободила свою ладонь и сделала шаг назад. В этот момент стихла музыка и на мое постыдное бегство никто не обратил внимания.

Пока я возвращалась за стол, смогла привести себя в чувство. Катя вопросительно на меня посмотрела, но я проигнорировала ее взгляд, сделала глоток воды и принялась травить байки о том, как громко Катя клацала зубами на чердаке и как отчаянно трусила сама. Серега ржал, Катя поначалу насупилась, но вскоре и сама не смогла сдержаться от смеха, когда я перешла к рассказу о том, как чихнула под кроватью, они схватились за животы.

Катя то и дело касалась Серegiной руки, сама того не замечая, и он отвечал ей тем же. И я с легкой грустью поняла, что чужая на этом празднике жизни. Когда Сергей в очередной раз коснулся ее, он поймал мой взгляд и резко отдернул руку. Я выждала еще минут десять неспешной беседы и решительно поднялась.

— Простите, мне пора.

— Куда?! — спросили они в два голоса.

— В отпуск, — пожала я плечами и пошла, на ходу бросив «я позвоню», обращаясь к обоим сразу.

Возле гардеробной меня все же догнал Серега, ухватил за руку и спросил виновато:

— Ты из-за этого прикосновения, да? Слушай, это ничего не значит, мы сто лет знакомы, она мне почти что сестра.

— Не перегибай, — с ухмылкой ответила я.

— Черт, ладно, ты права. Но все равно, это ничего не значит. Пошли обратно. Или хочешь, уедем?

— Прости, мне правда нужно на самолет. Я просто забыла тебя предупредить. Не злишься?

— Нет, — хмуро ответил он и, конечно, не поверил.

Я поцеловала его в щеку и быстро пошла к выходу, на ходу одевая пальто, села в свою

новенькую блестящую машинку, которую уже успела полюбить, и по громкой связи набрала Ирину, приятельницу из туристического агентства, наплевав на позднее время.

— Смотрю Барсу? — спросила она вместо «алло» и выразительно зевнула.

— Да, Ириш, пожалуйста. Как можно раньше.

— Я сейчас, повиси, — и принялась клацать по клавиатуре. — Сегодня днем был один отказ, транзит через Москву, вылет через три часа. Больше билетов нет вообще, Новый Год же на носу. Обрато на ближайшие две недели тоже пусто.

— Подходит, бронируй. И будь зайкой, зарегистрируй сразу на рейс.

— Не вопрос, дорогая. Скину информацию смс-кой.

Времени было ровно на то, чтобы доехать до квартиры, быстро покинуть кое-какие вещи и сразу же выезжать в аэропорт. По дороге позвонила Катя:

— Так, я в туалете, Серега страшно расстроился и сидит мрачнее тучи. Что он сказал?

— Кто?

— Не нервируй меня! Леха, конечно.

— Сделал комплимент.

— Я теряю терпение.

— Неплохо выглядишь, — передразнила я его, а Катя застонала в трубку:

— Ну что за кретин...

— Забей, — отмахнулась я, но обида подкатила с новой силой. — Слушай, я действительно опаздываю, самолет через два с половиной часа.

— Ты что, правда в отпуск? — удивилась она. — Я думала это байка для Сереги.

— Ну, тогда была байка, а теперь опаздываю.

— Понятно, — хмыкнула она. — Куда полетишь?

— Пить шампанское, питаться одними фруктами и не греть задницу на солнышке.

Она засмеялась и отключилась.

Уже по дороге в аэропорт я успела позвонить отцу, извинившись, что не отпраздную с ними. Скинула сообщение Пашке, чтоб не ждали, а Бэрнардо с номером рейса и сразу же отключила телефон.

В аэропорту Барселоны было довольно многолюдно, но своего встречающего я увидела издали по сияющей улыбке и огромному букету алых роз, с которыми он неизменно меня встречал.

— Малыш! — пропел он, шагнув на встречу, но тут же изменился: взглянул грустно и с сочувствием. — Моя бедняжка, иди сюда, — и прижал меня к себе одной рукой, чертов знаток женских душ. — Будем старательно лечить любовную лихорадку, — подмигнул и мы пошли к выходу.

Бэрнардо ответственно подошел к выполнению поставленной миссии и три первых дня мы выбирались из постели только чтобы перекусить. Кажется, где-то в это время прошло празднование Нового Года, но нам было все равно. Потом мы изредка стали выбираться и бродить по пустынному пляжу за его виллой. Я куталась в шарф, а Бэрнардо трогательно обнимал меня и неспешно что-то рассказывал. Однажды вечером, лежа в кровати и по привычке разглядывая потолок, я услышала негромкую музыку, доносящуюся из ресторанчика поблизости.

В мозгу что-то щелкнуло, я ухмыльнулась и позвала:

— Бэрнардо.

— Да, малыш, — отозвался он, все еще тяжело дыша.

— Научи меня танцевать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net